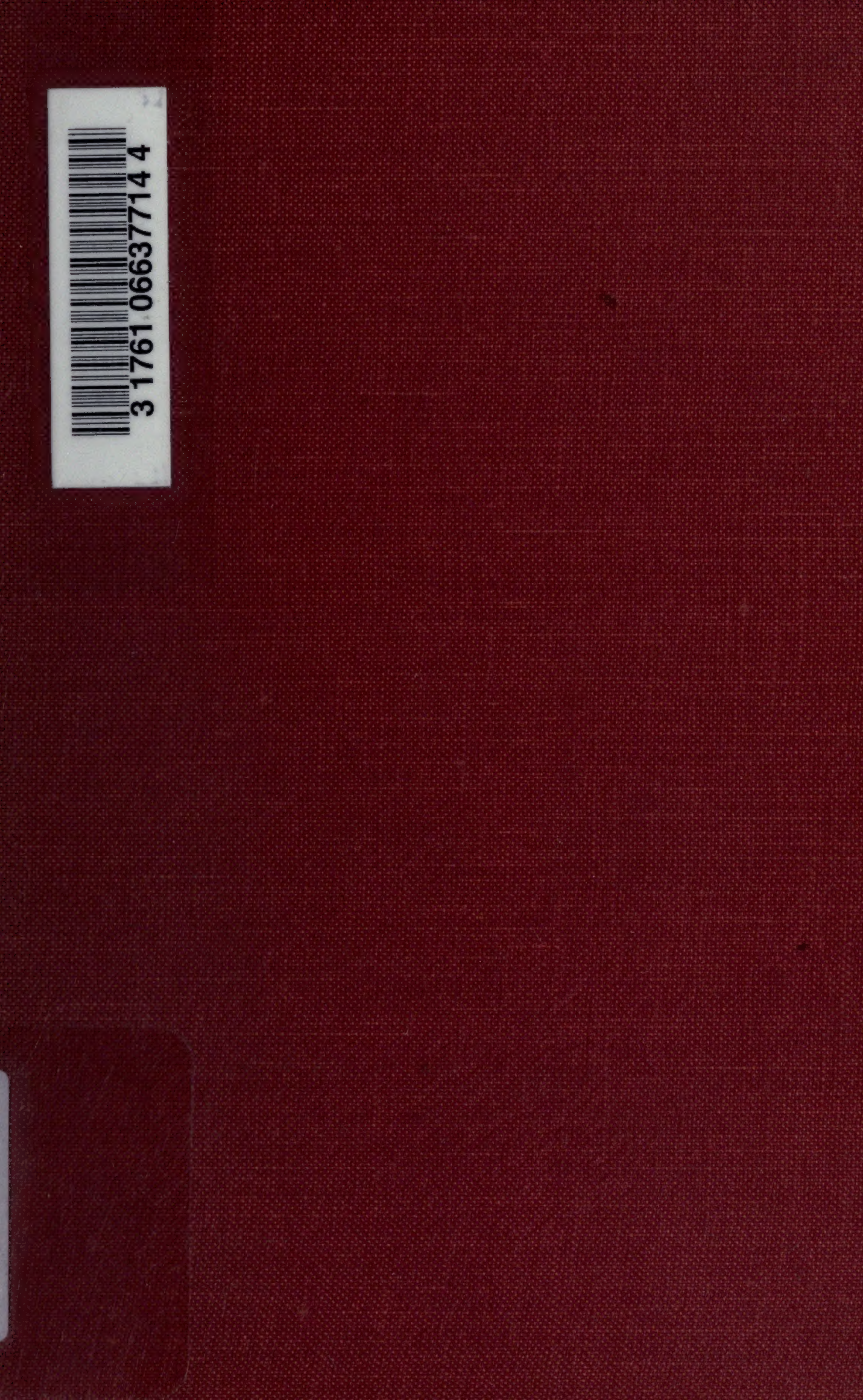

3 1761 06637714 4

Князь

Иванъ Михайловичъ

Долгорукій

1764 — 1823



ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА



КН. ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ

ИЗБОРНИКЪ

(1764—1823)



551803
27.10.52

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1919

Dolgorukov, Ivan Mikhailov
knyaz'

КН. ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ

ИЗБОРНИКЪ

Izbornik

(1764—1823)



551803
27.10.52

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1919

PRINTED IN RUSSIA

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пименовская ул., с. д.
Москва—1919.

ЧАСТЬ I.

КАМИНЪ ВЪ ПЕНЗѢ.

Каминъ, товарищъ мой любезной!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлой свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко—
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками,
И самъ разклалъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотря на быстрой бѣгъ дымовъ,
Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ изсыхая влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ, мигомъ жжетъ.

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю по-немножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ;
Царей даю смятеннымъ градомъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,

Гонясь за новой суетою,
Спѣшу въ мечтаніи моемъ
Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить,
Злыхъ ябедъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлавъ пропасть славныхъ дѣлъ,
Опять къ любезному предмету
Несу убогой свой удѣлъ:
Каминъ полѣньями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

„Чего ты хочешь, горделивый“,
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
„Ко щастью мужъ несправедливый,
„Чего недостаетъ тебѣ?
„Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
„Жену прекрасную лобзаешь,
„Дѣтей любезныхъ тормошишь;
„Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
„Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
„И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

„Ты всуе молишь Провидѣнье,
„Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
„Сребро и злато—обольщенье:
„Бѣднякъ покойнѣе сто кратъ.

„Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
„Тотъ, сколько золота ни сплавитъ,
„Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
„Кто по прибаскѣ Руской, ножки
„Тянуть умѣетъ по одежки
„И мѣдной грошъ цѣнитъ рублемъ.

„Напрасно и о томъ скучаешь,
„Что не живешь въ иномъ краю;
„Не ужь ли ты воображаешь,
„Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
„Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
„Вездѣ тѣжъ были человѣки,—
„Богъ міру далъ все по-поламъ;
„Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
„Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства:
„Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ".

Такъ думу думалъ, и вздыхая
Воображалъ нашъ краткой вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
„Не прахъ ли", мнилъ я, „человѣкъ?
„Постигнетъ и его кончина
„Такъ точно, какъ среди камина
„Теперь огонь щепы палитъ.
„Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
„Въ лѣсу ни съ чѣмъ онъ не былъ равенъ;
„Севодни срубленъ,—и горитъ.

„Колико мы ни нарохтимся
„Одинъ другаго выше стать,
„Напрасно, право, суетимся;
„Хоть титло въ листъ, а умирать!
„Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ.
„Нельзя противиться намъ силѣ

„Законовъ вѣчныхъ естества;
„Конца достигнетъ вся вселенна,
„И скотъ и тварь одушевленна
„Въ свой часъ лишатся существа“.

И такъ, то бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ;
То рубль одинъ мильономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ! къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великой другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь!
Со всякимъ вздоромъ вмигъ поспѣешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Не рѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ,
Огонь физической съ моральнымъ,

Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны;
Вамъ царство радостей дано.
Сто кратъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждой день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда?—Въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные! учитесь
Во всемъ средину познавать,
И буи міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь;
Каминъ мой Дворъ, при немъ я Царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенной пожаръ;
Не такъ ли Царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ—погасъ каминъ.

КАМИНЪ ВЪ МОСКВѢ. [1])

Еще мы лѣта не видали,
А ужь опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ;
Краса природы измѣнилась,
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти—что дѣлать?—что начать?
Придвинусь къ милому камину,
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде стану раздѣлять.

Въ какихъ краяхъ я ни шатался,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ замкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ,—
Каминъ, мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель—

[1]) [Писано въ 1795 г., въ бытность автора вице-губернаторомъ въ Пензѣ. Эту пьесу Долгорукій считалъ своимъ лучшимъ произведеніемъ; современники зачитывались ею,—она положила начало поэтической славѣ автора. Впервые её напечаталъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ извѣстный Струйскій въ своей типографіи въ Рузаевкѣ, только для раздачи знакомымъ; въ 1799 г. она была вторично издана, въ Москвѣ, съ приложеніемъ французскаго перевода, исполненнаго нѣкіимъ Aviat. Знаменитый тогда французскій поэтъ Делиль по наслышкѣ просилъ знакомыхъ Долгорукаго, бывшихъ въ Парижѣ, достать ему этотъ переводъ. Въ своихъ „Запискахъ“ Долгорукій горько жалѣетъ, что переводъ „хуже подлинника въ сто разъ“: „Жаль, что по немъ малыя мои дарованія будетъ цѣнить такой славный писатель во Франціи, какъ г. Делиль; жаль тѣмъ болѣе, что подлинно я, упражняясь иногда въ стихотворствѣ, ничего еще въ такой силѣ, съ такимъ искусствомъ, соразмѣрно т. е. моимъ способностямъ, не писывалъ“.—*(Прим. ред.)*.]

По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады,
Все мой завѣдывалъ каминъ.

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу,
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моемъ воображеньи
О щастьи общія всѣхъ мнѣньи
Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто щастья что находитъ?
Лишь новы способы тужить.

Цари по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ не рѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ щастіи бѣднѣютъ,
Какъ самой ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль въ пещерѣ,
Равно противъ напасти слабъ.

Вездѣ о щастіи писали,
И будутъ вѣчно толковать;
Нигдѣ его не отыскали.
Ахъ! трудно щастіе стяжать!
И я, мужикъ хоть немудреной,
Сказать то также, какъ ученой,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ.
Да гдѣ и какъ найтить? Не знаю;

Въ печали—на яву страдаю,
А веселъ—все будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его все тихо,
Философъ свой даетъ законъ:
„На что страстямъ порабощаться?
„Разсудку должно покоряться.
„Всѣ наши прихоти мечта;
„Все здѣсь, о люди! скоротечно:
„Ищите въ небѣ щастья вѣчно,
„А міръ—суетъ есть суета.

„Коль сытъ однимъ—на что три блюда?
„Коль есть кафтанъ—на что ихъ пять?
„Къ чему потребна денегъ груда?
„Умрешь—съ собой вить ихъ не взять.
„Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
„Бѣги въ деревню изъ Столицы,
„Живи спокойно малой вѣкъ,
„Терпи обиду равнодушно,
„Сноси печаль великодушно,
„Будь выше, нежель человѣкъ."

Да самъ ты что, мой поучитель?
Ты Богъ, иль Ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства,
Ужь ли таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу—тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты пустой кимвалъ!

О естьлибъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ кровибъ не кипѣлъ,
Куда бы было жить прекрасно!
Все былобъ мирно, безопасно,
Любовь былабъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли,
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, Арабъ и Музульманъ.

О естьлибъ—это только слово
Когда въ заглавьи положу,
Одну ли землю—небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны;
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты расти вседневно станутъ,
Къ каминамъ бѣгать перестанутъ,—
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше все, какъ есть:
Того, что мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произвесть.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ все къ лучшему устроитъ;
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За то не страшенъ лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствѣ добрыхъ поселянъ:

Какую жизнь ведутъ прекрасну!
Законъ природы не попранъ.
У нихъ грубѣй, твердятъ мнѣ, нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.
Неправда!—такъ же, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У васъ въ прекрасной лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь,
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,
Или беремя дровъ тащитъ,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

Жену хоть часто онъ цѣлуетъ,
Но коль обманъ подстережетъ,
Жесточе насъ вознегодуетъ
И за невѣрность сильно бьетъ.
Онъ милъ быть хочетъ по неволѣ,
Не смысля правъ надъ нею болѣ,
Какъ то, что вѣнчанъ—пѣтой кусъ. [1])
И такъ какъ мы передъ Министромъ,

---

[1]) Можетъ быть сіе выраженіе покажется многимъ странно; но мнѣ точно случилось видѣть въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ бабу, которая, будучи прибита мужемъ, на вопросъ мой: любитъ ли она его? отвѣчала мнѣ и съ нѣкоторымъ сердцемъ: какъ же, мой батька! вить мы повѣнчались; онъ пѣтой кусъ.

Такъ точно онъ передъ бурмистромъ
Застѣнчивъ, робокъ—тотъ же трусъ.

Согласенъ я, что наши страсти
Не нарушаютъ ихъ покой;
За то у нихъ свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И такъ они въ словахъ разбились,
Но въ вещи мало отличились.
Грущу и я, груститъ и онъ.
А что мы модой называемъ,
Мы точно тожъ у нихъ встрѣчаемъ:
Обычай ихъ въ селѣ—законъ.

Одно лишь умствованье наше
Влечетъ насъ бѣдныхъ разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать иль пахать.
Ахъ! всякой ношу свою тянетъ,
Вседневно въ мѣру силъ устанетъ,
Отъ дроворуба до Царя.
Тотъ мнитъ, что я богатъ и тученъ,
А я, что онъ благополученъ;
Но все умовъ пустая пря!

Я тутъ себя не исключаю,
Подобной прочимъ человѣкъ;
Въ желаньяхъ также убиваю
Безплодной мой и краткой вѣкъ:
Чужой ревную часто долѣ,
Въ воображаемой неволѣ
Кружу съ досады весь мой умъ;
Бываю многимъ недоволенъ;
Дни два грущу, да дней пять болѣнъ
Отъ бури безпокойныхъ думъ.

Каминъ! тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь;
Всегда мнѣ милъ—вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны,
Но съ ними смѣхи часто смежны.
Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю то, что мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю,
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ воображу;
На Сѣверъ, Югъ и на Столицу,
И на Финляндскую границу
Какъ будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже! предъ Тобою,
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ:—„это все заемъ,
„Которымъ я кого ссужаю;
„Со временемъ сей долгъ, я знаю,
„Красенъ мнѣ будетъ платежемъ“.

Ошибся я въ моемъ расчетѣ,
Пропалъ весь трудъ мой ни во что,

И изъ людей мнѣ на примѣтѣ,
Въ комъ я искалъ тогда, никто—
Не говорю благодѣянье—
Ниже малѣйшее вниманье
Ко мнѣ съ тѣхъ поръ не показалъ;
И коль встрѣчать мнѣ ихъ случалось,
То вѣроятноль бы казалось?—
Иной меня не узнавалъ.

Таковъ сей свѣтъ, такіе люди,
И сбитеньщикъ не лжетъ Степанъ,
Конечно—что плыветъ, все уди,
Что не дадутъ, клади въ карманъ.
Два слова *я* и *онъ* во вѣки
Въ одно не свяжутъ человѣки,
И врядъ найдешь ли гдѣ кого,
Кто бы, сосѣда повстрѣчавши,
Не мыслилъ, руку ему жавши:
Мнѣ все—другому ничего!

Пора ко нравамъ примѣниться,
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ,
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людскаго равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра [1]);
Увы!—во множествѣ они.

---

[1]) На сихъ дняхъ два меня поразили. Молодой мущина застрѣлился, и нѣкоторые изъ пріятелей его, съ коими онъ обращался и въ кругу которыхъ почитаемъ былъ необходимымъ, поговоря объ этомъ, какъ о странномъ случаѣ, сутки, на другія

Въ глаза другъ друга всѣ разхвалятъ;
Но случай лишь придетъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ,
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Уменъ ли кто,—тотъ такъ задавитъ,
Что цѣлой вѣкъ тебя заставитъ
Объ немъ съ слезами вспомянуть.
Дуракъ,—тотъ, гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь.

А вы, которы безъ умолку
Чувствительностію надмясь,
Предразсудительному толку
Несете въ жертву сердца связь,
На что вы такъ дары небесны,
Любезность, умъ, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто надъ чувствами другова
Толико ваша власть сурова,
Что жить не въ силу намъ пришло?

Отъ золъ такихъ моя отрада
Единый Богъ,—Богъ твари всей;
Мнѣ ничего уже ненада:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,

поѣхали на балъ и плясали. — Умеръ такъ же нѣкто скоропостижно, и вмѣсто кого либо изъ родныхъ, или друзей, на сниcканіе коихъ онъ лѣтъ съ 60 вѣка своего употребилъ, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка, а въ гробъ прибрали рабьи руки. Тутъ такъ же ни чья дружеская слеза на трупъ его не канула... Какая сильная для чувствительныхъ сердецъ наука!

Соблазновъ свѣта въ немъ не видя,
Съ своей семьею просто жить!
И скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить!

ВОЙНА КАМИНОВЪ.

Собравшись съ мыслями своими,
Каминъ я новой сочинилъ;
Съ стихотвореньями своими
Его въ бюро мой положилъ.
Каминъ тамъ прежній встрепенулся;
Онъ, гостя встрѣтивши въ сердцахъ,
Высокомѣріемъ надулся,
И рѣчь повелъ въ такихъ словахъ:

„Куда, скажи, каминъ Московской,
Несетъ нелегкая тебя?
И къ статиль въ сей бюро господской
Со мною въ рядъ кладешь себя?
Хоть я въ провинціи родился,
А ты въ Москвѣ произведенъ;
Но сколькобъ симъ ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравненъ.

Ни въ чемъ, повѣрь, ты мнѣ не пара,—
Я шлюся въ томъ на общій судъ;
Въ тебѣ той связи нѣтъ, ни жара,
Какі всѣ во мнѣ найдутъ

Вѣдь намъ здѣсь въ ящикѣ съ тобою
Свободно можно разсуждать,
И что мы молвимъ межъ собою,
Того никто не будетъ знать.

Пускай тогожъ отца мы дѣти;
Но, ахъ! какая разнота!
Давно мой вѣсъ поставленъ въ свѣтѣ;
Ты мнѣ лишь именемъ чета.
По мнѣ отецъ мой сталъ извѣстенъ;
Въ печати два раза я былъ.
Суди, колико рокъ мой лестенъ:
Меня Французъ переводилъ!

Ты все въ чернѣ на свѣтѣ видишь,
А я и черное бѣлю;
Ты съ желчью смертныхъ ненавидишь,
А я всѣмъ сердцемъ ихъ люблю;
Ты путь ко щастію теряешь,
А я по немъ иду всегда;
Вездѣ коварство ты встрѣчаешь,
А я напротивъ—никогда.

Напрасно мой отецъ старался
Дитя такое произвесть;
Пускай бы тѣхъ дѣтей держался,
Отъ коихъ онъ пріемлетъ честь.
Себя, Меня, Авось, Глафиру
И Эгоиста написавъ,
Онъ долженъ былъ оставить лиру
И не искать надъ нею правъ.

Когдажъ въ несносной нашей долѣ
Пришелъ его паденья часъ,
Не мучь по крайней мѣрѣ болѣ
Своимъ присутствіемъ ты насъ!

Съ тебя здѣсь ящиковъ довольно;
Переберись изъ нихъ въ любой:
Но право намъ ужасно больно
Въ одномъ быть обществѣ съ тобой!"

Каминъ Московской догадался,
Что съ самохваломъ труденъ споръ;
Онъ очень скромно отмолчался
И презрѣлъ весь его задоръ.
А я, чрезъ то познавъ упадокъ
Моихъ во стихотворствѣ силъ,
Дабы все въ должной ввесть порядокъ,
Тотчасъ ихъ порознь разложилъ,

И самъ себѣ на замѣчанье
Сей случай безъ досады взялъ;
Когда я сдѣлалъ завѣщанье,
Изъ рукъ перо почти бросалъ,
Такъ уже подлинно напрасно
За новой риѳмой я летѣлъ;
Во всякомъ случаѣ опасно
Забыть способностей предѣлъ!

И такъ не буду я стремиться
Изъ точки выскочить моей,
Дабы до смерти не убиться,
Не стать посмѣшищемъ людей;
Но впредь, трудомъ умовъ полезныхъ
Любя свой разумъ занимать,
Въ воспоминаніяхъ любезныхъ
Дни сладки стану провождать.

П... П... НАРЫШКИНУ. [1])

Vallons, fleuve, rochers, plaisante solitude,
Si vous fûtes témoins de mon inquiétude,
Soyez le désormais de mon contentement.

За чѣмъ, скажи, мой другъ! поѣду я въ Москву?—
И здѣсь мнѣ хорошо—тихохонько живу.
По милости Творца вокругъ меня непуста;
Читаю по утрамъ Бесѣды Златоуста;
Непостижимаго постигнуть не ищу,
Лишь вѣрю и молюсь,—и духъ надеждой льщу,
Что Богъ, Который благъ и кротокъ безконечно,
Пріемлетъ, какъ отецъ, раскаянье сердечно;
Безъ роскоши пустой проводимъ мы свой день,
Не мучатъ насъ труды, не развращаетъ лѣнь:
Умѣренность во всемъ полезну сохраняя,
Живемъ, на черный день копѣйку сберегая;
Что въ землю посадилъ и что съ нея собралъ,
То поваръ намъ сваритъ — и сытъ, чѣмъ Богъ послалъ.
Чувствительности здѣсь ничто не нажимаетъ;
Природа въ простотѣ разсудкомъ управляетъ.
Каминъ и Филиберъ [2]) въ теченьи цѣла дня
Взаимно скуку прочь гоняютъ отъ меня.
Дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, дрова здѣсь покупаю,
Старинному къ огню пристрастью угождаю;
То съ крѣпкой думой я при камелькѣ сижу,
То, въ руки взявъ перо, романъ перевожу.
Читалъ ли Коцебу ты новое творенье,
Прекрасное его (по мнѣ) произведенье,

---

[1]) Писано въ деревнѣ.

[2]) Филиберъ, романъ, сочиненный Г. Коцебу, который я переводилъ.

Въ которомъ описалъ онъ кистію живой
Воображенья власть надъ пылкою душой,
Читалъ ли, говорю, прилежно Ф и л и б е р а?
Какъ сходны въ немъ черты живаго характера
Съ природою самой и съ тѣмъ, что цѣлый свѣтъ
Намъ въ опытахъ явилъ незрѣлыхъ нашихъ лѣтъ!
Ахъ! подлинно вся жизнь проходитъ въ отношеньяхъ!
Я вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслажденьяхъ.
Одно продлится день, другое цѣлой годъ;
По отношеніямъ весь движется народъ!
И дружба и любовь, и ненависть и злоба,
Все гибнетъ,—ничего нѣтъ твердаго до гроба;
Та цѣпь, что съ дѣтскихъ лѣтъ соединяетъ насъ,
По мѣрѣ, какъ растемъ,—все рвется каждой часъ;
Подъ старость точно тожъ—обманъ во слѣдъ обману,
Опомниться не дастъ, и точитъ свѣжу рану.
Да кто не испыталъ сей истины большой,
Что зло всегда бѣжитъ за доброю душой?—
Ахъ! сколько я и самъ при случаяхъ лукавыхъ
Встрѣчалъ, какъ Ф и л и б е р ъ, Министровъ сухощавыхъ,
Которыхъ почиталъ друзьями въ двадцать лѣтъ!
Они же, въ пятьдесятъ настроя мнѣ тьму бѣдъ,
Съ холоднокровною язвительной насмѣшкой
Въ нещастіи моемъ играли мной какъ пешкой.
Богъ съ ними,—я на нихъ гляжу какъ на звѣрей.
Прекраснѣйшій урокъ для головы моей,
Что связи наши всѣ житейскія не вѣчны,
Бѣгутъ какъ облака пріязни скоротечны,
Что сильныхъ нашихъ чувствъ красивыя мечты
Обманы суть ума и сердца суеты!

Но гдѣ же мой предметъ?—въ какое размышленье
Далеко увлекло меня воображенье?

Къ пріятелю пять строкъ сбирался написать;
Чего грѣха таить—я самъ люблю мечтать:
Когда перо въ рукахъ, въ глазахъ огонь камина—
Отвлечься отъ себя всегда какъ тутъ причина.—
Но возвратимся мы на перву рѣчь, мой другъ;
Моихъ занятій здѣсь хочу окончить кругъ.—
По чести говорю, въ деревнѣ намъ не скушно,—
Мы всѣ между собой живемъ единодушно;
Одни лишь вечера несносно тяготятъ.
Почти во весь день ночь,—но подъ носомъ горятъ
Четыре вещества: дрова, воскъ, масло, сало [1]),
Чтобъ ночи озарить густое покрывало.
Зато мы въ казино, въ бостонъ между собой
Играемъ иногда до полночи глухой;
А тамъ, чтобъ возбудить покрѣпче усыпленье,
Съ полчасика мечу одинъ долготерпѣнье [2]);
Задумавшись, люблю я масти подбирать,
И карты какъ сойдутъ, зѣвну—и лягу спать.
Жена, мой вѣрный другъ, меня не покидаетъ;
До крайности мила, но тѣмъ лишь досаждаетъ,
Что въ вистъ ко мнѣ всегда пойдетъ безъ козырей,
И правитъ своихъ дамъ на счетъ моихъ царей.
Сестрица,—та всегда о всѣхъ объ насъ въ печалѣ,
Что въ домѣ для потребъ деньженочекъ намалѣ;
Дочь Варинька, дабы скорѣе время шло,
Росписывать взялась мой почеркъ на бѣло;
Митюша философъ труды свои имѣетъ,
Надъ путешествіемъ моей руки потѣетъ;

---

[1]) У насъ подлинно дрова жгутъ въ каминѣ, намъ подаютъ восковыя свѣчи, дѣтямъ сальныя, а по стѣнамъ въ лампахъ горитъ масло.

[2]) Я такъ перевелъ Французское названіе: grande patience.

Евгеша иногда мнѣ пѣсенку споетъ
И милымъ голоскомъ къ восторгамъ увлечетъ;
А бойкой Рафаилъ въ пріятностяхъ свободы
Качели лѣпитъ намъ изъ карточной колоды.
Двѣ барышни: одна насмѣшлива, рѣзва,
То въ зеркало глядитъ, то путаетъ канва;
Другая—той я далъ прозванье Анемоны—
Славнѣе красотой Надировой короны,
И каждая изъ нихъ, чтобъ молвить въ доброй часъ,
Водой не замутятъ подъ крышкою у насъ.
Классонъ мой пожилой, пріятель нашъ старинной,
Всей нашей слободы строжайшій благочинной,
Со мной всегда готовъ на жаркой выдти споръ,
Когда дерзну сказать, что Галло [1]) поретъ вздоръ;
Еще одна вдова, житейскими волнами
Прибитая въ нашъ домъ, давно уже все съ нами;
Да добрая моя старушка мадамъ Варчь,
Безъ мала 30 лѣтъ съѣдая здѣсь свой харчь,
Въ каморочкѣ одна чулки въ молчанку вяжетъ,
А въ праздникъ во весь день на Библію наляжетъ.
Сверхъ нашихъ грѣшныхъ душъ еще два существа
Переселились къ намъ изъ царства естества:
Болоночка Азоръ въ ногахъ моихъ играетъ
И шелковой своей волною щеголяетъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня надъ самой головой
Снигирь клюетъ зерно и брызжется водой.
Тепла въ мятель искать къ намъ пташка прилетала,
Слуга ее словилъ, и въ клѣточку попала.
Рѣчистая тутъ вся и безсловесна тварь,
Надъ коей здѣсь въ сельцѣ я самой мѣлкой Царь.
Сосѣди у насъ есть, но рѣдко посѣщаютъ,
Куда ихъ Богъ несетъ,—гдѣ тихо—тамъ скучаютъ.

---

[1]) Извѣстной провозвѣстникъ черепословной системы, о которой я нѣчто молвилъ въ сочиненіи моемъ на Судьбу.

Да я и не тужу. Что лучше, какъ семья!
Пускай укажутъ мнѣ, гдѣ внѣшніе друзья?
У насъ съ тобой онъ есть, и прямо закадышной;
Добротами богатъ, но участи не пышной.
Да гдѣ его искать?—онъ въ дальней сторонѣ;
Намъ тошно всѣмъ по немъ, а больше прочихъ—мнѣ.

И такъ я провожу въ деревнѣ жизнь пріятно,
Благодаря Творца небеснаго стократно
За то, что искусивъ терпѣнье до зѣла,
Пять разъ на мѣстѣ семъ поднесъ мнѣ чашу зла,
Смирилъ мой пылкой нравъ путемъ уничиженья,
Исторгъ изъ суеты, далъ духъ уединенья,
И средство показалъ въ самомъ себѣ стяжать
Добра, какого намъ Цари не могутъ дать.
О! сколько зрю вокругъ себя людей радушныхъ
Покорности, любви и жертвъ великодушныхъ!
До поздней ночи вплоть отъ ранняго утра
Какъ много соберу моральнаго добра,
И въ подвигахъ людей, привыкнувшихъ къ страданью,
Примѣровъ обрѣту къ сердечну назиданью!
Тотъ вѣкъ не развернетъ своихъ душевныхъ силъ—
Повѣрь ты мнѣ—кому мятежъ мірской лишь милъ.

Дай срокъ!—вотъ Новой годъ подходитъ; я пріѣду
Отдать Москвѣ поклонъ, съ тобой вести бесѣду.—
Но только, чтобъ тебя не проняла тоска,
Заранѣй знай, что ты найдешь во мнѣ дичка;
Мнѣ кажется, у васъ самъ воздухъ смѣшанъ съ скукой.
Увы! ужь я совсѣмъ не прежній Долгорукой,
Которой никакихъ забавъ не пропускалъ,
Во всякую толпу безъ памяти скакалъ,
Не могъ спокоенъ быть минуты постоянно,
Любилъ смѣшить,—и самъ смѣялся безпрестанно.

О, нѣтъ! — ужь далеко сей полдень отъ меня,
И сумерки прошли, — добился ночи я.
Огнемъ своихъ страстей сожженъ во всякомъ смыслѣ,
Подъ старость лишь къ одной придерживаюсь мыслѣ:
Чтобъ дѣтямъ и женѣ еще полезнымъ быть,
Для нихъ существовать, для нихъ однихъ и жить.

ХИЖИНА НА РПѢНИ. [1])

Las de boire la lie
De ce calice amer, que l'on nomme la vie
. . . .
Je regarde la tombe asyle souhaité.

1.

Здѣсь миръ, свобода, тишина
Со мной въ согласьи обитаютъ,
Моихъ досуговъ здѣсь и сна
Не кстати люди не смущаютъ,

---

[1]) [Писано въ 1806 году; Долгорукій былъ тогда губернаторомъ во Владимірѣ. Въ своихъ позднѣйшихъ „Запискахъ" онъ разсказываетъ: „Не имѣя при городскомъ домѣ сада, ни прогулки, я выбралъ у заставы плоское мѣсто съ кустарникомъ; тамъ на пологихъ берегахъ рѣки Рпѣни построилъ я себѣ комнатку прозрачную, подъ легкой крышкой. Флагъ указателемъ былъ моего тамъ присутствія. По ту сторону рѣки къ городу широкой наметъ составлялъ мою публичную залу; изъ хижины въ палатку переносилъ меня плотъ. Тутъ въ уединеніи глубокомъ я посвящалъ по нѣскольку часовъ въ сутки одной Евгеніи (покойная жена автора). По утрамъ занимался бумагами; всѣ меня тамъ находили; обѣдалъ одинъ въ палаткѣ. По полудни отдыхалъ на природной постели... Когда начинался вечеръ, солнце опускалось къ западу, тогда я оставался одинъ въ моей

Живу съ Натурой за одно,
И съ ней ни въ чемъ не разбиваюсь,
Ея богатствомъ наслаждаюсь,
Всѣ дни мои текутъ равно.

2.

Со всходомъ солнца Богу я
Во храмѣ сердца жертву дѣю;
Дѣла Зиждителевы зря,
Молчу—дивлюсь—благоговѣю!
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь объ Немъ:
И сводъ небесъ нерукотворный,
И водъ источникъ благотворный—
Моимъ все создано Творцомъ!

3.

И все въ связи между собой:
Земля насъ кормитъ, солнце грѣетъ,
Луна, сдружившися съ тоской,
Сердца печальныя лелѣетъ,
Вода всѣмъ прихотямъ слуга,
Крестьяне, праздные умами,

хижинѣ, читалъ, удилъ рыбу, ходилъ по проложеннымъ въ кустарникѣ дорожкамъ, увлекался въ неизмѣримыя пространства воображенія, мечталъ о Евгеніи, писалъ стихи... словомъ, въ ети вечернія часы я въ полной мѣрѣ наслаждался прелестями уединенія... Вотъ какъ я живалъ на Рпѣни, и когда солнце совсѣмъ уходило изъ глазъ, когда небо одѣвалось въ мрачныя тѣни ночныя, я, спрятавши всего себя во внутренность сердечную, уѣзжалъ съ поля домой... Наконецъ, я такъ пристрастился къ моей хижинѣ, что плакалъ, когда осень стала меня изъ нее выгонять".]

На насъ работаютъ хребтами,
А бабы ставятъ имъ рога.

4.

Я здѣсь вонзаю въ землю плугъ,
Завѣтъ Адамовъ исполняя;
Или кошу свой чистой лугъ,
Лошадкамъ корму добывая;
Вокругъ меня косцы поютъ,
И всякъ, убравъ свою дѣлянку,
Тащитъ свой хлѣбъ, тащитъ и стклянку,
На лугъ садятся всѣ и пьютъ.

5.

О! вѣрно, вѣрно ни одинъ,
Въ Москвѣ живущій на досугѣ,
Роскошной, знатной Господинъ
Ни въ день родинъ своей супруги
Такъ сладко въ горлышко не льетъ
Покалъ напитка выписнаго,
Какъ здѣсь крючекъ вина простаго
Крестьянинъ мой вспотѣвши пьетъ!

6.

Неволи свѣтской весь обрядъ
Не терпитъ здѣсь употребленья;
Халатъ опрятной—вотъ нарядъ,
Вотъ мой мундиръ уединенья.
Меня не чешутъ три часа,
Духовъ не носятъ орошаться;

Мнѣ Рпѣнь [1]) готовитъ умываться;
Въ лаханѣ вижу небеса.

7.

Вездѣ со мной моя Дулеръ [2]),
Швейцаръ угрюмой, осторожной,
Въ догадкѣ скоръ, рѣзовъ, остеръ,
И словомъ—другъ всегда неложной.
Такое имя отъ меня
Дано ему, и не напрасно,
За то, что онъ со мной всечасно
Такъ точно, какъ и скорбь моя.

8.

Когда Левиты въ городахъ,
Бѣгомъ съ базаровъ устилая,
Поднимутъ шумъ въ колоколахъ,
Къ себѣ своихъ овецъ скликая,
То есть, какъ десять бьетъ часовъ,
Ко мнѣ тогда несутъ обѣдать,
И мной воспитанныхъ отвѣдать
Безвредныхъ здравію плодовъ.

9.

Плыву на лодкѣ въ мой наметъ
Изъ хижины уединенной:
Тамъ мой желудокъ скромно ждетъ
Насущной хлѣбъ обыкновенной;

[1]) Названіе рѣки, протекающей подъ Владиміромъ и впадающей въ Клязьму.
[2]) Имя моей собаки.

Приправъ всѣхъ лучше—аппетитъ;
Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
Ума въ Шампанскомъ не лишаюсь,
Минутъ десятка два—и сытъ.

10.

Люблю однакожъ за столомъ
Обычай пить друзей здоровье;
Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ,
Души безсмертное Сословье!—
Друзья! мечтайтесь мнѣ вездѣ—
Въ Столицѣ, въ хижинѣ, въ дубравахъ,
Питайте духъ въ тоскѣ, въ забавахъ;
Безъ дружбы щастья нѣтъ нигдѣ!

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ, и Морфей
Меня къ подушкамъ преклоняетъ,
Межъ тѣмъ какъ тысячу идей
Наметъ мой пестрой порождаетъ.—
Таковъ же, помню, былъ шатеръ
И тотъ, гдѣ Шведскій побѣдитель,
Хрущовъ, Ангальтовъ отомститель,
У Савитайскихъ жилъ озеръ [1]).

12.

Набойка тажъ и тотъ же шовъ,
Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало:

---

[1]) Во время послѣдней Шведской войны Г. Генералъ-Маіоръ Хрущовъ подъ Савитайполемъ разбилъ Барона Армфельда

Тамъ день и ночь между штыковъ,
Войной и гнѣвомъ все дышало,
Текла со Шведской наша кровь;
А здѣсь, въ пріятностяхъ свободы,
Крестьянки водятъ хороводы,
Въ кругу ихъ царствуетъ любовь!

13.

Имъ нѣтъ запрету никогда
Ходить толпой въ мою палатку.
О! какъ смѣюсь я иногда,
Смотря на робкую ухватку,
Съ какой, увидя телескопъ,
Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
Кругомъ вертятъ—потомъ наводятъ,
И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмуряся въ стекло,
Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
Вонъ наше Доброе село! [1])
Какъ-тутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ.
По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
Лучь солнца близитъ, отражаетъ,
Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
Для нихъ окрестность—цѣлый свѣтъ!

---

24 Мая, спустя немного времени послѣ Пардакойскаго дѣла, на которомъ Принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

[1]) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

Не хочетъ ли кто взять труда
Внушить имъ Оптики законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны—
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эфирѣ,
Какъ лучь его дробится въ мірѣ;
А я пойду соснуть на лугъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые Вельможи!
Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю кожи.—
Въ Столицѣ стукъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ,
Опричь того, что такъ наскучитъ
Театръ вседневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрезился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клобъ Англинской, воксалъ
И Благородное Собранье;
Проснусь—и очень право радъ,
Что все то было сновидѣнье!—
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь не льзя съ тобой во всемъ,
Піитъ [1]) любезный, согласиться;
Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселиться
И чтить существенность бѣдой,—
Приди сюда, взгляни на ивы,
На долы, горы и заливы,
Будь щастливъ Истинной одной!

19.

Пока гулять мѣшаетъ жаръ,
Пускай на ложахъ Сибариты,
Вина почувствовавъ угаръ,
Храпятъ, сномъ тягостнымъ убиты;
Пускай закройщики стиховъ
Въ мурьѣ тачаютъ мадригалы,
Готовятъ милымъ ихъ на балы,
Чтобъ въ спискѣ стать полубоговъ;

20.

Мое занятіе одно:
Читать, писать и упражняться!
Подъ часъ люблю смотрѣть въ окно
И мыслью мрачною питаться:
Для свойствъ унылыхъ пища все,

---

[1]) Въ посланіи ко мнѣ Князя Шаликова, помѣщенномъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Московскаго Зрителя, напечатанъ слѣдующій стихъ:
Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши.

Делиль, когда тебя читаю;
Задумавшись—вездѣ видаю
Воображеніе мое.

21.

Отсюда вижу я тотъ градъ,
Гдѣ былъ престолъ Князей Россійскихъ.
Что нынѣ сталъ Владиміръ?—Садъ.
Подобно такъ въ предѣлахъ Римскихъ
Потомки Ромула поютъ;
И здѣсь граждане не воюютъ,
Въ Москвѣ лишь вишнями торгуютъ
И бердышей ужь не куютъ.

22.

Отсель прекрасну гору зрю,
Студеною [1]) здѣсь нареченну
За то, что нѣкогда тутъ прю,
Ревнивой страстію возженну,
Двѣ Князя Невскаго жены
При встрѣчѣ радостной рѣшили,
Въ объятьяхъ гордой духъ смирили,
Презрѣвъ мірскія суеты.—

23.

Вотъ тутъ шелъ Царь Иванъ въ Казань—
Сей, правъ не пощадя народа,
Хотѣлъ собрать насильно дань;

---

[1]) Анекдотъ Владимірскаго края, преданіями сдѣлавшійся достопамятнымъ.

Отпоръ ему дала свобода!—
Вотъ дворъ, гдѣ пылкій Глѣбъ княжилъ—
Батый пришелъ, и въ гнѣвѣ яромъ,
Какъ волкъ ягнятъ, однимъ ударомъ
Владиміръ весь испепелилъ!

24.

Мой взоръ, отъ сихъ печальныхъ сценъ
Другихъ искать стремяся видовъ,
Новѣйшихъ памятникъ временъ,
Встрѣчаетъ замокъ Инвалидовъ;
Тутъ состраданье и любовь
Даютъ убѣжище заслугамъ,
Голоднымъ хлѣбъ, врача недугамъ,
И юную питаютъ кровь.

25.

Тутъ воинъ, всѣхъ лишенный силъ,
Вкушаетъ въ первый разъ спокойство;
Онъ весь свой вѣкъ стрѣлялъ, палилъ—
Стяжалъ увѣчьями геройство.
Ужь либъ изъ нихъ здѣсь не нашлось,
Съ Римникскимъ кои бы сравнились,
Когдабъ со службой съединились
Порода, щастье и авось?

26.

А тамъ, гдѣ вѣтеръ вѣетъ прахъ—
Что вижу? смерть, кресты, могилы!
Ничтожества ужасной страхъ
Объялъ вдругъ духъ, проникъ всѣ жилы.

О Боже! что есть человѣкъ?
На что велѣлъ ему родиться,
Когда, какъ тѣнь, какъ сонъ, промчится
И самый длинный его вѣкъ?

27.

Ищу Паросскихъ тамъ гробницъ,
Колоннъ, уписанныхъ стихами;
Оставимъ гордость для Столицъ:
Въ землѣ чѣмъ хвастать передъ нами!
Для входа въ вѣчну жизнь билетъ
Не по чинамъ даютъ намъ Боги;
Судьи безсмертные тамъ строги:
Ни лицъ, ни мзды въ вѣсахъ ихъ нѣтъ.

28.

Покойтесь вы до тѣхъ же поръ,
О тѣни, въ сей странѣ, любезны!
Надъ вами здѣсь вседневный хоръ
Во храмѣ Божьемъ канты слезны
При вздохахъ дружескихъ поетъ.
Служитель Вышняго избранный,
Куря ѳимьямъ благоуханный,
О васъ молитвы къ небу шлетъ.

29.

Такъ точно нѣкогда и я
Умру и гдѣ нибудь истлѣю;
Но смерти сонъ вездѣ меня
Съ Евгеньей съединитъ моею!—
Когда же Твой услышу гласъ,

Живыхъ и мертвыхъ Царь небесный!
Разрушь скорѣй мой домъ тѣлесный,
Кинь въ гробъ ее меня сей часъ!—

30.

Но что за шумъ, какой хаосъ
Мои тамъ подняли крестьяне?—
Ахъ! я забылъ, что сѣнокосъ!
Пусть пляшутъ добры поселяне;
Они не знаютъ, что печаль—
Чума чувствительнаго міра;
Что вѣкъ иной потери жаль,
Что безъ подруги сердце сира.

31.

Но выдти къ вамъ уже пора;
Онѝ меня отъ скуки лѣчутъ:
При мнѣ живѣй у нихъ игра.
Сперва въ стога всѣ снопы смечутъ,
А тамъ пойдетъ: плети плетень,
Горѣлки, жмурки, хороводы—
Вотъ тутъ-то радость, плодъ свободы!
Въ стѣнахъ ея лишь только тѣнь.

32.

За пивомъ сидя пастушки
Тирсисы, въ Рускомъ лишь уборѣ,
Дудятъ въ рожокъ,—тамъ олушки
Считаютъ звѣзды на просторѣ;—
Тутъ дѣвки машутъ безъ затѣй:
Хотя онѣ и не Бабеты,—

На нихъ не шляпки, не корсеты;
Но чѣмъ повязки ихъ дурнѣй?—

33.

Былабъ уловка, взглядъ и шагъ;
До платья впрочемъ что за дѣло?
Надъ ними также шутитъ врагъ
И ихъ повертываетъ смѣло.
Когда любовь, слѣпой тиранъ,
Утрафитъ въ сердце къ намъ пряменько,
Гдѣ тутъ примѣтить хорошенько,
На комъ тюникъ, иль сарафанъ?

34.

Вотъ такъ, съ трудомъ смѣшавъ игру,
Крестьяне въ селахъ день проводятъ.
Устанутъ—спятъ, и въ вечеру,
Влюбясь въ луну, за ней не бродятъ.—
О вы, краса чужихъ отчизнъ,
Радклифъ, Жанлисъ и Сталь съ соборомъ!
Какъ много сладкимъ вашимъ вздоромъ
Разстроили вы нашу жизнь!

35.

Какъ скоро сильной жаръ свалитъ,
До Клязьмы шагъ—иду купаться,
Нырять и дна рѣки касаться,
Гдѣ стерлядь безъ боязни спитъ,
Не чувствуя, что въ мигъ рыбакъ
Ее тамъ неводомъ достанетъ

И съ ней въ Москву по почтѣ грянетъ;
А тамъ въ котелъ и—на очакъ.

36.

Воды прохлада лѣтомъ рай!
Изъ Клязьмы вонъ, сажусь на лодку,
Самъ правлю бѣгъ ея въ тотъ край,
Гдѣ Богъ мнѣ далъ мою находку,—
Гдѣ мой шалашъ, унынья храмъ;
Тянусь угрюмыми скалами,
И тихими приплывъ струями,
Лѣнюсь и отдыхаю тамъ.

37.

Атласъ раскинулъ и гляжу:—
Какой пожаръ во всей вселенной!
Вездѣ раздоры нахожу.
Въ Европѣ, будто просвѣщенной—
Бѣжала изъ нее любовь!
Изъ кроткихъ перьевъ Кабинеты
Подѣлали себѣ ланцеты;
Союзовъ нѣтъ—все кровь, да кровь!

38.

Еще свѣтло, и рано сѣсть;
Иду кустовъ искать границы;
Еще могу въ очкахъ прочесть
Изъ Юнга двѣ и три страницы.—
Усталъ—пора назадъ идтить;
Пришелъ, и на берегъ присѣвши,

Червей на удочку надѣвши,
Зачну гольцовъ тутъ шевелить.

39.

Плавокъ дрожитъ—я дернулъ вдругъ,
Попалъ одинъ неосторожной;
Ступай домой!—Но впредь, мой другъ,
Не вѣрь приманкѣ всякой ложной.
Урокъ полезной для людей!—
Не всѣ ли мы гольцу подобны?
Какъ часто мы въ страстяхъ способны
Клевать обманъ, какъ онъ червей!

40.

Ужъ вечеръ гонитъ ясный день
И солнце въ сумерки сокрылось,
Луна свою простерла тѣнь,
Въ порфирѣ блѣдныхъ звѣздъ явилась
И смотрится въ кристаллѣ рѣкъ;
Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ;
Вся тварь покоится въ Природѣ,
Не спитъ лишь зло—и человѣкъ!

41.

Тутъ вспомня Сердца Бытіе [1]),
Весенню пѣснь въ саду песчаномъ,
И щастье прежнее мое,
Хотѣлъ бы льстить себя обманомъ;—

---

1) Книга моихъ сочиненій.

Вотще!—что было, то прошло!
Бренчу еще въ печальну лиру;
Но, ахъ! тѣхъ дней, какъ пѣлъ Глафиру,
Во гробъ ужь солнышко зашло!

42.

Евгеньи нѣтъ!—унылъ и я;
Съ тѣхъ поръ любовь, восторгъ, блаженства—
Слова пустыя для меня;
Не зрю ни въ чемъ ихъ совершенства;
Съ тѣхъ поръ въ бесѣдахъ не найду
Искуства нравиться, какъ прежде:
И такъ, сказавъ прости надеждѣ,
Ушелъ сюда—и смерти жду.

ПРІЯТЕЛЮ.

Шутка за шутку.

Enfin bornant le cours de tes galanteries,
Alcippe, il est donc vrai, dans peu tu te maries.
Boileau, Desp.

И такъ ужь на конецъ, уставши волочиться,
Любезный Сибаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообща друзьямъ,
На утренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ олтаремъ Свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранить къ ней вѣрность неизмѣнну;
Не ставя ни во что обычныхъ прихотей,
Ты въ домъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферовъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ

О бракѣ возвѣстить на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ отборный кругъ,
Въ которомъ всякой тотъ анаѳемѣ предастся,
Кто безтолковому обряду не поддастся.
Хвала тебѣ и честь!—Но дѣло не о томъ;
По совѣсти скажи,—глазъ на глазъ, шепоткомъ:
Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,
И позлащаетъ ли любовь твою неволю?—
Неволю!—(скажешь ты)—какой бы лжемудрецъ
Симъ словомъ поносить отважился вѣнецъ—
Изъ устъ какаго ты отверженца природы
Услышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ свободы?—
Постой, не горячись! Я также какъ и ты
Лелѣялъ въ головѣ различныя мечты,
Романовъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не мало,
И много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза попало;
Но, всѣ восторги прочь—отъ нихъ горитъ сыръ боръ,
Волнуется душа и разумъ поритъ вздоръ:
Разсудокъ остудить назначенъ сердца пламень,
И нашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ пробный камень.
Жениться—благъ законъ!—Гдѣ другъ вѣрнѣй жены?—
Подпоры тверже нѣтъ, какъ дщери и сыны!
И какъ подъ старость жизнь могла бы выноситься,
Когдабъ не льстились мы въ потомкахъ возродиться?
Я истину сію испытываю самъ:
Два раза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ храмъ,
И въ участи своей, Небесъ благоволеньемъ,
Для многихъ былъ мужей щастливымъ исключеньемъ!
Все такъ;—но въ мысляхъ свѣжъ Детушевъ Философъ,
Въ которомъ наизусть знавалъ я тьму стиховъ,
И пышнымъ иногда разсказомъ величался,
Когда я на театръ предъ публикой являлся;
Воскликну какъ Аристъ за книгой у стола;

„Такъ! все пріятно здѣсь!—супруга мнѣ мила,
„Съ почтеніемъ ее люблю я всей душою,
„Блаженство нахожу дѣлиться съ ней судьбою,
„И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
„О чемъ же горевать?—Ахти! она моя!“—
Прошу не хохотать и чуръ лишь не сердиться;
Посмотримъ, отъ чего такой контрастъ родится;
Сравнимъ одно съ другимъ,—увидимъ, можетъ быть,
Что женщинъ обожать ловчѣй, чѣмъ съ ними жить.

Припомни, какъ тебя знавалъ я холостаго,
И съ тѣмъ собой смѣни себя же молодаго!
По волѣ проводя съ утра до ночи день,
Ты нѣгою дышалъ, тебя тучнила лѣнь;
Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
И послѣ до полденъ мечтаньямъ предавался;
Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
За трубкой табаку ты кофе попивалъ,
И лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
Зависѣть не любилъ отъ моднаго тиранства.
Для сердца, для ума коль пищи захотѣлъ—
Тьму мертвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ;
Любую книгу взявъ и съ ней садясь къ камину,
Ты новую всегда выискивалъ причину
Съ насмѣшкой мнѣ твердить, когда приду къ тебѣ,
Что я всегда въ саняхъ, разсѣянъ и въ гульбѣ,
Тогда какъ ты, капризъ погоды презирая,
Въ покоѣ тепломъ духъ садовой обоняя
Между цвѣтовъ и травъ прозябшихъ на окнѣ,
Находишь рай земной съ собой наединѣ.
Любя стихи писать и прозой заниматься,
Ты схватишь вдругъ перо, и—станешь разгараться;
Восторгъ, Піитовъ духъ и пламенникъ страстей,
Заронитъ искру въ кровь и путь покажетъ ей,—

Польется токъ стиховъ, и ты, съ улыбкой нѣжной,
Восхитишься, когда, во мзду за трудъ прилѣжной,
Удастся остру мысль, иль чувство изъяснить
И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробило часъ и два—но ихъ ты не считаешь,
Отъ стрѣлки ни на что приказа не сжидаешь,
Въ чернильницу перо до завтраго кладешь,
Надѣнешь сертучекъ—и со двора идешь,
Не въ гости—сохрани Господь отъ сей неволи!—
Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
На Минина взглянуть, зайти на булеваръ,
Отвѣдать, хорошоль варитъ форель Пакаръ;
Взоръ бросить на пруды,—сойтиться тамъ съ народомъ;
Прошлаль Москва рѣка провѣдать мимоходомъ;
И послѣ, воротясь, обѣдаешь одинъ.
Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ—вѣрный рабъ, все кушанье подноситъ
И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки проситъ;
Покушалъ—и опять ложишься на диванъ.
Приборщица сняла салфетку, соль, стаканъ,
Плитой накурено,—уйтить самой осталось;
Нѣтъ мастера на грѣхъ!......
Въ игрушкахъ застаетъ вечерняя пора.
Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ двора.
Накинувши капотъ въ защиту отъ ненастья,
Въ клобъ Англійской летишь искать въ бостонѣ щастья;
Въ туманномъ тамъ чаду несмѣтныхъ чубуковъ
По двѣсти ловишь въ вистъ искусныхъ игроковъ.
Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ;—рѣкой тутъ вѣсти льются,
И безтолочь и толкъ, и выдумка и быль,
Со многихъ языковъ летитъ словесна пыль;
И тутъ ты познаешь, что карточны колоды,

Что трубка съ табакомъ—суть знаменье свободы;
Что воля состоитъ въ способности шагать,
Безъ шляпы, взадъ, впередъ, чтобъ время убивать.
Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ прихожей,
Въ каморку, кою мы обязаны звать ложей,
Увидишь избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней
Умѣютъ разсмѣшить чувствительныхъ людей,
Какъ движетъ очеса комедіантовъ стая,
Желая заслужить воскликновенье рая.—
День кончится, и ты воротишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждетъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкой приготовитъ,
И гдѣ страстямъ обрядъ ни въ чемъ не прекословитъ.

Не такъ ли ты живалъ, скажи, любезной другъ,
Когда былъ одинокъ?—Но нынѣ ты супругъ;
Какое близь тебя я вижу превращенье!—
Изчезъ волшебной рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычаи свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужь не твои;
Не тотъ сталъ кабинетъ,—и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорубленъ входъ недавно;
Приборщицы твоей вертлявый слѣдъ простылъ:—
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдыя какъ ковыль у стѣнъ твоихъ торчатъ,
То щуря глазъ, другимъ въ замочну щель глядятъ,
То въ дверь, на цыпки ставъ, приложатся ушами,
Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми послами,—
И такъ-то стражу бдитъ законная жена,
Чтобъ не похимистилъ добычи сатана.
А тамъ къ тебѣ валитъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣлья, но векселей рачитель;

Обручку поклонясь, подноситъ жирный счетъ,
Который подпиши, не заводя хлопотъ.
Когдажъ тебѣ читать всѣ наши сочиненья?
Мурнычать у огня тѣ сладки пѣснопѣнья,
Которымъ никогда никто не подражалъ,
Нелединской одинъ въ огнѣ души слагалъ?
Пойдетъ ли тутъ на умъ Поэзіей питаться,
Съ Державинымъ парить, съ Жуковскимъ наслаждаться?
Досугъ ли, часъ, другой разнѣжась отдохнуть,
Полить цвѣты въ горшкахъ и въ птичникъ завернуть?
Въ пріятныхъ пустякахъ, когда не жметъ забота,
День цѣлый разсорить безъ цѣли, безъ отчета?
Задумавшись—вздремнуть, проснувшись—хохотать?
Собраться со двора—и съ мѣста не вставать?
О щастливый удѣлъ философа такаго,
Примолвимъ на ушко: притомъ и—холостаго!

Въ уборной по тебя отправленъ ужь курьеръ;
Чу, голосъ подаютъ: „Ну, чтожъ, пора, mon cher!
„Карета подана,—вѣдь эдакъ опоздаемъ!“
Везутъ тебя; куда?—А вотъ сей часъ узнаемъ.
Ты губу закусилъ, бѣжишь,—въ карету сѣлъ.
Къ Абрамушкѣ!—пошелъ!—Цугъ сѣрыхъ полетѣлъ.
Кузнецкой мостъ для васъ давно готовилъ ткани.
Все нравится женѣ, ты—платишь тяжки дани.
И тутъ мадамъ, и здѣсь; подальше—магазинъ.
„Нѣтъ, Майновъ лучше всѣхъ!—тамъ есть александринъ;—
„Туда, мой другъ!“—Изволь! Пришлося жить въ каретѣ.
За то ты сталъ знатокъ въ перкалѣ, въ петинетѣ.
Уже на башнѣ часъ вечеренъ загремѣлъ,
Женатой новичекъ еще съ утра не ѣлъ
И просится домой.—Картоновъ тьму забрали,
Безъ денегъ и съ тряпьемъ обѣдать поскакали.
Хлѣбъ-соль всегда вкусна, когда желудокъ тощь;

Любовь и аппетитъ приправятъ и овощь.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два куверта,
Однако же филе, притомъ не безъ десерта,
За тѣмъ, что къ статѣ такъ издавна введено:
Хоть яблоки подай,—иначе жить грѣшно!
Трапезой насладясь съ дражайшею женою,
Пора бы чай въ халатъ,—хоть часикъ взять покою;
Не тутъ-то было, нѣтъ:—хозяюшка твоя,
Перемѣнивъ капотъ, тюрбанъ и все и вся,
Неутомимая—тащитъ опять въ карету,
Съ визитами къ роднѣ, къ друзьямъ, по цѣлу свѣту.
Четверкой по ямски (вся масти вороной),
Для свадебныхъ суетъ нарочно нанятой,
Ты новый родъ спозналъ страдательной забавы,
И карточки сорить съ заставы до заставы,
Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской принималъ,
И въ сутки наконецъ второй походъ сломалъ.

Увы! еще тебѣ готово искушенье!
Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье!
Севодни славной балъ—вотъ новая бѣда!
Не раньше какъ въ полночь съѣзжаются туда
Всѣ баря, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
Но карта прислана—нарядятся и скачутъ.
Уйди въ свой кабинетъ,—есть время отдохнуть
И съ горькою слезой старинку вспомянуть;
Спѣши, пока твоя сладчайша половина—
Пора дать имя ей,—пусть будетъ... Жозефина,—
Причешется и свой удѣлаетъ нарядъ.
Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
Изъ многихъ лампъ огонь свой лучь въ стекло бросаетъ,
И отражаяся, предметы озаряетъ;
Тамъ битью весь en plein тюникъ самъ Циклеръ шилъ,
И каждый платья сгибъ Амуръ заворожилъ;

Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ ожерелье,
Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ рукодѣлье;
Тутъ разныхъ влагъ сосудъ и смѣсь душистыхъ травъ
Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
Здѣсь пропасть мѣлочей, какъ будто безъ искусства,
Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на чувства;
Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ—
Но мнѣ ли срисоватъ Венеринъ ѳуалетъ?
Гдѣ ты, блаженна тѣнь Піита вдохновенна,
Которому въ Руси завидуетъ вселенна?
Гдѣ скрылися твой духъ, перо и геній сей,
Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душенькѣ своей?
О юные пѣвцы любви и восхищенья,
Вы, коихъ состоитъ вся жизнь изъ наслажденья!
Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте женской полъ!
Я чтилъ его всегда и—ежели нашелъ
Дни щастья на землѣ,—къ нему по отношенью;
Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не любилъ—
Нѣтъ солнца для того,—и Богъ его забылъ!..

• Но что то ты творишь, мой скимникъ новобрачный,
Ушедши къ камельку питать свой недугъ мрачный
Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами,—съ собой?—
Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ модною женой
Лѣтъ подъ сорокъ тебя чертъ дернулъ сочетаться
И съ вертопрашествомъ свободой помѣняться.
Для взора данъ маштабъ, для ласки сказанъ часъ,
И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
Повѣстки молча ждешь и ногти хоть кусаешь,
Явилась красота и... все позабываешь.
Ликъ ангельской въ глаза какъ молнія блеснулъ,
Во всѣхъ чертахъ себя Веверинъ сынъ вдохнулъ;
Взоръ томный—сладкихъ чувствъ истолкователь нѣжный,

Улыбка съ простотой—путь къ сердцу неизбѣжный,
Станъ гибкой и прямой—всѣхъ прелестей соборъ,
Въ прическѣ тонкой вкусъ, затѣйливой подборъ
И вымыселъ шитья и хитрость въ мѣлкой складкѣ,
Да, скажемъ, не смотря на ценсоровъ нападки,
Что всякая на ней булавочка поетъ;
Ахъ! къ милому лицу, скажите, что нейдетъ?
Вошла, взглянула,—все ея покорно взору!
„Вѣдь ты не долго ждалъ,—и мы прiѣдемъ въ пору!"

Не стану говорить о множествѣ гостей,
Прiѣхавшихъ на балъ, о роскоши затѣй,
Которыми у насъ хозяева тщеславны
Умѣютъ угождать на вкусы своенравны,—
Все пляшетъ и шумитъ: здѣсь вальсъ, тутъ гулъ, тамъ смѣхъ
И крепсъ и болтавня обворажаютъ всѣхъ;
А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
Лишь въ залѣ котильiонъ въ кружокъ формировался.
Вотще путемъ хитрилъ, то важно, то шутя,
Честное слово взять, чтобъ долго не гостя,
Отъ ужина ульнуть уклончивымъ манеромъ,
Она ужь поднята пригожимъ кавалеромъ
И стала въ общiй кругъ; а кругъ вѣдь до зари
Никто не разорветъ, хоть что ни говори.
Что дѣлать?—Для тебя осталось наблюденье:
Разсматривай людей, ихъ нравы, заблужденье,
На спѣсь большихъ господъ взгляни, пожавъ плеча,
Прислушай, какъ они другъ другу съ горяча
Безъ логики свои доводы отпускаютъ,
Крѣпя ихъ только тѣмъ, что все всѣхъ лучше знаютъ.

Ужь за полночь давно и третiй часъ течетъ,
Объ ужинѣ никто докладывать нейдетъ;
Морфей влетѣлъ въ окно и съ воздухомъ наружнымъ

Макъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ окружнымъ,
Не дремлетъ лишь оркестръ и—храбрый котильіонъ,
Часъ отъ часу рѣзвѣй одолѣвая сонъ,
Со стула и на стулъ красотки вальсируютъ
И свѣжихъ на прокатъ прыгунчиковъ вербуютъ.
Нещастный мyженекъ!—а ты чуть чуть не спишь!—
Понюхай табачку—вновь мысли освѣжишь;
По комнатамъ пройдись, вѣдь есть гдѣ послоняться,
На бронзы позѣвать, статуямъ удивляться;
Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ—отгадай,
Архитектурныя ошибки замѣчай,
Написанну сличи Венеру на плафонѣ,
Сходналь она съ твоей, что пляшетъ въ котильіонѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужь водочный лотокъ
И двинулся къ столу танцовщиковъ потокъ;
Терзаютъ осетровъ голодные Корнеты—
И превращаются чудовища въ скелеты.
Но бдѣніе тебя отбило отъ ѣды;
Ты съ роду не видалъ еще такой бѣды.
А милая твоя супруга Жозефина,
Восторговъ и досадъ законная причина,
Манитъ тебя къ себѣ и на ушко: „Мой другъ!
„Я завтра позвана въ короткой самой кругъ.
„Тамъ будутъ jeux d'esprit и en actions шарады;
„Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе отрады.
„Потѣшь меня, mon cher, и ежель—vous m'aimez,
„Сыщи un joli mot—иль сдѣлай буриме".
Шепнула и baiser тебѣ въ лобокъ послала.
Смиренья въ знакъ сама ладонь поцѣловала.
Какъ щастливъ ты опять!—Весь ужинъ проходилъ,
Французской Лексиконъ на память протвердилъ
И въ мигъ карандашемъ замѣтилъ словъ двусложныхъ
Для остренькихъ шарадъ премножество возможныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ.—Не ѣхать ли домой?
„Mon cher! одну кадриль; минуточку постой!“
Помилуй! разсвѣло!—Мазурку заиграли—
И каблучками всѣ красотки застучали;
Чье сердце устоитъ?—Конечно дьяволъ самъ
Ввелъ пляску въ міръ на зло такимъ, какъ ты, мужьямъ.
Вдругъ солнце вмѣсто свѣчь всю залу озарило;
Но легкой хороводъ и то не устыдило.
И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
Хоть волкомъ вой, да жди ла грекъ и мастрадуръ;
Когда бы не бѣда ужасная случилась,
Какой едва ли гдѣ слыхать намъ доводилось,—
Кто думаетъ, пожаръ, кто—рухнулъ потолокъ,—
Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ башмачекъ
По щастію его на милой Жозефинѣ,—
Скакать уже не льзя! Проклятыя судьбины!—
Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиновъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.
Угрюмой съ нею мужъ въ шинель свою зарылся,
И чуть чуть не къ полднямъ въ постелѣ очутился.
Въ такомъ порядкѣ дѣлъ всю дань беретъ Морфей.
. . . .

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ картинѣ;
Готовъ ее на судъ отдать и Жозефинѣ.
Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древней нѣтъ,—
Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;
И женщины, ее у насъ отнявъ навѣки,
Умѣли отомстить за то, что человѣки,
Естественный законъ во зло употребя,
Мечтали взять ихъ полъ въ подданство за себя.
Изчезли времена племенъ патріархальныхъ,
И стерлись навыки семей первоначальныхъ.
Жена тогда была лишь первая раба:

Въ покорности тверда, вліяніемъ слаба,
Какъ говоритъ преданье: свои каклюшки знала,
И носа не въ свои дѣла не уставляла.
Варить умѣла щи, артельны хлѣбы печь,
И мужа своего внимая грозну рѣчь,
Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей скажетъ;
Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяинъ какъ прикажетъ!—
А нынѣ... но о томъ на что и говорить?
Когда ужь удалось имъ насъ перехитрить,
Когда любовна страсть, смягчая будто нравы,
Изъ устъ ихъ принимать велѣла намъ уставы—
Осталось намъ одно спасеніе, мой другъ:
Ихъ ласки покупать цѣной своихъ услугъ;
Мечтать, что мы цари, доколь онѣ насъ любятъ,
И рай воображать, когда насъ приголубятъ.
Ахъ! естьли щастья здѣсь рисуется лишь тѣнь,—
То въ сладкихъ пусть мечтахъ текутъ и ночь и день!—

Вотъ опытный урокъ!—Хотя мое болтанье
Возбудитъ можетъ быть въ тебѣ негодованье,
Пріятеля прости, надъ коимъ ты стократъ
Любилъ и самъ шпынять за то, что онъ женатъ.
Долгъ красенъ платежемъ;—но мести я не знаю,
И щастія тебѣ отъ всей души желаю.

СОСѢДУ.

Пора, сосѣдушка безпечной,
Пора за умъ приняться намъ!
Оставимъ городъ, другъ сердечной;
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Поищемъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,

Какъ предки наши заживемъ;
Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ шитыхъ не износимъ,
И рубль копѣйкой сбережемъ.

Чего въ Москвѣ мы не видали?
Какихъ еще диковинъ ждать?
Ужь ли до сихъ поръ не устали
Людей смотрѣть, себя казать?
Еще ли міра обращенье
Дать можетъ сердцу утѣшенье
И жизнь пріятною творить?
Коварство чувства одолѣло
И всѣмъ на свѣтѣ надоѣло
Другъ друга искренно любить.

Хватись-ка, сколько лѣтъ съ тобою
Я здѣсь безвыѣздно живу;
Хоть я не знатнаго покрою,
Но въ людяхъ чѣмъ нибудь слыву:
Иной зоветъ меня откушать,
Другой Авось мой любитъ слушать.
Друзей, родни соборъ большой;
А паче пиръ когда дается,
Тогда чужой въ родню причтется:
Бѣдаль на дворъ,—друзья домой.

Расторгни завѣсъ заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ!
Вездѣ примѣтишь обольщенья;
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ;
Ахъ, нѣтъ!—то звонъ пустыхъ лишь словъ.
Или твой голосъ полюбился,

Или въ актеры пригодился;—
Тебя не льзя—другой готовъ.

Другой—для тѣхъ, кому судьбою
Дано чувствительными быть,
И мысль сія равна съ бѣдою.
Меня не трудно замѣнить.
Я ставлю сердцу въ муку люту
Остановиться хоть минуту
На мысли бѣдственной такой.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Тотъ эту язву разумѣетъ,
Тотъ тяжкій вздохъ раздѣлитъ мой.

Театры, балы, маскерады—
Вездѣ съ друзьями хорошо;
Въ самихъ-то въ нихъ мои отрады:
Безъ нихъ и праздникъ ни во что.
Взаимность чувствъ и нравовъ сходныхъ!
Среди обычаевъ свободныхъ
Въ тебѣ небесный вижу рай.
Но всуе, всуе симъ и льститься;
Здѣсь всякой только суетится
Скакать весь день изъ края въ край.

Не въ жизни столько развлеченной
Лежитъ ко щастью смертныхъ путь.
О щастье,—нещичко вселенной!
Позволь хоть на себя взглянуть!
Хотя въ пріятномъ сновидѣньи
Яви ты намъ свои прельщеньи!
Когда твой день до насъ дойдетъ,
Тебя, какъ тѣнь свою, мы ловимъ;
Бѣжимъ, бѣжимъ—и не нагонимъ:
Надежда все сулитъ впередъ.

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
Какъ яликъ на морѣ волна,
То выше бѣдъ приподымали,
То мрачна вдругъ касался дна;
Упалъ и пресмыкаюсь низко.
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.

Кого фортуна отличаетъ
Отъ прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обновляетъ,
Что всѣхъ валитъ какъ куколъ съ ногъ.
Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши числитъ
Какъ будто бисеръ, иль жемчугъ,
Которымъ онъ блеснуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещетъ слугъ.

Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время видно жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровь
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачь безъ умолку болтаетъ,
А бѣдный съёжившись молчитъ.

Склонись, дружище мой любезной!
Вели возокъ свой заложить;

Разсудка внявъ совѣтъ полезной,
Умѣй великодушенъ быть!
Оставимъ вертопрашны нравы,
Простимся съ скукой у заставы,—
Москвѣ челомъ, да и качнемъ.
Полюбишь скоро ты деревню;
Тамъ сердца непорочность древню
И праводушіе найдемъ.

Не встрѣтитъ взоръ нашъ изумленный
Огромныхъ башенъ яркой шпицъ;
Но сколь прелестнѣй видъ почтенный
Крестьянскихъ добродушныхъ лицъ!
Въ семьяхъ у нихъ все ладно, стройно,
Въ избѣ тепло, въ душѣ спокойно,
Разсудокъ бодръ и мысль свѣжа;
Тоска бровей тамъ не насупитъ,
За грань села никто не ступитъ:
Его утѣхи тамъ межа.

Такую красную картину
Вседневно зрѣть стократъ милѣй,
Чѣмъ, дня проспавши половину,
Къ полночи кучу ждать гостей;
Чѣмъ цугъ нанявши по ямскому,
На праздникъ къ барину большому—
Чуть свѣтъ—съ визитомъ покатить,
Изъ дому въ домъ съ билетомъ ткнуться,
Или по лавкамъ повернуться,
Чтобъ чѣмъ нибудь глаза взманить.

Свѣтила дневна лучь янтарный
Когда вселенну озаритъ,
Сей мигъ въ природѣ свѣтозарный
Никто изъ насъ тамъ не проспитъ.

Творцу златыхъ небесныхъ сводовъ,
Царю безчисленныхъ народовъ
Хвалы тамъ жертву воздадимъ!
Потомъ, бесѣдуя съ друзьями,
Языкъ не спрячемъ за зубами,
Неправдѣ мы не сноровимъ.

Когда за столъ обѣдать сядемъ,
Онъ тамъ накроется простой;
Его въ игрушки не нарядимъ:
Хоть щей горшокъ, да самъ большой.
Чины Московски позабудемъ,
И цѣну собственности будемъ
Тамъ въ полной мѣрѣ ощущать;
Огонь въ каминѣ раздувая,
Проказы дѣтства вспоминая,
Въ избыткахъ сердца хохотать.

Въ обширной области природы
Какое поле для забавъ!
Вкушая прелести свободы,
Мы свергнемъ иго лютыхъ правъ,
Которы женщинамъ надъ нами
Мы безразсудно дали сами.
Въ чугунныхъ ползая цѣпяхъ,
Отъ нихъ душа тамъ ныть не станетъ,
И сердце саднить перестанетъ,
Изчезнетъ вѣроломства страхъ.

Но ты молчишь, мой другъ! вздыхаешь.
Ужь ли испорченъ столько ты,
Что правдамъ симъ предпочитаешь
Столичной вихрь и суеты?
Сиренъ разнѣженные взоры,
Уловокъ полны разговоры

Когда еще тебя манятъ,
Ищижъ друзей и ошибайся,
Въ любви всечасно рвись, терзайся,
Змѣями ревности объятъ.

А я, твою познавши цѣну,
Тиранъ сердецъ, прекрасный полъ!
Оплакавъ разныхъ чувствъ измѣну,
Хочу спастись отъ новыхъ золъ.
Меня твой умъ не обворожитъ,
Ни взглядъ твой больше не встревожитъ;
Прошу на вѣки изключить
Изъ списка тѣхъ страдальцовъ нѣжныхъ,
Твоихъ любовниковъ прилѣжныхъ,
Которыхъ любишь ты томить!

Да что болтать здѣсь слишкомъ много?
Сквозь слезъ смѣяться тяжело!
Санная выпала дорога,
И мягко ѣхать и свѣтло.
Прости, сосѣдъ! и веселися,
За рѣчь мою не разсердися;
Я правдѣ крѣпостной слуга.—
Велю впрягать свои кляченки,
Въ саняхъ укутавшись въ шубенки,
Урылъ—и вся тѣ не долга!

МОЙ ТЕАТРЪ.

Пускай все строится на свѣтѣ,
Какъ рокъ упрямой приказалъ,
Лишь толькобъ жить мнѣ въ кабинетѣ

Никто на вкусъ мой не мѣшалъ.
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ, ни книги не беру,
И день деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру.

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ сукнѣ я толку не знавалъ;
Иной безъ сахару все ноитъ,
Я чай и съ патакой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава—суетиться,
Мой рай—людьми набитой домъ.

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Которой баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ;
Въ моемъ углу храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ.

Въ сараѣ 6 кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,
Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тьмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ;—
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То Царь, то молодъ я мечтой!

Меня поносятъ, слышу, строго,
За чѣмъ такъ тѣшу я себя;

Кричатъ: онъ видно нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!
Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
Мой домъ придти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность мягку осязать!—

Найдутъ десть бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужъ 30 мучу
Я руку правую мою.—
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный
Наростъ на языкѣ лжецовъ.

Молва страшитъ душенки мѣлки;
Онѣ боятся иногда
Затѣить сущія бездѣлки.
Ахти! что скажутъ? Ну, бѣда!
Безъ аппробаціи собранья,
Не справясь въ клобѣ, тамъ и сямъ,
Онѣ свободнаго дыханья
Не смѣютъ дать своимъ ноздрямъ.

Но тотъ, кто въ креслахъ и на стулѣ,
Въ палатѣ царской и въ избѣ
Имѣлъ всегда на караулѣ
Какъ стража совѣсть при себѣ,
Ума кто пуншемъ не туманилъ,
Чужаго сердца не скоблилъ,
За бѣдность нищихъ не тиранилъ,
За злато знатнымъ не курилъ,—

Предъ тѣмъ—изъ терема ли вьется,
Иль стелется на площади

Молва, какъ вихорь разнесется
И ляжетъ прахомъ назади!—
Предъ тѣмъ молва—лишь свистъ народной,
Которымъ можетъ человѣкъ,
Въ поступкахъ, въ чувствѣ благородной,
Гнушаться смѣло весь свой вѣкъ!

Когда почіешь ты въ покоѣ,
Молва! уставши, хоть на часъ?
Души съ умомъ, въ согласномъ строѣ,
Тебѣ вѣдь рѣдко внятенъ гласъ!
А ты жужжаньемъ надоѣла,
И съ клеветою сдѣлавъ связь,
Чернишь не рѣдко то, что бѣло,
И бѣлой—называешь грязь.

Играйте, пойте, веселитесь,
Два вѣка намъ не подарятъ;
Чужаго толку не страшитесь,
Будь всякъ умомъ своимъ богатъ!
Но знай держать его въ границахъ:
Шути съ пріятелемъ остро;
А при великолѣпныхъ лицахъ
Кусай языкъ—и прячь перо.

Весь міръ вотще хотятъ исправить;
А я давно ужь знаю то,
Что лучше, чѣмъ онъ есть, составить
Не смыслитъ новаго никто.
Пускай кружится свѣтъ, какъ знаетъ,
Я снисходительнѣе всѣхъ:
Кто самъ меня не задѣваетъ,
Тому и я прощаю грѣхъ.

Такъ полно ссориться, ребята,
И милости прошу ко мнѣ!

Моя трапеза не богата,
Но правда чистая въ винѣ.
Летитъ весна, придетъ Святая,
И солнца станетъ лучь сіять,
А мы здѣсь долу, всѣхъ лобзая,
Начнемъ комедію играть.

Ужаснѣй черта, кто порочитъ
Забавъ невинныхъ простоту;
Злодѣй шипитъ и не хохочетъ,
А доброй любитъ суету.—
Ко щастью взявъ мечты дорогу,
Я благодаренъ Небесамъ!—
Мой духъ принадлежитъ лишь Богу,
А сердце все—моимъ друзьямъ!!!

ДОСАДА.

Любви оковы тѣсны
Съ себя навѣкъ сложилъ,
Раиды видъ прелестный
Изъ сердца истребилъ.
Бѣжалъ отъ легковѣрной,
Отъ нѣжныхъ скрылся глазъ;
Не страшенъ сей невѣрной
Ужь болѣе мнѣ гласъ.

По утру лишь проснулся,
Задумалъ не объ ней;
Въ восторгѣ встрепенулся,
Свободѣ радъ моей.
Слуги я не отправилъ,

Здорова ли, спросить;
Меня мой умъ заставилъ
Дверь сердца затворить.

Тѣхъ книгъ ужь не читаю,
Что мнѣ она дала;
Цвѣтовъ не сберегаю,
Которые рвала;
И платье, въ чемъ вседневно
Я прежде къ ней ѣзжалъ,
Сегодни, скинувъ гнѣвно,
Въ лоскутья изорвалъ.

Портретъ ея бывало
Въ глазахъ моихъ стоитъ;
Сіе любви начало
Мой духъ ужь не смутитъ:
Теперь же въ кладовую
Снести его велѣлъ,
Чтобъ эту мину злую
И въ краскахъ я не зрѣлъ.

Пойду ли я, поѣду
Случалося куда,
А къ вечеру заѣду
Туда все, да туда;
Но ныньче, слава Богу!
Мнѣ къ ней не по пути,
И въ домъ ея дорогу
Стараюсь обойти.

Насилу сталъ я воленъ
И вправду веселюсь,
Судьбой моей доволенъ,
Раиды не боюсь.

Ея любовникъ страстной
Плачевнѣе живетъ,
Чѣмъ узникъ тотъ нещастной,
Которой смерти ждетъ.

Свобода драгоцѣнна!
Навѣкъ пребудь со мной!
Съ тобою жизнь блаженна,
Въ тебѣ души покой.
Тверди ты мнѣ стократно,
Чтобъ помнилъ я всегда:
Любить себя пріятно,
Любить другихъ—бѣда!

НОЧНАЯ ПОѢЗДКА.

Пріятно, говорятъ, въ дорогѣ быть тогда,
Какъ полный зракъ луны всю землю озаряетъ.
У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Я въ мѣсячную ночь готовъ совсѣмъ не спать,
И вплоть до бѣла дня торчать одинъ въ окошкахъ:
Все лучше, чѣмъ съ самой Венерой разъѣзжать
Въ каретѣ ли—въ возкѣ—въ саняхъ, или на дрожкахъ.

Мнѣ все равно, на чемъ—и въ чемъ—и какъ—и съ кѣмъ;
Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ:
Охотнѣе сухарь въ своемъ домишкѣ съѣмъ,
Чѣмъ за сто верстъ скакать въ дормезѣ за нектаромъ.

День созданъ для суетъ, а ночь для тишины:
Все кстати въ естествѣ Творецъ натуры строитъ;
Онъ знаетъ, для какой насъ именно вины
По утру будитъ день, а къ ночи сонъ покоитъ.

Мы сами своему спокойствiю враги:
Намъ хочется вездѣ затѣять суматоху,
Хоть самижъ видимъ сплошь, что наши всѣ шаги
Намъ стоютъ или слезъ, или конечно вздоху.

Сколь часто мы себѣ воображаемъ рай,
Составивъ изъ идей картины распрекрасны;
И тотчасъ лошадей курьерскихъ подавай!
За чѣмъ?—куда?—Скакать во пропасти ужасны.

Родится человѣкъ съ способностью ступать,
И пусть бы вѣкъ ходилъ—земли на свѣтѣ много!
Но встрѣтилась вода; по ней нельзя шагать:
Тотчасъ поспѣлъ корабль—и на море дорога.

Казалось бы, за тѣмъ чего еще хотѣть?
Весь свѣтъ (а свѣтъ великъ!) объѣхать научился;
Нѣтъ, мало,—дай еще за облако летѣть:
Надулъ тафтяной шаръ—и въ воздухѣ явился.

Что послѣ?—Пустяки.—О жалкой человѣкъ!
Покоя не щадя, чтобъ быть впередъ спокойнымъ,
Летаешь ты, плывешь и скачешь весь свой вѣкъ;
А смерть вдругъ ставитъ грань твоимъ мѣчтамъ нестройнымъ!

Прiятель мой Глассонъ давно бы мнѣ сказалъ,
Что Гуфландъ или Галль на нервы въ этомъ шлются;
А я такъ и безъ нихъ давно ужь отгадалъ,
Что люди вкругъ бѣды какъ мухи къ свѣчкѣ жмутся.

Блаженъ, кому далъ Богъ жить дома безъ тоски,
Съ прiятною женой союзъ любви вкушая!
Хоть какъ его судьба ни жметъ въ свои тиски,
Онъ щастливъ, сноситъ все, Безсмертныхъ ублажая.

Жить дома, быть въ семьѣ, безъ распри, безъ клеветъ,
Имѣть насущной хлѣбъ, кафтанъ, огонь въ каминѣ,—
Вотъ щастье, вотъ покой,—инаго въ свѣтѣ нѣтъ!
Тотъ подлинно во всемъ съ Богами въ половинѣ!

За чтожъ отъ благъ такихъ хотѣть еще кому
Для мнимаго добра изъ края въ край шататься?
Какъ Пирру нѣкто рекъ, и ябъ сказалъ ему:
„Да чтожъ тебѣ претитъ и дома всё смѣяться?"

Мой домъ, увы! хотя могилой сталъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я лишенъ жены, съ женами несравненной,
При всемъ томъ изъ него, луной чтобъ тѣшить взоръ,
Не двинусь ни въ какой прелестной край вселенной.

ЧАСТЬ II.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ НИЖНІЙ 1813 ГОДА.

ПРИЧИНА.

По кончинѣ матери моей, сдѣлавшись помѣщикомъ и владѣльцомъ 400 душъ, по наслѣдству законному мнѣ доставшихся, я встрѣтилъ необходимость ознакомиться съ моими поселянами, и для того отправился въ Нижній, взявъ съ собою жену, старшую дочь и двухъ барышенъ, жившихъ при матушкѣ. Первое путешествіе мое въ Одессу имѣло въ основаніи своемъ одну прихоть. Нынѣшнее предпринято изъ дѣйствительной нужды. Воротясь домой и имѣя много досужнаго времени, мнѣ захотѣлось заняться описаніемъ всего того, что я видѣлъ. Прочтетъ ли кто его, иль нѣтъ, о томъ я не забочусь: довольно награжденъ въ трудахъ моихъ и тѣмъ, что сократилъ ими длину осеннихъ вечеровъ, и не чувствовалъ жестокихъ припадковъ той мучительной болѣзни, которую зовутъ: скука!

ВЫѢЗДЪ.

Освятивъ домовую свою церковь въ Петровъ день, и помолясь въ ней прилежно, поѣхали мы, на 15 своихъ лошадяхъ, 5-го числа Іюля изъ Москвы, и ночевали въ 30 верстахъ отъ оной, въ селѣ Анискинѣ, у Попа на квартирѣ. Погода была хороша, но звѣринецъ ни въ какое время неспособенъ къ проѣзду. Насъ колотило въ

каретѣ, въ коляскѣ, безъ милости. Мы кричали всѣ по очереди: вотъ начало пріятностей въ путешествіи! Въ каретѣ сиживали молодыя наши дѣвушки, а я иначе не ѣзжалъ, какъ въ открытой коляскѣ, въ ведро ли, ненастье, а жена моя въ ней всегда сидѣла со мною рядомъ. Она иногда дремала, а я читывалъ книжку. Спасибо Жилблазу! Онъ много меня забавлялъ своими похожденіями, и отъ этого мнѣ часто версты казались короче, дороги лучше, нежели бы то случилось, если бъ я катался, сложа руки и глядя на облака.

Квартира у Попа въ Анискинѣ была немудреная. Мы съ тѣснотою большой помѣстились, но все лучше и чище избы. Левитъ раздѣлилъ съ нами свою хижину, и мы его только при встрѣчѣ видѣли. Безмездной Іерей доволенъ былъ безъ ряды тѣмъ, что мы ему дали за ночлегъ, и мы, отправя впередъ свою поварню, подъ которую брали всегда почтовыхъ, дабы она успѣвала кормить насъ, выспались очень покойно. Сіе оправдываетъ пословицу, что въ т ѣ с н о т ѣ люди живутъ. 6-го числа обѣдали мы еще въ Московской Губерніи, въ селѣ С т р о м ы н ѣ, въ избѣ. Старой и слѣпой заштатной Дьячекъ, сидя на печи, вмѣсто музыки, пропѣлъ намъ нѣсколько стиховъ церковныхъ довольно пріятно. Выкормя лошадей, ужинали и ночевали въ Владимірской Губерніи, старой моей области, въ заштатномъ городѣ К и р ж а ч ѣ. Бывало, какъ пріѣду, всякой домъ для меня готовъ; а нынѣ, остановясь на самомъ худомъ постояломъ дворѣ, поѣли и легли спать въ той же избѣ. Я имѣлъ случай почувствовать, что власть и палка лучше всякаго добровольнаго гостепріимства. S i c t r a n s i t g l o r i a m u n d i. 7-го обѣдали во Ф р о л и щ а х ъ, селеніе казенное, ночевали въ Юрьевѣ. Скучно ѣздить на своихъ лошадяхъ: надобно кормить и стоять въ лучшее время дня, часа по четыре, въ избахъ нечистыхъ, или отдыхать въ сараѣ, растянув-

шись на соломѣ. Но это уже роскошь, которую одни богатые мужики доставить могутъ, а ихъ вездѣ немного.

Прекрасной случай съ нами встрѣтился во Фролищахъ. Мужикъ, у котораго остановилась моя передовая повозка, увидя меня, палъ въ ноги, припомнивъ, что я когда-то сына его пощадилъ при рекрутской отдачѣ. Благословлялъ меня безпрестанно. Душа моя уступила первымъ движеніямъ своимъ, и я заплакалъ. Но дошло дѣло до фуража. „По чѣмъ овесъ, сѣно?“—„Батюшка! Лишняго не возьму.“—„Хорошо! Однако, что стоитъ?“ Цѣна объявлена дороже многихъ другихъ хозяевъ въ той же деревнѣ. „Какъ же, другъ мой, тебѣ не стыдно, хваля меня, такъ много брать дороже прочихъ?“—„Воля твоя, Баринъ, меньше нельзя!“—„Хорошо! Такъ не прогнѣвайся: я переберусь туда, гдѣ дешевле“; и перенесли мой обѣдъ къ другому крестьянину. Я охотникъ до гречневой каши. Поваръ мой ее тутъ и приготовилъ, но мужикъ, разсердясь, что не у него взяли овесъ и сѣно, не далъ и каши, а на новомъ дворѣ уже ее готовить было нѣкогда, и такъ я лучшаго своего кушанья лишился. Ахъ! какъ жаль мнѣ было моей чувствительности и слезъ! Вотъ что дѣлаетъ корысть! Надежда взять съ меня рублей 20 за фуражъ сдѣлала меня благодѣтелемъ, отцомъ; повернулся вѣтеръ не туда, и мужикъ мнѣ отказалъ въ горшкѣ каши: и послѣ этого (а подобныхъ случаевъ много) можно ли полагать признательное сердце въ трупѣ нашего крестьянина? Все мзда!

Въ Юрьевъ пріѣхали мы поздно, а я по ночамъ ѣздить не люблю; и такъ вошелъ бѣшенъ, какъ медвѣдь послѣ привязи, къ моему родственнику, Безобразову, Городничему того мѣста. Тутъ горячій чай, варенье въ сахарѣ и разныя лакомства, при дружеской бесѣдѣ, разгладили морщины разъяреннаго моего чела, и мы за ужиномъ еще долго хохотали надъ кашей и Фролищевскимъ крестьяниномъ.

ЮРЬЕВЪ.

О Юрьевѣ говорить много нечего. Городъ старинной, Долгорукимъ Царемъ строенной, но некрасивой, посреди равнинъ и безъ воды; ибо рѣка Колокша, въ немъ текущая, вниманія не заслуживаетъ. Здѣсь, во время моего начальства, построены соляные амбары и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной; въ немъ я нѣкогда говорилъ рѣчь служащимъ Дворянамъ, и всѣ съ нея списывали копіи. Нынѣ, можетъ быть, и гроша за нее не дадутъ, хоть она та же, но я не тотъ же. Тогда я былъ Губернаторомъ, сегодня гость, или лучше сказать, изгнанникъ!

8-го числа, отобѣдавши у Городничаго, пріѣхали мы ночевать къ помѣщику Лялину. Большое звено бѣлужины и бокалъ Шампанскаго показали мнѣ, что я и самъ по себѣ для него пріятной гость. Проводя вечеръ по деревенски и напитавшись всѣхъ плодовъ того времени, мы спокойно провели ночь, безъ мухъ и комаровъ, и на другой день тутъ же отобѣдали. Тороватой хозяинъ ни чего не жалѣлъ для угощенія нашего; онъ былъ въ отставкѣ, я также; слѣдовательно, поклоны клеветниковъ не отнимали у насъ удовольствіе; а за тѣмъ, простясь съ добрыми хозяевами, 9-го числа пріѣхали не рано въ Суздаль. Дорога тутъ гориста и въ колеяхъ часто съ боку на бокъ насъ кидало въ коляскѣ. Въ Суздалѣ, у добраго и стараго Городничаго, Ермолина, остановясь въ домѣ, расположились тутъ также два раза поѣсть, отужинать и отобѣдать, и, въ небольшой бесѣдѣ пріятелей проведя вечеръ, легли спать.

СУЗДАЛЬ.

Городъ старинной, огромной, но не хорошъ. Выстроенъ неправильно. Церквей множество, монастырей также. Чи-

новники скупы, купечество не чиво. Какого же тутъ ожидать гостепріимства? Мы не выходили изъ дома Городничаго: онъ насъ кормилъ, поилъ и потчивалъ: доброй хлѣбосолъ! старинной кирасиръ! Живетъ по пословицѣ: „Что ни есть въ печи, все на столъ мечи!“

Тутъ вспомнилъ я свои труды гражданскіе; гостиной дворъ съ колоннадою, при мнѣ начатой, уже достроенъ, и въ немъ, черезъ пять лавокъ пустыхъ, въ шестой торгуютъ вздоромъ. Вездѣ свое чванство. Суздальцы захотѣли вытянуть большой гостиной дворъ, застроили подъ нимъ цѣлой кварталъ, и, ходя взадъ и впередъ, на него любуются. Здѣсь славной Евѳимьевъ монастырь, о которомъ кто не наслышался? Ужасная темница! Россійская Бастиль!

Я въ Суздалѣ сутки пробылъ безъ скуки; старой мой пріятель, здѣшній ученой Священникъ и проповѣдникъ, Димитрій, посѣтилъ меня. Мы вмѣстѣ съ нимъ читали и прозу и стихи, разсуждали о томъ и о другомъ, не спорили, какъ бѣшеные богословы, о текстахъ Священнаго Писанія, но дружески о временахъ настоящихъ, о нравахъ и плодахъ всеобщаго разврата, и, согласясь въ томъ, что люди никогда не достигнутъ моральнаго совершенства, разстались. Архимандритъ Мельхиседекъ, сохраняя, какъ умной человѣкъ, приличности, посѣтилъ меня и у хозяина отобѣдалъ. Никого больше не видалъ въ городѣ. 10-го числа, послѣ обѣда, поѣхалъ въ деревню, къ свояченицѣ моей, Владыкиной. По большой дорогѣ до села ея 50 верстъ отъ Суздаля; упряжка отяготительная, лошади съ трудомъ довезли меня за 35 верстъ отъ Суздаля; оставалось еще поймами и песками 15 верстъ до мѣста; дождь нѣсколько смочилъ дорогу, но уже вечеръ приближался и солнце закатилось прежде, нежели мы за Клязьму переправились. Мы взяли

почтовыхъ подъ всѣ экипажи съ Введенскаго села, оставя тутъ своихъ лошадей, съ тѣмъ, чтобъ они, выкормя, дошли до насъ въ Русино, Владыкина деревню; со всѣми этими предосторожностями мы въ сумерки стали на паромъ, и пока перевозили коляску, погорячились и пошли пѣшкомъ, надѣясь, что скоро она насъ догонитъ: какая печальная ошибка! Мы прошли верстъ 5, а еще повозки насъ не догоняли. Мужчина, во всей пѣшей нашей братіи, одинъ былъ я, жена, барышни и дѣвка: вотъ вся наша компанія! Ночь, да и не мѣсячная, настигла насъ въ поймахъ. Въ окрестностяхъ вездѣ толпы косцовъ, и разложенные около ихъ огни освѣщали нѣсколько путь намъ, но, при взглядѣ на рѣку издали, самыя ихъ артели наводили какой-то ужасъ. Неувеселительно было наше положеніе: на часахъ моихъ было уже 12 часовъ ночи, а еще ни кто къ намъ не поспѣвалъ; шли, шли и дошли до проточины, наполненной воды, черезъ которую ни какъ перескочить было нельзя. Тутъ взяло насъ отчаяніе, я не зналъ на что рѣшиться: не понималъ, куда дѣвались наши люди и колымаги, и едва не рѣшился я и дѣвка перенести на себѣ жену и свиту ея, хотя по колѣно маршируя водою, какъ вдругъ услышали отдаленной гулъ. Барышни стали кричать ау, и наконецъ ѣдущая другимъ путемъ наша коляска, свернула къ намъ, и мы кинулись въ нее, какъ въ Ноевъ ковчегъ, переѣхали широкую лужу, отъ которой еще версты три оставалось до села. 2 часа было за полночь, какъ мы очутились въ Русинѣ. Хозяева спали уже давно. Мы весь домъ перебудили, всѣхъ перетревожили, и пока наши дамы ожидали ужина, я на скору руку напился чаю, кинулся на кровать, обогрѣлся и уснулъ какъ убитой. Сонъ—блаженство, когда устанешь. Въ путешествіи все зависитъ отъ случая. Можно подъ селеніемъ быть въ бѣдѣ, и довольну въ степи не-

обитаемой. Я не столько трепеталъ ѣздивши въ Одессу, въ степяхъ отдаленныхъ, на берегахъ Чернаго моря и свирѣпаго Буга, какъ здѣсь, у этой проточины, почти близъ селенія родни моей, гдѣ ожидало меня одно удовольствіе и тишина.

КОВРОВЪ.

11-е число, день печальной въ нашемъ домѣ, по тому что онъ напоминалъ женѣ рожденье единственной для сердца ея дочери, Алены; мы провели его кое какъ въ деревнѣ у Владыкиной, и для разсѣянія мыслей, по тому что оно весьма было намъ нужно, ѣздилъ я взглянуть на работы новаго стекляннаго завода въ сосѣдствѣ, которой мнѣ былъ извѣстенъ и прежде. Хозяина не застали дома. Гуты только что начали раскуриваться. Стекло готовили, а не обработывали. Хозяйка, лишившаяся ума, встрѣтила насъ, потчивала чаемъ и яблоками, но мы бросились отъ нея бѣжать, и воротились домой.

12-го выѣхали рано и, по приглашенію Ковровскаго купца, Шиганова, остановились у него въ домѣ городскомъ обѣдать и кормить лошадей. Чиновники почти всѣ сошлись меня видѣть. Я сею учтивостію долженъ былъ остаться довольнымъ, хотя у каждаго изъ нихъ не то было на языкѣ, что на умѣ. Ковровъ—городъ Уѣздной, на горѣ; подошву ея моитъ Клязьма; мѣстоположеніе прекрасное, разбитъ довольно правильно, но строеніе вообще весьма бѣдное. При мнѣ построился тутъ длинной гостиной рядъ каменной; о святкахъ бываетъ въ немъ ярмонка; также и каменной корпусъ для Присутственныхъ Мѣстъ, при мнѣ выстроенъ, и я вспомнилъ, что при открытіи его говорилъ рѣчь изрядную, но которую лесть тогда называла даже прекраснѣйшей. Обычай говорить рѣчи разнымъ сословіямъ, при нѣко-

торыхъ торжественныхъ случаяхъ, весьма новъ въ Россіи, да кажется и, не войдя во вкусъ, совсѣмъ началъ пропадать. Послѣ обѣда, сопровождаемъ будучи судьями городскими, кои захотѣли вѣжливость свою ко мнѣ распространить до самыхъ крайнихъ ея границъ, перешли мы чрезъ Клязьму по живому мосту пѣшкомъ, и отъѣхавши 25 верстъ, ночевать остановились въ Воскресенскомъ, село разныхъ помѣщиковъ. Тутъ двѣ церкви, каждая на горѣ, одна ветхая, другая еще не достроена; пустили насъ въ маленькой господской флигель, которой, по тѣснотѣ его, назвать можно приличнѣе канурою, и тутъ мы почти человѣкъ на человѣкѣ легли спать: лѣтомъ вездѣ всячески уляжешься. 13-го воскресный день, обѣдни отпѣли рано, а мы встали поздно, и такъ помолились на ложахъ нашихъ. Мнѣ случилось видѣть младенческія похороны, на кладбищѣ, противъ самаго ночлега: Попъ въ изорванной ризѣ подошелъ къ ямѣ, спустилъ туда гробокъ, пѣлъ съ полчаса, засыпалъ мертвеца землею, сравнялъ могилу, лизнулъ меду изъ стакана и, схватя въ зубы пирогъ, побѣжалъ съ пустымъ кадиломъ, въ которомъ не было ни ладону, ни жару, въ свою Іерейскую свѣтелку. Я любопытнымъ окомъ на все это зрѣлище смотрѣлъ и думалъ: На что для младенцевъ, для чистѣйшаго, такъ сказать, духа, такіе нескладные обряды? Но Священнику за это дали съ копѣйкой восемь, и я увидѣлъ, что много не нужнаго для неба необходимо для живущихъ подъ нимъ. Послѣ похоронъ пришли старушонки вопить надъ своими родственниками: кто тужитъ объ мужѣ, кто объ женѣ, кто о братѣ, о дѣтищѣ, о бабушкѣ. У всякаго своя печаль! Ни одной слезки я не видалъ, а крику наслушался: это называется по деревенски вопить; кто этого не соблюдетъ, тотъ, по мнѣнію поселянъ, недругъ своимъ роднымъ. Странной обычай: реви, а плакать не хочется.

Обѣдать мы пріѣхали къ Култашеву, Шуйскому помѣщику, которой любилъ меня, какъ я былъ Губернаторъ, и, кажется, любитъ еще и нынѣ. Намъ хотѣлось обѣдать въ Шуѣ, но онъ насъ остановилъ на перепутьи, и мы тутъ поѣли вдоволь, и сладко напилися чаю, кофе и вина. Хорошій хозяинъ! Угостилъ насъ со всею привѣтливостію старыхъ временъ. Мы у него досидѣли до вечеренъ и поѣхали въ Шую. Еще у него встрѣтить насъ выѣхали Шуйскій Городничій Шульгинъ и молодой человѣкъ изъ купечества, Теряевъ. Мы всѣ вмѣстѣ сѣли въ коляску нашу и, распростясь съ добрымъ Г. Култашевымъ, пріѣхали въ Шую, гдѣ остановились ночевать въ томъ же домѣ Г. Городничаго, въ которомъ, во время нашествія врага въ Москву, укрывались отъ злобы его и мечей. Съ какою сердечною откровенностію бросился я на шею добрымъ хозяевамъ, которые одни, одни только, приняли насъ въ домъ свой, бѣгущихъ изъ Москвы, обогрѣли, накормили и дали крышку на все зимнее время! Они дѣйствительно выполнили противъ насъ священную притчу, научившую насъ распознавать, кто есть ближній нашъ; у нихъ я зрѣлъ черты прямаго состраданья:

Безъ платы, безъ даровъ, и даже безъ услугъ,
Въ лукавы наши дни, какой названой другъ
Подобное творитъ, не чая воздаянья?

ШУЯ.

Городъ Уѣздной, но прекрасной, на ровномъ мѣстѣ, разбитъ правильно, имѣетъ хорошія площади, окрестности его представляютъ пріятные виды. Рѣка Теза почесться можетъ въ числѣ лучшихъ рѣкъ Владимірской Губерніи: она течетъ подъ самымъ городомъ; купечество промышленное

и сытое, церкви богатыя, хотя Раскольниковъ довольно; при мнѣ еще граждане застроили огромной вышины колокольню, которая имъ станетъ тысячъ въ 200, но купцы любочестивы и ни чего не щадятъ, дабы капиталы свои прославить. Въ Соборѣ Царскія двери всѣ серебряныя, а помянутая колокольня совмѣстницей назначена быть тремъ важнѣйшимъ башнямъ въ Россіи: Ивану Великому, Лаврской у Троицы и Печерской въ Кіевѣ. Здѣсь корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной, построенъ въ мое время также, какъ выходы винные каменные и соляные анбары деревянные. Въ Шуѣ нѣсколько подобныхъ памятниковъ моего правленія, и застава одна на подобіе Московскихъ.

Въ Шуйскомъ Уѣздѣ жена моя имѣетъ небольшую деревню, хорошо устроенную, въ которую я часто ѣзжалъ къ ней въ гости и влюблялся въ нее послѣ всякаго визита больше и больше. Нынѣ я одинъ ѣздилъ туда взглянуть на развалины и потужить о прошедшемъ: тутъ родилась, жила и веселилася Алена; тутъ для матери ея нѣкогда всѣ погоды были хороши; любовь ея къ Аленочкѣ украшала все около ея жилища. Съ кончины ея жена моя уже не была въ своемъ Александровѣ. Я тутъ позавтракалъ, походилъ по саду, вздохнулъ и воротился домой.

На пути, ѣхавши мимо погоста, гдѣ похороненъ первой мужъ жены моей и любимая дочь ея, я остановился и вышелъ на гробъ ихъ. Сельской Священникъ отправилъ литію, вѣчная память раздала свои отголоски въ моемъ сердцѣ, слезы брызнули. И намъ со временемъ отдадутъ тотъ же долгъ наши потомки. Не далеко отъ нихъ погребенъ старой мой пріятель, недужной и слѣпой философъ, Тихомировъ. „Кто такой?“ скажутъ, читая мою повѣсть.—Товарищъ и учитель Сперанскаго. Сколько ученикъ громокъ, столько наставникъ не извѣстенъ; онъ

мнѣ былъ знакомъ. Сосѣдство жилищъ въ лѣтнее время насъ сблизило сердцами, онъ мнѣ нравился, я его любилъ и поклонился съ умиленіемъ душевнымъ праху сего достойнаго пустынника:

Тебѣ ли нищету прилично было знать?
За то, что ты умѣлъ вельможу воспитать,
Которой самъ за то, что слишкомъ былъ уваженъ,
Какъ сильный истуканъ упалъ обезображенъ:
Примѣру такову, природы сынъ, внемли,
Убо есть Богъ судья намъ грѣшнымъ на земли.

Въ тотъ же день, т.-е., 14, отобѣдавши, поѣхалъ я съ женою въ гости къ Княгинѣ Куракиной, въ село Чуприно, за 50 верстъ отъ города, дочь съ товарищами своими оставались въ Шуѣ. Перемѣня лошадей въ Кохмѣ, гдѣ мое имя долго будетъ памятно, по тому что въ мое время человѣкъ до трехъ лучшихъ обывателей сослано на каторгу за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, проѣхали, не останавливаясь, сквозь село Иваново— вотчина большая, богатая, наполненная фабрикъ, и денегъ, и разврата. Золото всегда сквернитъ нравы. Тутъ до 50 каменныхъ домовъ, во всякомъ изъ нихъ я былъ приглашенной гость, когда былъ Губернаторомъ, а послѣ Московской напасти, пріѣхавши сюда, едва нашелъ для себя нанять простую избу, хотя всѣ дворцы Ивановскихъ крестьянъ были пусты. Въ вечеру мы сбились съ дороги и доѣхали къ Княгинѣ Куракиной довольно поздно, свѣчи уже были поданы; повозки наши отстали, и не прежде глухой полночи постели наши прибыли. Признаюсь, что я имъ очень обрадовался: что пріятнѣе въ дорогѣ, когда глаза просятъ сна, какъ собственной свой пуховикъ, со всѣми его принадлежностями? Здѣсь мы прогостили два дни, т. е. 15 и 16, и не солгу, когда скажу, что мы время не видали: насъ было только трое, хозяйка да я съ женою. Погода позволяла гулять, сидѣть въ саду,

наслаждаться природою, а гдѣ, въ сотовариществѣ съ нею, искренняя любовь, чего тамъ еще желать человѣку, какъ бы ни были избалованы его чувства?

ЧУПРИНО.

Чуприно представляетъ самое строгое философическое уединеніе; мѣстоположеніе не значущее, селеніе маленькое, садъ не великъ, но пригожъ, домъ не широкой, но помѣстительной, и не для одного человѣка: вотъ наружныя качества этого убѣжища. Княгиня Куракина, удалясь сюда отъ всего свѣта, хочетъ быть забыта всѣми, но достоинства ея привлекаютъ къ ней многихъ, и она рѣдко сидитъ вовсе одна въ своихъ покояхъ. Впрочемъ, для нея строгое уединеніе даже и зимою кажется не бѣдой. Ни что такъ не означаетъ твердыхъ душъ и мужественныхъ свойствъ нашего нрава, какъ склонность къ уединенію: она и одна умѣетъ быть всегда занята съ пріятностію и разумомъ; рѣдкія дарованія Княгини сдѣлали ее примѣромъ великодушія и Христіянской покорности судьбамъ. Она съ геройскимъ терпѣніемъ сноситъ недостатокъ, сиротство, одиночество, къ которымъ, однако же, ни что съ молодости ея не готовило и не предназначало. Забывши, что нѣкогда она была хороша, хотя и теперь еще можетъ быть мила всякому, кому захочетъ; забывъ, что все ею плѣнялось, хотя и теперь, увидѣвшися съ нею, ни кто разстаться не хочетъ; забывъ, что очарованіе сердецъ было исключительной ея наукой въ ея полѣ, хотя и теперь она на всякую душу сильно подѣйствовать можетъ; словомъ, все это забывая, Княгиня Куракина не хочетъ быть въ мірѣ ни знаема, ни примѣчена. Я ее люблю всѣмъ сердцемъ, какъ друга, чту какъ мать, и могъ бы умножить здѣсь не льстя

красоты ея нрава, но я знаю ея скромность и не смѣю говорить больше:

Нѣжнѣйшій самый другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ ума и сердца къ славѣ
Предъ всѣми развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ.

Пробывши тутъ два дня пріятнѣйшимъ образомъ, мы 17 числа обратно пріѣхали въ Шую. Насъ ожидали къ обѣду, но мы его отправили въ коляскѣ, на походѣ. Отдохнули, ночевали, и еще разъ на завтра отобѣдали у Шульгиныхъ, а послѣ обѣда, простясь съ ними, пустились въ Нижній, по Балахнинской дорогѣ, и 18 числа, отъѣхавъ 30 верстъ, держали ночлегъ въ большой деревнѣ, именуемой Зименки. Съ трудомъ нашли хорошую и чистую избу, но еще не доходило до того, чтобъ ложиться спать по картамъ.

МЫТЪ.

Мытъ, село Князя Ѳедора Николаевича Голицына, кромѣ богатаго въ немъ храма и пространства своего, ни какого не заслуживаетъ примѣчанія, но для меня останется навсегда мѣстомъ достопамятнымъ. Сюда мы отпустили 19 числа поварню изъ Зименокъ и сбирались тутъ обѣдать. Ожидаетъ ли человѣкъ бѣды своей за минуту прежде? Подъ селомъ течетъ рѣка Лухъ; черезъ нея переправляются проѣжжія на паромѣ, по тому что она имѣетъ нѣсколько островковъ и заливовъ. Я отъ природы скоръ: наши экипажи готовились къ переправѣ и ждали плота; я хотѣлъ перейти по лавамъ, звалъ жену, она ступила и, найдя ихъ шаткими, воротилась на берегъ и уговаривала меня, но я быстрѣе молніи пошелъ съ дочерью и барышнями гусемъ, и благополучно до-

стигли до сухой земли. Плывущія на паромѣ за повозками нашими кормщики и мытари кричали мнѣ, что тамъ далѣе еще надобно переходить лавы, и они ненадежны. Пришлось воротиться: я просилъ парома, отмели не позволили ко мнѣ причалить, и мы опять пошли по тѣмъ же лавамъ. Дочь, барышни, всѣ прошли; оставался на походѣ я, и по счастію за мною шла старшая Княгинина служанка, Молдаванка. Дурно ли мнѣ стало, потерялъ ли равновѣсіе, не знаю, но подвернулась подъ ногами моими доска, и меньше мгновенія я очутился въ рѣкѣ: упавши задомъ и во весь ростъ, я не досталъ дна; по какому-то естественному въ человѣкѣ движенію, которое заставляетъ его ухватиться за что бы то ни было, когда онъ падаетъ, рука моя придержалась за тонкую жердину, на которой лава упиралась, и эта моя рука, оставшись одна на воздухѣ, служила указателемъ, что я еще могу быть спасенъ, а мнѣ препятствовала свѣситься совсѣмъ въ пучину и погибнуть. Молдаванка, не теряя разума, ухватила меня подъ обѣ мышки и освободила голову. Но больше помочь она мнѣ не могла. Малѣйшее излишнее ея усиліе или нагибъ корпуса могъ ее стащить въ слѣдъ за мною и, вмѣсто одной, были бы двѣ жертвы, тѣмъ вѣрнѣе, что я и плавать не умѣю. Держа меня подъ мышки, она призывала съ берегу помощь и кричала во весь голосъ, но на берегу смятеніе было страшное. Наша дворня безъ ума и смысла металась изъ стороны въ сторону около жены и дочери, и ни кто не шелъ ко мнѣ на помощь. Между тѣмъ, потонувши во всей одежѣ, я становился такъ грузенъ, что быстрота воды тянула меня къ низу, и Молдаванка едва не выпустила меня изъ рукъ. Я уже далѣе ни чего не помню, кромѣ того, что, вскочивши послѣднимъ усиліемъ къ верху, умѣлъ присѣсть на лаву, и тутъ уже почувствовавъ, что Богъ меня спасаетъ, закричалъ женѣ:

„Я живъ!“ Прибѣжали люди, вытащили меня и привели на берегъ: я былъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Испугъ, по мѣрѣ какъ я приходилъ въ себя, сталъ болѣе и болѣе на меня дѣйствовать. Вода съ меня текла ручьями; тотчасъ меня раздѣли, перемѣнили на мнѣ все до нитки, вымыли мнѣ ноги простымъ виномъ, и дали мнѣ стаканъ мадеры выпить. Кровь зачала отправлять свое дѣло, появились краски въ лицѣ, и чрезъ полчаса уже я всѣми моими чувствами наслаждался, какъ бы со всѣмъ ни чего со мною ни случалось. Жена моя труднѣе меня приходила въ себя, и хотя мы совершенно успокоились часа черезъ два, однако нѣсколько дней еще послѣ того, при малѣйшемъ о семъ воображенiи, я содрогался вдругъ и всѣ нервы у меня приходили въ игру, у жены моей также: дѣйствiе сильнаго испугу. Первыя волненiя души имѣли предметомъ самаго меня. Какъ кто ни разсуждай, дерзнемъ ли мы сказать, вопреки натурѣ, чтобъ кто могъ быть себѣ себя милѣе? Но потомъ, помышляя о семъ произшествiи, до нынѣ еще я не могу безъ ужаса вообразить положенiе жены и домашнихъ на берегу рѣки, на чужой сторонѣ, безъ врача, помощи и безъ утѣшенiя. Умеръ бы я, и погасли всѣ мои чувства, я не наслаждаюсь и не стражду, но они, они въ такомъ случаѣ съ утопшимъ туловищемъ мужа, отца, о! страшная картина человѣческихъ бѣдствiй. Буди, Боже, во вѣки препрославленъ въ сердцахъ и устахъ нашихъ!

Ужасное положенiе! Тонуть и такъ мгновенно лишиться жизни въ виду всѣхъ своихъ ближнихъ и милѣйшихъ сердцу, при всѣхъ силахъ здороваго корпуса! Это не болѣзнь, во время которой постепенно теряются силы и само изнеможенiе физики приготовляетъ къ кончинѣ иногда съ достаточнымъ равнодушiемъ! Нѣтъ! Здѣсь совсѣмъ другое: я силенъ, бодръ, здоровъ, хочу, могу жить, и вдругъ лишаюсь дыханiя, утонуть—минута, и

не почувствуешь; но въ присутствіи полномъ разума, памяти и всѣхъ чувствъ утопать есть мученіе неописанное, отъ котораго одна рука Божія избавить можетъ, и естьли бъ вмѣстѣ съ паденіемъ въ воду не нашла на меня боязливая забыть, которая отняла возможность обозрѣть что либо около меня прежде, нежели я, съ увѣренностію благонадежной, сталъ видѣть свое спасеніе, я не знаю, не умеръ ли бы я, прежде поглощенія бездны, отъ мучительнаго страха. Но, къ счастію, борьба моя сѡ влажною стихіею продолжалась только минутъ пять, и я вынырнулъ изъ пропасти прежде, чѣмъ испугъ могъ утвердиться въ чувствахъ и замучить своею мукою. Долго ль до грѣха! Шелъ туда, какъ по стезѣ крѣпкой и надежной, воротился, и тотъ же путь могъ быть проводникомъ ко гробу. Боже великій и дивный, иже нѣкогда избавилъ Израиля отъ потопа водъ многихъ, благодарю Тя мысленно на мѣстѣ томъ, и на всякомъ мѣстѣ во всю жизнь мою возблагодарю, яко спасъ мя отъ ада преисподнѣйшаго, и не лишилъ меня смертію насильственною! По естеству отрады покаянія въ грѣхопаденіяхъ моихъ, сотвори, Господи, да не пріумножутся они ктому, и отпусти ми прежнія, за страхъ искушенія, его же наслалъ на мя въ злосчастную сію минуту! Что сказать о радости нашего взаимнаго свиданія на берегу? Я не берусь ее описывать:

Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера,
Уста молчатъ, когда что душу нашу тронетъ,
Въ потокѣ горькихъ слезъ рѣчь смѣшанная тонетъ,
И легкой вздохъ вѣщунъ сердечнаго добра.

Разсуждая о семъ по прошествіи случая, я нахожу, что слабость зрѣнія была большой физической виною къ паденію моему. Правой глазъ мой очень слабъ. Оттѣнки его весьма ошибочны. Идучи по лавамъ назадъ, я правой стороною корпуса держался къ той сторонѣ лавы, на

которой не было перилъ и не за что было ухватиться: и такъ зрѣніе легко могло помутиться, вмѣстѣ съ тѣмъ закружилась голова, и я упалъ въ воду.

Долго опасался я, чтобъ не было послѣдствій, то есть, простуды, лихорадки, или какой иной болѣзни, что и могло случиться. Но, слава Богу, я ни какой послѣ того растройки не нашелъ въ моемъ здоровьѣ, и продолжалъ путь свой благополучно, не шагая нигдѣ уже по лавамъ.

Вѣсть о семъ приключеніи разнеслась по многимъ мѣстамъ Владимирской Губерніи отъ крестьянъ, и мои пріятели иные свѣдали о немъ прежде, нежели я успѣлъ имъ о томъ съ утѣшительнымъ заключеніемъ дать знать.

Простите, село Мытъ и рѣка Лухъ! Я никогда васъ не забуду, и послѣ меня дѣти мои еще о васъ говорить между собою долго будутъ.

Отобѣдавши тутъ и выкормя лошадей, мы пріѣхали ночевать въ Пестяки, огромное село, бывшее Князя Хованскаго, а нынѣ принадлежащее Графу Орлову. Тутъ нѣкогда была значительная суконная фабрика, и ставила много сукна въ Коммисаріятъ: управлялъ ею крѣпостной слуга Хованскаго С., который купленъ, вмѣстѣ съ фабрикою, въ казну, вступилъ въ службу, дошелъ при сукнахъ до Полковничья чина, и уже будучи Кавалеромъ какого-то креста, зачтенъ, въ мое время, Князю Хованскому за рекрута; потому что со времени Екатерины очень долго при наборахъ не зачитались квитанціи прежнихъ лѣтъ. Говоря о Пестякахъ нельзя этого не вспомнить.

МАКАРІЙ ПУРИХЪ.

20 мы пріѣхали обѣдать въ Костромскую Губернію, въ вотчину Графини Мамоновой, Макарій Пурихъ. Застали тутъ большой базаръ, обѣдали въ хорошемъ саду

деревенскомъ у зажиточнаго мужика. Отсюда писалъ я къ моимъ домашнимъ о случившемся со мною приключенiи.

Здѣсь любопытна только церковь, не сама по себѣ, со стороны строенiя, или живописи, но въ ней оригиналъ того Спасителева образа, которой предшествовалъ Пожарскому во время славы его и составлялъ военную его хоругвь. Ночевали мы въ Балахнѣ: Уѣздной городъ Нижегородской Губернiи, отстоящiй отъ Губернскаго города въ 33 верстахъ. Здѣсь въ сторону были соляныя варницы, которыя управлялись частнымъ Смотрителемъ, подъ главнымъ надзоромъ Соляной Конторы, въ то время, какъ я въ ней служилъ. Мы прiѣхали поздно, уѣхали изъ него рано, то о городѣ судить я не могу. Думаю, однако жь, по мгновенному моему на него взгляду, что онъ особливаго вниманiя не заслуживаетъ, а знаю, что въ немъ всегда стерлядей можно достать купить, и купецъ, у котораго я въ самой тѣсной каморкѣ ночевалъ, продалъ мнѣ прекрасную стерлядь, отъ которой я не проподчивалъ ни ломоточка изъ чванства постороннему гостю, такъ какъ это водится на пирахъ въ Москвѣ и далѣе.

21 доѣхали мы до береговъ Оки благополучно. Сюда отъ Шуи ровно 180 верстъ. Увидѣли славимой, но отнюдь не славной, городъ Нижнiй, куда стремились давно наши мысли и взоры. Мѣстоположенiе города хотя и нагорно, но для меня хуже Владимирова. Первый взглядъ совсѣмъ не въ его пользу.

Надобно было переправиться черезъ Оку на паромѣ, и хотя ихъ было много, но ни одного свободнаго; ибо предупредила насъ какая-то толпа Вятскихъ рекрутъ, которая продержала на берегу, по крайней мѣрѣ, часа два; это было въ самой зной полдня: ни крышки, ни защиты. Пещаныя равнины и голое солнце съ верьху, а Офицеръ, которой предводительствовалъ рекрутами, сидя на несчастной своей клячѣ въ поношенномъ сертукѣ мундирномъ,

храбровалъ какъ новой Донъ Кихотъ предъ мельничнымъ штурмомъ, и никого въ грошъ не ставилъ. Жаль, что я не знаю имени его: я бы его назвалъ, чтобъ могли его собратія у него вѣжливости научиться. Я не требовалъ бы того, чтобъ онъ мнѣ одинъ паромъ удѣлилъ для нашей переправы. Вѣроятно, люди его нужнѣе насъ были вездѣ: они шли на убой, а отъ моего живота и смерти никому не было барыша, а, можетъ быть, еще накладъ; по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы ему хоть шляпу снять, поклониться, оказать какую либо учтивость. Нѣтъ! Господинъ Офицеръ слѣдуя изящнѣйшимъ правиламъ новаго рыцарства, полагалъ превосходство общежитія въ томъ, чтобъ наѣхать на всякаго, задавить прохожаго, кричать на солдатъ по ямскому, чваниться веревочной сбруей своего вислоухаго коня и зашпиленными полами своего иберъ-рока. Ну ужь дѣтина! При немъ ѣхала въ повозкѣ легонькой какая-то женщина, можетъ быть жена, можетъ быть намѣстница ея, передъ которой онъ сильно шпорилъ своего буцефала, чаятельно, для ознаменованія своей кавалерійской прыти и дабы бросить на нее, въ глазахъ предводимаго воинства, отраженіе огромной своей славы. О мужъ великій! Предъ тобою въ ту минуту карлами казались Аннибалы, Помпеи, Августы.

Какой-то Засѣдатель, присланный для препровожденія сего словеснаго гурта, сжалился надъ нами и исходатайствовалъ намъ у Его Благородія возможность получасомъ ранѣе переправиться. Мы сѣли на паромъ и поплыли. Перевозъ не широкъ: черезъ четверть часа мы очутились у заставы.

НИЖНІЙ.

Подъемныя горы со всѣхъ пристаней отмѣнно высоки, особенно же круты отъ Балахны. Сокращенное описаніе города я дамъ послѣ. Только что пріѣхалъ въ него,

попался намъ на встрѣчу племянникъ мой родной, Графъ Андрей Ефимовскій. Онъ пріѣзжалъ принимать во владѣніе часть свою изъ имѣнія первой жены, подоспѣла между тѣмъ и свадьба двоюроднаго его брата, Князя Черкаскаго, на дочери здѣшняго Вице-Губернатора, Крюкова, и онъ дождался нашего пріѣзда. Имѣя здѣсь родственниковъ по первой моей женѣ, шурина роднаго, Смирнова, Прокуроромъ, и зятя его, а моего племянника, Ассесоромъ въ Казенной Палатѣ, я прямо проѣхалъ въ домъ Смирнова, но никого не засталъ въ немъ: вся моя родня, да и почти вся публика, была на ярмонкѣ у Макарья. Однако жь, я тутъ расположился кончить день и ночевать; хотя уже солнышко давно опустилось за полдень, однако мы еще не ѣли. Въ большомъ свѣтѣ и позже обѣдаютъ. Столъ готовъ. Между обѣдомъ и ужиномъ интервалъ былъ не великъ. Вечеръ пролетѣлъ мигомъ, и мы, выспавшись на хорошемъ ночлегѣ, собрались въ свою вотчину: до нея отъ Нижняго 50 верстъ.

22 мы выкормили лошадей въ Кетовѣ, село Нечаева, сами на скору руку отобѣдали, и проѣхавши еще до 28 верстъ, прибыли въ самыя темныя сумерки въ свое помѣстье, гдѣ на границѣ всѣ наши крестьяне ожидали насъ, какъ безсмертныхъ, на колѣняхъ. Увидя раболѣпной сей народъ, я бросился къ нимъ изъ коляски. Они ударили челомъ въ сырую землю, и подлинно сырую, по тому что роса вилась надъ нею густымъ облакомъ. Въ туманахъ ея трудно было разглядѣть разноцвѣтныя головы нашихъ поселянъ. „Здраствуйте добрые люди!“— „Здраствуй, батюшка!“ раздалось въ 4-хъ стахъ голосахъ, и я думалъ, что я и въ правду воевода несмѣтной орды. „Проводите меня скорѣе на квартиру!“ И они, почти на плечахъ своихъ, донесли меня въ приказную избу, кто изъ усердія, кто изъ любопытства, а кто изъ одного

обычая. Не такъ ли же и мы встрѣчаемъ владыкъ нашихъ, когда, въ излишнемъ и безразсудномъ, смѣю сказать, энтузіазмѣ, уподобляемся лошадямъ, выпрягаемъ настоящихъ и беремъ ихъ мѣсто? Круговая порука! И это провозглашается иногда въ мѣстахъ публичныхъ какъ подвигъ искренней любви. Какой обманъ уничижительной для всякаго состоянія людей! Человѣкъ и въ восхищеніяхъ своихъ долженъ помнить, что онъ человѣкъ: восторги его чѣмъ благороднѣе, тѣмъ лестнѣе для виновника ихъ, а вздѣвать хомутъ и дѣлаться коренной лошадью, что за слава для обожаемаго! Что за жертва отъ обожателя!

Обращаясь къ своимъ мужикамъ, и думая о себѣ самомъ, я съ горькимъ впечатлѣніемъ представлялъ, что 400 человѣкъ, подобныхъ мнѣ, работаютъ день и ночь, въ потѣ лица своего, промышляютъ, плаваютъ по рѣкамъ и морямъ, можетъ быть, лишаются сами многаго для того, чтобъ я былъ доволенъ, и отдаютъ мнѣ своихъ дѣтей, свои деньги. А я что? Человѣкъ такой же, какъ они, и мнѣ все таки этого мало! Мой домъ въ Москвѣ пустъ. Я не богатъ и терплю недостатки. Роскошь столько же давитъ природу, сколько сильныя тѣла нажимаютъ слабыя.

Пофилософствовавши такимъ образомъ, я накушался, съ своимъ семействомъ, за вечернею трапезою, и сонъ спустился ко мнѣ на постелю, гдѣ мой Я животной забылъ все до самаго утра. О физика! Ты никогда не уклоняешься отъ путей своихъ.

МОЯ ДЕРЕВНЯ.

Имѣніе, доставшееся мнѣ, состояло въ селѣ Лопатищахъ и въ деревнѣ Малиновкѣ, въ которыхъ въ обѣихъ числилось до 400 съ небольшимъ душъ.

Доходу съ нея мать моя, которой она принадлежала по приданству, получала 9 тысячъ рублей, располагая по 35 рублей съ тягла, и по разнымъ закладнымъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ и въ Петербургскомъ Вспомогательномъ Банкѣ; на этомъ имѣнiи оставалось долгу съ 28 тысячъ, которыя требовали изъ дохода въ уплату процентовъ и капитала ежегодно отъ 3 до 4 тысячъ. Изъ сего видно, что я былъ не Крезъ. Положенiе мѣста гористо, между обоими селенiями 4 версты разстоянiя, обѣ деревни при большой Макарьевской дорогѣ, то есть, въ заворотѣ къ нимъ небольше полуверсты крюку. Воды, кромѣ колодезей, ни какой, но Волга, будучи отъ нихъ не далеко, доставляетъ множество промышленности, и отъ того мужики почти всѣ достаточны. Прибытки ихъ растроиваются болѣе всего отдачею рекрутъ, коихъ они рѣдко изъ себя ставятъ, а почти всегда покупаютъ. Имѣя мало пашни и угодiй, вообще они безпрестанно на водѣ возятъ соль и разныя потребности, торгуютъ въ Астрахани и по всей Волгѣ своими судами. Мiрскiе расходы ихъ ужасные. Я удивился, читая годовые счеты, но они никогда не стоятъ за деньги, лишь бы ихъ не трогали самихъ. Свобода для нихъ первое благо: нарушить ее въ какомъ либо отношенiи было бы бѣдственно для помѣщика, и по тому они не могутъ быть на иномъ положенiи, какъ на оброчномъ. Помѣщику своему преданы и покорны. Они не видывали его въ глаза съ самыхъ отдаленныхъ временъ, и явленiе мое у нихъ казалось имъ чудомъ. Они отъ меня не отходили, глядѣли мнѣ въ глаза, окружали мой столъ, когда я ѣлъ, и только на постелѣ, ложась спать, я избавлялся отъ ихъ присутствiя: они поднесли мнѣ 1000 рублей въ подарокъ или, какъ нынѣ моднымъ словомъ зовутъ, въ пожертвованiе и, сверхъ того, осыпали меня яблоками своихъ садовъ, сотами и

пряниками отъ своихъ пчелъ и холстами отъ своей работы. При всѣхъ ихъ добровольныхъ приношеніяхъ и разныхъ хорошихъ свойствахъ, кои тотчасъ обнаружились, я замѣтилъ два нравственные отличные порока, отъ которыхъ ни какое человѣческое поученіе ихъ не исправитъ. Почти всѣ они Раскольники, и съ крайнимъ невѣжествомъ исповѣдаютъ Христіянскую Религію, а сверхъ того большія сутяги и ябедники. Храмъ Божій у нихъ въ пренебреженіи, знаменуются крестомъ не по нашему, ходятъ къ богослуженію рѣдко, а иные и вовсе никогда. Отъ этого жалко смотрѣть на внѣшній и внутренній видъ церкви: иконостасъ едва держится, причту нѣтъ. Священникъ, хотя названъ Благочиннымъ, очевидно, потворствуетъ Расколу; ибо безъ того онъ бы не ужился съ ними и таскался бы по міру.

Если бы приложить ухо къ ихъ жалобамъ со вниманіемъ, то можно въ одинъ день прочесть кучу бумагъ отъ нихъ другъ на друга, и съ досадою всѣ бросить, безъ уваженія, по тому что каждая изъ нихъ есть вывѣска личныхъ ссоръ и неудовольствій междуусобныхъ. Тщетно, провождая съ утра до вечера съ ними день цѣлый на дворѣ, я ихъ мирилъ, уговаривалъ и сближалъ между собою. Ни что имъ не внятно, ни что ихъ не убѣждаетъ: они привыкли ябедничать, пишутъ безпрестанно, платятъ за это деньги и ни какъ не могутъ успокоиться. Для нихъ легче тратить кучи денегъ, нежели отвыкнуть отъ ябедничества.

Дѣвки идутъ замужъ неохотно. Это требуетъ всегда принужденія, и ежели бы, по филантропической заразѣ нынѣшняго вѣка, не позволять иныхъ браковъ, кромѣ самыхъ свободныхъ и по обоюдному согласію приготовившихся, то ни кого не обвѣнчаютъ. Я вникалъ въ это и говорю по опытамъ. Неволя въ такомъ случаѣ хотя представляется противной естеству, Религіи и сердцу,

однако же она не дѣлаетъ ихъ злосчастными. По утру два семейства ссорятся: велятъ въ нихъ сыграть свадьбу— сперва поспорятъ путемъ, вопятъ, отворачиваются и дѣлаютъ разные фарсы. Черезъ часъ все прошло. Тѣ же люди обнимаются, цѣлуются, и не узнаешь ни малѣйшаго признака принужденія. Обвѣнчаются и счастливы. Я самъ этому былъ свидѣтелемъ. Вотъ главныя черты характера тѣхъ обывателей на маломъ лоскуточкѣ пространнаго міра, которыхъ законъ гражданской далъ мнѣ право назвать моими.

23. Я весь день провелъ съ ними, упражнялся въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, осматривалъ ихъ поля, жилища и выслушивалъ ихъ надобности. Нѣкогда родителямъ моимъ угодно было поручить мнѣ сію вотчину въ управленіе. Отецъ мой пожаловалъ мнѣ на то крѣпостную, полную довѣренность. Это было во время службы въ Пензѣ. Я захотѣлъ видѣть нѣкоторыя мои тогдашнія повелѣнія и распорядительныя бумаги. Мнѣ ихъ приносили, и я увидѣлъ, сравнивая тѣ мои идеи съ нынѣшними, что опыты сильно дѣйствуютъ на нашъ разсудокъ, чувства и правила. Что я думалъ тогда, того не думаю нынѣ, а теперь думаю то, чего мнѣ тогда и не входило на разумъ. Въ вотчинѣ сей, которая тогда была многочисленнѣе, считалось до 700 душъ. Матушка продать изволила часть изъ нея, для заплаты долговъ, послѣ батюшки оставшихся. Вмѣстѣ съ ней въ моемъ присмотрѣ былъ винокуренный заводъ, способный выкурить до 10 тысячъ ведръ вина и съ котораго производилась поставка въ казну, но съ нѣкотораго времени онъ отдавался на аренду изъ извѣстнаго дохода въ годъ. Такъ, на примѣръ, нынѣ онъ по договору считался за откупщикомъ тамошнимъ, Ягодинскимъ, который, уловя довѣренность матери моей за 3000 рублей въ годъ, взялъ его на свои руки, но съ перваго года по заклю-

ченіи контракта сдѣлавшись неисправнымъ, затянулъ матушку въ тяжбу съ собою, и она длилась до моего пріѣзда. Гражданская Палата, вмѣсто 6000 рублей за два года, опредѣлила заплатить намъ только 2000 рублей, уважая недоказанныя какія-то показанія въ недостаткѣ на заводѣ посуды; но я, и не любя, и не имѣвъ случая до сихъ поръ ни съ кѣмъ тягаться, не хотѣлъ сдѣлать перваго приступа къ собственности продолженіемъ распрей, и на опредѣленіи подписалъ удовольствіе, въ слѣдствіе котораго заводъ остался въ полномъ моемъ распоряженіи. Я ѣздилъ его осматривать: онъ въ пяти верстахъ отъ села, и нашелъ его, какъ и обыкновенно случается со всякимъ спорнымъ имѣніемъ, въ самомъ ветхомъ состояніи. Упадокъ его требуетъ большихъ издержекъ на исправленіе; родники вокругъ него даютъ прекраснѣйшую воду, чистую какъ стекло и найлучшаго вкуса. Время покажетъ, что изъ этого заведенія лучшаго сдѣлать можно будетъ. Я ищу одной взаимной пользы своей и поселянъ. Дай Богъ, чтобъ я во всю жизнь мою устоялъ въ такомъ намѣреніи, и чтобъ благосостояніе мое никогда не нарушало счастія и довольства людей, отъ меня зависящихъ.

ЛЫСКОВО.

Сосѣдство Макарьевской ярмонки насъ взманило. Отъ деревни моей до нея 25 верстъ. Какъ отказать себѣ въ такомъ живомъ удовольствіи? Ярмонка продолжается слишкомъ мѣсяцъ, и лучшее ея время было при насъ. О чемъ долго думать? Рѣшились и поѣхали. Тамъ пробыли съ 24-го по 30-ое Іюля.

Не доѣзжая до города, лежитъ на Волгѣ село Лысково, принадлежащее Князю Грузинскому. Тутъ

пристань и нарочитой торгъ хлѣбомъ, во всякую пору, а въ ярмонку производится въ шалашахъ продажа всего. Селеніе большое, богатое. Помѣщикъ человѣкъ отважной, что называется буянъ; занимая должность Губернскаго Предводителя, по тому что онъ всѣхъ въ околодкѣ сильнѣе состояніемъ и отношеніями, онъ вмѣшивается въ дѣла каждаго, судитъ и рядитъ по произволу, разбираетъ крестьянъ и Дворянскихъ и Коронныхъ въ обыкновенныхъ ихъ распряхъ, а Нижегородской народъ до ссоръ охотникъ; слѣдовательно, Князю Грузинскому не безъ хлопотъ, и они всегда увѣнчаны удачнымъ успѣхомъ; ибо онъ доказываетъ каждому вину его и правость коренными Русскими аргументами, т. е., кулаками: кому глазъ подобьетъ, кому бороду выдеретъ. Такова юстиція Его Свѣтлости, и онъ такое взялъ надъ всѣми жителями Губерніи преобладаніе, что ни кто не смѣетъ на него пожаловаться: все запугано пышнымъ именемъ Князя Грузинскаго, и одна угроза поселянина, что онъ пойдетъ къ Его Свѣтлости, гонитъ всякаго прочь безотвѣтно. Впрочемъ, что же такое Князь Грузинской?—Маіоръ отставной и Тит. Камергеръ: вотъ весь его нарядъ. Но богатъ, а пуще всего дерзокъ, и все съ рукъ сходитъ. Кого не купитъ деньгами, того силой прищемитъ. Селеніе его наполнено бѣглыми: они у него пристаютъ, водворяются, торгуютъ, платятъ ему оброкъ, и ни кто пошевелить ихъ не смѣетъ. Правительство мѣстное все это знаетъ, но молчитъ, по тому что Князь Грузинской, по связямъ своимъ съ Дворомъ, всегда надуетъ такія тучи, отъ которыхъ ни кто не спасется. Я былъ свидѣтелемъ самъ, проѣзжая на ярмонку, отмѣнному злоупотребленію, которому онъ даетъ поводъ и такъ гласно, что всякой его видитъ во всѣ глаза. Изъ Лыскова переправляются черезъ Волгу на берегъ къ Макарью. По обширности торговли и сильному стеченію людей всякаго рода, паро-

мовъ потребно множество, и въ нихъ не было бы недостатка, когда бы всякой обыватель могъ содержать свой, заводиться судами и перевозить народъ; но Князь Грузинской, не допуская ни кого подъ разными предлогами, обратилъ этотъ перевозъ въ ужасной монополъ, и, кромѣ крестьянъ, или тѣхъ, коимъ онъ дозволитъ, нѣтъ права никому держать ни парома, ни транспортнаго судна; отъ этого количество ихъ несоразмѣрно съ потребностію, сборъ хотя и таксированъ прибитыми цыдулками на столбахъ у рѣки, но взимается самопроизвольно и крайне возвышенъ отъ недостатка въ судахъ. Проѣзжіе терпятъ долговременные простои на берегу, и часто едва въ цѣлый день успѣешь съ экипажами своими изъ Лыскова переправиться къ Макарью. Таково владѣніе Князя Грузинскаго и его полезное распоряженіе. Что я пишу здѣсь, то я самъ видѣлъ и изыскалъ вѣрными источниками. Сенаторъ Обрѣзковъ, находясь въ Нижнемъ съ Межевою Канцеляріею, гостилъ въ это время въ Лысковѣ и жилъ у Князя Грузинскаго въ особомъ домѣ, куда можно было пріѣхать, не знакомясь съ хозяиномъ села. Мы у Обрѣзковыхъ были одинъ разъ съ короткимъ визитомъ, и въ обращеніи ихъ нашли главное свое удовольствіе, по тамошнему мѣсту. Они съ нами обошлись ласково и какъ старые знакомые:

Обрѣзкова! Лишь ты на свѣтѣ семъ одна,
Въ восторгѣ божества на то сотворена,
Чтобъ міру дать познать, въ отрадахъ изумленья,
Неизъяснимыя сердечны восхищенья.

Я всегда обожалъ ея прелести, и когда встрѣчалъ взоръ ея, по неволѣ писалъ стихи любовные; я весь былъ въ восторгахъ, когда бывалъ съ ней вмѣстѣ.

МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМОНКА.

Суета всякаго рода, общее стремленіе къ торговлѣ, движеніе огромныхъ капиталовъ, утонченной обманъ въ оборотахъ, заготовленіе всего на всю Россію, словомъ, центръ всѣхъ купеческихъ расчетовъ. Вотъ что такое Макарьевская ярмонка.

Если вы хотите купить кстати и выгодно, что вамъ по хозяйству необходимо, пріѣзжайте сюда, бросайте деньги, и увозите съ собою разные товары. Сюда Сибирь, Астрахань, Таврида, Польша, Архангельскъ и Кіевъ, привозятъ свои пріобрѣтенія. Сюда со всей Россіи ѣздятъ купцы скупать ихъ, и потомъ, развозя по своимъ Губерніямъ, дорого берутъ зимой съ ихъ жителей, за то, что, вмѣсто ихъ, они подумали объ ихъ нуждахъ и для удовлетворенія прихоти предпринимали столь прибыточное путешествіе. Но если вы хотите забавляться, искать общества пріятнаго, кружиться въ разсѣяніяхъ большаго свѣта, то объѣзжайте ярмонку, минуйте ее лучше и не ѣздите сюда: здѣсь скучно, до крайности скучно. Не вѣрьте въ этомъ мнѣ: я знаю, что старость сама по себѣ вездѣ находитъ скуку; по тому что она съ ней неразлучна; но повѣрьте молодымъ дѣвушкамъ, кои со мною ѣздили. Я по ихъ лицамъ узнавалъ, весело ли въ комнатѣ, или въ рядахъ, такъ какъ по термометру узнаютъ, хорошо ли въ воздухѣ. Всякой день спрашивалъ ихъ: „Весело ли вамъ здѣсь, барышни?“ Одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Скучно!“ И какъ иначе? Въ 20 лѣтъ хочется шумѣть, плясать, рѣзвиться, а здѣсь торгъ да торгъ. Кто скупилъ чай въ однѣ руки и перепродалъ въ полчаса съ барышомъ другому, кто навъючилъ нѣсколько возовъ книгъ на всѣ Низовыя Губерніи и расчитываетъ на биркахъ, у лавки сидя, по чему продался Державинъ, сколько къ общему грузу въ придачу отпущено даромъ Хвостовыхъ? Иной

на нѣсколько тысячъ валитъ карикатуръ сырыхъ, только что изъ подъ тиска, съ эстафетою отъ Спаскаго моста присланныхъ на распродажу по ярмонкѣ. Тамъ увидишь пудами покраденныя непріятелемъ утвари церковныя, а скупленныя землякомъ, кои исправлены за ново и за новыя продаются цѣной безбожной, хотя предметы всѣ относительны къ Религіи. Торгъ, торгъ и все таки торгъ. Это-то и краситъ ярмонку. Это-то и дѣлаетъ ее славной въ Россіи, да и вездѣ. Но въ 20 лѣтъ колонада широкая гораздо пріятнѣе огромной ратуши въ два этажа. Не станемъ спорить, что правда, то правда. Поговоримъ же о ярмонкѣ, какъ о заведеніи торговомъ. Я имѣлъ случай разсмотрѣть со всѣхъ точекъ зрѣнія ходъ этой многосложной машины, по тому что Нижегородскій Прокуроръ, шуринъ мой Смирновъ, у котораго мы пристали, вездѣ насъ водилъ, возилъ и показывалъ все какъ на лице, такъ и на изнанку; слѣдовательно, я видѣлъ и худое и доброе; ибо можетъ ли чего не досмотрѣть Прокуроръ, око, заимствующее лучи свѣта непосредственно отъ ока Государева?

Макарьевской ярмонкѣ, какъ и всѣмъ прочимъ, равно съ нею знаменитымъ, находимъ мы начало въ отдаленныхъ временахъ. Мѣна товаровъ между Великороссовъ и Татаръ, потомъ мѣна Сибирскихъ произведеній на здѣшнія, и наконецъ стеченіе набожнаго народа къ мощамъ Чудотворца Макарія, усилили время отъ времени торговлю здѣшняго края и укоренили здѣсь первую ярмонку въ нашемъ Государствѣ. Нѣтъ купца, который бы сюда не ѣхалъ; нѣтъ товара, какого бы ни возили, отъ роскоши до необходимаго, а эта лѣстница велика: вы все здѣсь найдете: наряды церквей, домовъ и людей. Множество модныхъ лавокъ: гдѣ ихъ нѣтъ! Безъ нихъ, какъ безъ воздуха, не могли бы жить ни жены наши, ни дѣти. Кареты Англійскія и куклы Троицкія; шварцъ-папель и

ольховый стулъ; хрустальныя люстры и кабацкіе стаканы; Парижской чепчикъ и Оренбургской армякъ; Евангеліе кованное и Холуйская икона; соболь стотысячной и овчина; Рафаелова картина и мыши кота погребали; Ломоносовъ и Совѣстьдралъ; жасминные духи и деготь. Словомъ, все, все, чего угодно: всѣ противоположности здѣсь соединяются и превращаются въ имперіялы, въ цѣлковые, въ бумажки, наконецъ въ огромные векселя.

Отъ самаго Лыскова до Волги начинаются шалаши, и чернь, толпясь тысячами на широкихъ поймахъ, ищетъ разныхъ своихъ потребностей. Въ заливахъ стоятъ суда съ желѣзомъ, стекломъ, чугунными и всякими судоходными товарами; по берегу Волги разсыпаны лубочныя лавки со всякой всячиной, и на каждомъ перекресткѣ Россійскія ресторацiи. Кадка съ квасомъ, харчевня съ блинами, самоваръ съ сбитнемъ: зажиточный мужикъ проситъ и достаетъ изъ него пуншу. По Волгѣ плывутъ безпрестанно шлюпки, катеры, суда, паромы, а мѣстами на якоряхъ ждутъ объѣдалъ Астраханскіе осетры, Саратовскія бѣлуги, между тѣмъ какъ изъ садковъ поминутно таскаютъ стерлядей въ трактиры и Зарядья. На городскомъ берегу Волги, гдѣ расположенъ городъ Макарьевъ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго, начинаются лавки съ своими принадлежностями.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

На песчаномъ грунтѣ выстроено недавно нѣсколько обширныхъ корпусовъ деревянныхъ, которые разбиты на номера и между собою раздѣлены широкими проулками: въ нихъ производится торгъ и толпятся путешественники; посреди всѣхъ зданій поставленъ биржевой домъ или, такъ называемая, биржевая зала. Строеніе деревянное

же, но весьма красивое; ему данъ такой же фасадъ, какой имѣетъ Санктепетербургская знаменитѣйшая биржа на Васильевскомъ островѣ. Зала огромная и въ два этажа. Вокругъ всѣхъ корпусовъ прорытъ каналъ, и по именному Указу строжайше запрещено держать для чего бы то ни было огонь; внутри Гостинаго двора, въ лавкахъ и во всей ихъ площади, не позволяется даже имѣть самовара. Сіе самое препятствовало въ биржевой залѣ дать балъ, которая хотя и очень для забавъ общественныхъ пригодна, но Правительство мѣстное не уполномочено позволить даже свѣчки зажечь во внутренней сторонѣ канала. Осторожность необходимая! Ибо сіе деревянное строеніе, по пространству своему, стало казнѣ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, если еще и не за милліонъ. Въ немъ считалось, когда мы были, въ отдачѣ до 1151 номера, и всѣ были заняты краснымъ товаромъ.

Внѣ Гостинаго двора, т. е., противъ онаго по улицамъ, расположены временные ряды, въ которыхъ отдавалось 977 №№; въ нихъ продавали: мѣха, фарфоръ, зеркала, экипажи, мебели и подобныя тяжести, требующія широкаго помѣщенія; около ихъ кочуютъ ремесленныя разныя цехи; ибо на Макарьевской ярмонкѣ не только можно достать все купить, но и всякое рукодѣліе готово.

За каналомъ отведены трактиры, кофейные домы и всѣ тѣ предметы, кои принадлежатъ къ насыщенію людей, или прокормленію скота. Тутъ до 214 номеровъ, наполненныхъ съѣстными припасами разнаго рода и наименованія, столовыя приправы и прозябеніи земель плодоносныхъ. И такъ во всѣхъ трехъ разрядахъ считается лавокъ до 2,343, съ коихъ доходу отдаточнаго казна выручила въ 1813 годъ 118,368 рублей. И сія сумма ни когда не можетъ быть подвержена недоимкѣ; по тому что каждый № отдается въ наймы на слѣдующій

годъ при отъѣздѣ купца, съ полученіемъ впередъ за оной положеннаго казной вклада, безъ чего онъ и билета на занятіе того № имѣть не можетъ. Всякой купецъ спѣшитъ удержать за собою мѣсто, дабы не перехватилъ его другой, и охотно платитъ тотчасъ взыскиваемую сумму, а симъ самымъ обезпечивается доходъ Государственный.

Сверхъ всѣхъ сихъ лавокъ отдается изъ платы въ казну до 37 внѣшнихъ помѣщеній между рядами для квасныхъ выставокъ и до 70 разныхъ посаженныхъ мѣстъ на всей площади, занимаемой ярмонкой. Разстояніе корпусовъ между собою представляетъ для свиданія одно только неудобство: оно состоитъ въ томъ, что публика слишкомъ развлечена и нѣтъ соединительнаго для нея пункта. Когда одинъ ищетъ серебра, другой за сто саженъ покупаетъ книги, третій еще далѣе, въ суконномъ ряду; и такъ вездѣ кучки, а нигдѣ множества нѣтъ вмѣстѣ. Отъ этого случилось и со мной, что я, не встрѣтившись нигдѣ въ лавкахъ съ нѣкоторыми знакомыми, узнавалъ по отъѣздѣ моемъ съ ярмонки, что и они тамъ же были. Возвратиться надобно всегда къ первому заключенію, что здѣсь все для прибытка и торговли, а ничего для удовольствія общежитія.

ДУХОВНЫЯ ТОРЖЕСТВА.

25-го Іюля день праздника Макарьевскаго монастыря. Архіерей пріѣзжалъ на ярмонку, и служилъ въ немъ Обѣдню. Любопытство болѣе набожности меня туда толкнуло, но тѣснота страшная скоро выгнала. Народу собралось множество. Моисей, Епископъ Нижегородскій, мнѣ былъ знакомъ еще въ первыхъ чинахъ монашества. Я его помню Префектомъ и такъ далѣе. Онъ

служитъ не хорошо, т. е., безъ свойственной сану его величавости, и далѣе отстоитъ въ этомъ отношеніи, да думаю что и во всякомъ, отъ того образца, который долго служилъ ему предметомъ. Мы, Москвичи, наглядѣвшись на Платона, такъ избаловались во вкусѣ этого рода, что трудно будетъ кому либо изъ Іерарховъ Россійскихъ послѣ него понравиться нашимъ глазамъ и воображенію. Однако Моисей слыветъ умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Онъ былъ предъ симъ въ Пензѣ и оставилъ тамъ по себѣ много сожалѣнія. Кажется, что въ Нижнемъ любятъ его меньше, да и самъ онъ предпочитаетъ ту Епархію здѣшней. Раскольники, коими Нижегородская Губернія населена, какъ воздухъ лѣтній полонъ мухъ, много затрудняютъ его скромныя упражненія и лишаютъ досуговъ. Моисей вспыльчивъ: довольно его увидѣть одинъ разъ, и даже въ самомъ храмѣ Господнемъ, чтобъ замѣтить, сколько мало онъ владѣетъ собою; во время облаченія онъ шумитъ, кричитъ и сердится за всякую пуговку, которую не такъ застегнетъ служитель, за всякую ошибку, которую усмотритъ около себя, или въ хорѣ пѣвчихъ. Отнесемъ ли это къ строгому наблюденію порядка? Но и тогда трудно извинить за дурное движеніе рукъ, или непомѣрное возвышеніе голоса въ Первосвященникѣ, который, по образу Христа, несетъ крестъ его, готовясь къ Литургіи. Изображеніе страстей Владычныхъ, которое Епископъ намъ представляетъ, служа Обѣдню, должно самого жреца приготовить къ духовному смиренію. Не будемъ слишкомъ строги, простимъ немощи человѣческія: всякой въ своемъ тѣлѣ имъ подверженъ. Впрочемъ, Моисей замѣняетъ недостатки свои многими талантами, и я еще о немъ говорить буду въ другомъ мѣстѣ.

Монастырь Макарьевской хорошъ, огроменъ и древняго строенія; въ немъ много золота и серебра, на нѣкото-

рыхъ иконахъ живопись новомодная. Ярмонка доставляетъ ему удобной случай расширять свои сокровища и обогащаться ими. Архимандритъ его изъ Грузинъ, опредѣленной недавно по предстательству Князя Грузинскаго, и Кавалеръ Св. Анны 2-й степени. Я его не знавалъ прежде и, не сведя съ нимъ тогда знакомства, не могу ни чего объ немъ сказать. Въ наше время обновилась биржевая зала. Ее освятили и открыли торжественно. Архіерей отправилъ молебствіе съ обычнымъ богослуженіемъ, и купцы стали съ бирками ходить въ огромную залу расчитывать свои прибытки. Пріѣздъ на ярмонку новаго Нижегородскаго Губернатора, Г. Быховца, придалъ важности сему событію. Онъ и вообще подѣйствовалъ на всѣ занятія тамошняго круга людей. Недавно былъ опредѣленъ въ сію должность, искалъ знакомства и скоро сдѣлался точкой привлекательной на ярмонкѣ. Все ему рекомендовалось; между многими и я, какъ помѣщикъ, случайно познакомился съ нимъ у шурина въ домѣ и, глядя на него, имѣлъ случай вспомнить живо пріѣздъ свой въ Володиміръ въ первый разъ. Восторги, ласки, похвалы, сопровождали его всюду. Встрѣчи подобныя всегда прекрасны, но проводы рѣдко на нихъ похожи, и право ни по тѣмъ, ни по другимъ, нельзя опредѣлить, кто былъ любимъ, или ненавидимъ, кто прямо заслужилъ первое и послѣднее.

ТЕАТРЪ.

Нижегородской помѣщикъ, Князь Шаховской, содержитъ театръ, на которомъ играютъ его холопи. Какого ожидать дарованія отъ раба неключимаго, котораго можно и высѣчь и въ стулъ посадить по одному произволу? Слѣдовательно, и толпа его актеровъ, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ волъ везетъ

тягость, когда его Черкасъ прутомъ гонитъ. Я не восхожу къ причинамъ, отъ чего крѣпостной человѣкъ не можетъ имѣть превосходнаго таланта. Такое разсужденіе не принадлежитъ къ моему путешествію. Скажу только просто, что зрѣлища театральныя весьма хороши въ Нижнемъ для людей сего разряда, но, назвавши ихъ актерами, почти нельзя безъ отвращенія смотрѣть на ихъ тѣлодвиженія: они не играютъ, а, такъ сказать площаднымъ словомъ, кривляются; но повторимъ, что для холопей, и это больше, нежели чаять должно. Въ Нижнемъ построенъ хорошій театръ, но теперь не о немъ еще рѣчь. Князь Шаховской всякой годъ ставитъ на скорую руку для театра дощатой сарай на ярмонкѣ и на весь Іюль привозитъ свою труппу. Тамъ она отличается ежедневно всякой вечеръ: въ 8 часовъ комедія, и всѣ мѣста заняты; они раздѣляются на ложи и кресла. Все купечество стекается въ сіи послѣднія. Мы почти ни одного не пропускали, по тому что, кромѣ его, некуда ни итить, ни ѣхать, когда ряды затворятся. Рукоплесканія не умолкаютъ; послѣ представленія вызываютъ на сцену всѣхъ актеровъ по очереди, по тому что каждый изъ нихъ, особливо пригожія дѣвки, кому ни будь изъ зрителей понравятся. Самолюбіе содержателя въ превеликомъ торжествѣ, за которымъ слѣдуетъ и значительной прибытокъ. Цѣна за входъ—Московская; доходъ во время ярмонки превышаетъ, кажется, многимъ доходъ годоваго содержанія спектакля въ городѣ. Декораціи изрядны, по крайности, не отвратительны. Одѣяніе хотя не всегда сообразно съ характеромъ піесы, однако бредетъ. Большихъ ошибокъ я не замѣтилъ. Зала театра обширна и помѣщаетъ человѣкъ до 1000. Оркестръ Княжой изъ его же людей и слуху не противенъ. Освѣщеніе всего хуже, по тому что вездѣ горитъ сало и обоняніе терпитъ. Всѣ сіи зрѣлища напомнили мнѣ театръ Полтавской, ко-

торый я описывалъ въ путешествіи моемъ въ Одессу. Всѣ этѣ подвижныя труппы на одинъ образецъ, и выборъ піесъ по нихъ, Князь Шаховской имѣетъ то преимущество предъ многими, что на его театрѣ даются и оперы и балеты. Онъ щеголяетъ во всѣхъ искуствахъ.

Мнѣ случилось видѣть тутъ новой и пріятной опытъ народнаго восхищенія. Два актера Московскаго вольнаго театра, называющіеся Придворными, а именно: Гг. Кондаковъ и Лисицынъ, потерпѣвъ общее со всѣми жителями столицы разореніе, вздумали пріѣхать на ярмонку и дать въ пользу свою спектакль. Испрося на то дозволеніе Правительства, и нанявъ у содержателя на вечеръ театръ, они распустили свои афиши. Соотчичи ихъ, Московскіе купцы, бросились въ театръ съ восторгомъ. Всѣ мѣста были заранѣе расхвачены, до 1000 человѣкъ зрителей вмѣстилось въ залу. Появленіе ихъ на сцену было какъ бы электрической ударъ въ руки каждаго: все забило въ ладоши, все затопало ногами. Изъ устъ каждаго слышенъ былъ одинъ общій крикъ: „Наши, наши Московскіе!“ Тутъ не было вниманія ни на игру ихъ, ни на ошибки. Все прощено, все расхвалено, и по окончаніи зрѣлища новые крики раздались во всѣхъ концахъ театра. Всѣ ихъ спрашивали на сцену, и долго еще, по отсутствіи ихъ, гулъ народной въ театрѣ не унимался. Вотъ какъ мила родина и все что изъ нея. Вольтерово вѣнчаніе въ Парижѣ, когда давалась его Ирена (Irène), не блистательнѣе было настоящей минуты, какъ Московскіе жители восхитились своими несчастными соотчичами. Пусть скажутъ послѣ, что Москва не ядро Россіи и не вся Россія. Ежедневныя зрѣлища могли бы наскучить! Нѣтъ! Всякой день театръ полонъ. Ни кто не спрашиваетъ, что играютъ, а играютъ ли? Какъ скоро театръ отпертъ, всѣ въ него движутся, человѣкъ за человѣкомъ бѣжитъ туда, гдѣ найти надѣется толпу. Люди другъ

друга ищутъ повсюду. Общество есть магнитъ каждаго, кромѣ тѣхъ немногихъ уродовъ, коихъ мы зовемъ нелюдимыми. И въ Римѣ родилась пословица, которую свѣтъ твердить не перестанетъ во всѣ времена и подъ всякимъ градусомъ: „Дай хлѣба и игрушекъ! Panem et circenses!“

ЗАБАВЫ.

Сверхъ театра, слѣдующія предлагались народныя увеселенія за деньги:

1. Огромный лубочный манежъ, въ которомъ извѣстная Г-жа Кіярини съ мужемъ своимъ и семействомъ отличались въ верьховой ѣздѣ. Всѣ тѣ, кои ее видали прежде, соглашаются въ томъ, что подобной ей нѣтъ въ искуствѣ равновѣсія на лошади. Она объѣздила всѣ края Европы, вездѣ ей удивлялись. Наконецъ, наскучивши большимъ городомъ, по тому что одно да одно никому долго не нравится, Г-жа Кіярини разъѣзжаетъ по ярмонкамъ и за рубль мѣдной съ человѣка скачетъ изъ всѣхъ силъ. Охотники до конскаго ристанія всѣ почти туда съѣзжались, театръ не отнималъ у нея доходу. Многіе поспѣвали поглядѣть и на то и на другое, и манежъ также бывалъ наполненъ, какъ храмъ Таліи и Терпсихоры. Пріѣхавши на ярмонку, льзя ли отказать себѣ въ какихъ либо ея удовольствіяхъ? И такъ мы раза съ два заплатили дань Кіярини. И онъ и жена съ отмѣннымъ искуствомъ волтижировали на лошадяхъ. Скачки ихъ чрезвычайны: непривычные глаза безъ страха не могли бы на нихъ смотрѣть. Кажется, что на каждой минутѣ для нихъ или смерть, или увѣчье готово. Удивительно, до какой степени тѣло человѣческое гибко и можетъ себя ломать въ различныхъ смыслахъ. Для сердца еще удивительнѣе то, что есть въ мірѣ люди, толико или бѣдные, или

праздные, что принуждены прибѣгать къ сему средству пропитанія, и симъ доставать свое благосостояніе. Лошади ихъ не меньше людей пріучены. Они такъ внимательны къ голосу своихъ всадниковъ, что безошибочно повинуются всякому ихъ знаку, или движенію. Что не покорно въ естествѣ человѣку? Всѣ твари ему повинуются; жаль, что онъ собой самимъ не всегда можетъ такъ владѣть, какъ своей скотиной.

2-е. Чернь толпится въ свои зрѣлища: для нея нѣсколько привозится кукольныхъ комедій, медвѣдей на привязи, верблюдовъ, обезьянъ и скомороховъ. Изъ всѣхъ сихъ забавъ мнѣ случилось зайтить на одну кукольную комедію. Описывать нечего: всякой видалъ, что такое; для меня нѣтъ ни чего смѣшнѣе и того, кто представляетъ, и тѣхъ, кои смотрятъ. Гудочникъ пищитъ на скрипкѣ; содержатель, выпуская куколъ, ведетъ за нихъ разговоръ, наполненной чухи. Куклы между тѣмъ щелкаютъ лбами, а зрители хохочутъ, и очень счастливы. Всегда мнѣ странно казалось, что на подобныхъ игрищахъ представляютъ монаха и дѣлаютъ изъ него посмѣшище. Кукольной комедіи не бываетъ безъ рясы. Я нахожу, что это вовсе не прилично, и дивлюсь, какъ это позволяется. Со временемъ такъ пріучатъ народъ видѣть чернеца деревяннаго съ бабой въ Комарицкой, что и на живаго старца будутъ съ тѣми же помышленіями посматривать.

3-е. Лотереи занимаютъ такъ же многихъ: всякому хочется толкнуться въ дверь счастія и попробовать удачи. Извѣстно, что тутъ никогда нельзя выиграть столько, сколько проиграешь. Все это такъ устроено, что какъ ни кинь костьми, десять полтинъ прошвыряешь, и въ 11-й разъ нападаешь на ладъ, и что жь за свою убитую синюю бумажку получишь? Либо фунтъ пудры, либо наперникъ въ два гроша: живой накладъ! Все это знаютъ, но всѣмъ хочется попытаться: и я, подобно другимъ,

заходилъ въ лотерею, прометалъ два рубли и выигралъ роговой гребень гривенъ въ шесть. Но содержатели сихъ игрушекъ знаютъ, что всякой, кто ѣздитъ на ярмонку, откладываетъ посильную сумму на мотовство и хочетъ быть участникомъ въ нѣкоторой доли этой роскошной жертвы: контрибуція справедливая! Вспомнимъ приговорку великой жены, которая въ одномъ случаѣ сказала: „Il faut vivre, et laisser vivre“.

4-е. Для меня собственно пріятнѣйшимъ увеселеніемъ было катанье на Волгѣ. Воды сей рѣки отмѣнно широко разливаются подъ городомъ Макарьемъ. Многіе имѣютъ на время ярмонки свои шлюпки: гребцы на нихъ ребята удалые, бурлаки настоящіе. Сверхъ партикулярныхъ лодокъ, военное начальство присылаетъ небольшой отрядъ, для сохраненія водяной безопасности и для погони, въ случаѣ нужды, за ворами. На одной, такъ называемой, военной шлюбкѣ катались и мы. Она была нарочитой величины и съ зонтикомъ, 10 веселъ разсѣкали волны и споспѣшествовали скорому ея ходу. 4 пушки, привинченныя къ борту, служили страшилищемъ для шалуновъ, а для насъ умноженіемъ забавы. По просьбѣ нашей, изъ нихъ часто стрѣляли, и намъ казалось, что мы, какъ новые Колумбы, приближаемся къ берегамъ Новаго Свѣта. Потѣха эта стоила намъ только 10 рублей, и погода жаркая того времени года составила для насъ совершенный праздникъ на сей прохладной стихіи. Признаюсь, однако, что съ тѣхъ поръ, какъ я тонулъ, я много удовольствія потерялъ въ подобныхъ прогулкахъ, и видъ огромнаго пространства воды возмущалъ нѣсколько мои чувства.

Кромѣ сказанныхъ забавъ Макарьевская ярмонка не доставляетъ ни какихъ. Но весь день проведя въ лавкахъ, а вечеръ въ театрѣ, такъ утомишься къ ночи, что ни чего инаго не захочешь, какъ забыть шумъ, улечься въ постелю и покойно выспаться.

ФРАНЦУЗЫ.

У Макарья, подъ названіемъ арестантовъ, содержались человѣкъ 40 Французовъ, не плѣнныхъ и не больныхъ, но присланныхъ изъ Москвы на баркахъ не задолго предъ вступленіемъ въ нее Наполеона. Всѣ эти иностранцы жили въ столицѣ по разнымъ мѣстамъ и занимались своимъ промысломъ, кто чѣмъ былъ гораздъ. Правительство, найдя ихъ подозрительными, можетъ быть, не столько по приличеннымъ винамъ, какъ по Русской пословицѣ, что у страха глаза велики, и что когда дѣла идутъ худо, на всѣхъ разсердимся, смѣшавши праваго съ виноватымъ, Правительство выгнало всю эту шайку изъ Москвы, и я ихъ наѣхалъ на ярмонкѣ, содержимыхъ въ большомъ городскомъ лазаретѣ подъ присмотромъ. Шуринъ мой, убѣдя меня съ собою къ нимъ заѣхать, доставилъ случай распознать между ними одного стараго Француза, по имени St.-Agathe, который нѣкогда жилъ у меня въ домѣ и, обучая дѣтей моихъ своему языку, отпущенъ былъ мною по тому только, что не умѣлъ смотрѣть за поведеніемъ ребятишекъ: онъ былъ съ ними слишкомъ гибокъ и, разумѣя хорошо правила своего языка, не имѣлъ силъ владѣть юношествомъ; впрочемъ, былъ больше человѣкъ простой, нежели, что мы называемъ, крѣпкая голова. Я весьма удивился, найдя его въ толпѣ людей вредныхъ и зараженныхъ духомъ своевольства. Поговоря съ нимъ, нашелъ, что онъ попалъ невзначай въ эту компанію, ни мало не учавствуя въ чьемъ либо мнимомъ, или не мнимомъ, преступленіи: общая участь простыхъ людей попадать всегда не въ свое мѣсто. Я пожалѣлъ его, но не могъ ему быть полезенъ, сколько по тому, что не имѣлъ на то средствъ, столько и изъ осторожности, которая, благодаря опытной философіи нашего вѣка, не велитъ

намъ дѣлать и добра, когда оно можетъ малѣйшее на насъ обратить подозрѣніе со стороны сильныхъ. Я потужилъ о старомъ простякѣ Сентъ-Агатѣ, а разстался съ нимъ такъ, какъ встрѣтился, т. е., безъ глубокаго впечатлѣнія.

Чтобъ увеличить нѣсколькими строками эту главу, скажу здѣсь, что нѣкоторые Владимірскіе купцы, торгующіе на ярмонкѣ, узнавъ, что я тутъ, были у меня и не забыли стараго своего начальника. Они мнѣ принесли фруктовъ и всякихъ съѣстныхъ бездѣлокъ, кои, не дѣлая нашего богатства, ни ихъ разоренія, всегда служатъ вывѣской одного чистаго доброхотства. Чѣмъ меньше я отъ нихъ ожидалъ такой ласковости, тѣмъ больше былъ имъ благодаренъ. Сила все беретъ, но свобода рѣдко чѣмъ ни будь жертвуетъ. Я о семъ говорю въ слухъ для того, что если Богъ не поставитъ мнѣ въ преступленіе всей той хлѣба-соли, которую принималъ я отъ подчиненныхъ мнѣ лицъ во время службы, увѣренъ, что люди, судя обо всемъ по своему, тотъ же апельсинъ простятъ отставному, за которой, назвавши его взятками, готовы замучить чиновника наровнѣ съ святотатствомъ. Это напоминаетъ мнѣ, что во дни нѣкоего Министра, по представленію его, вышелъ Указъ, запрещающій принимать даже Русской калачъ, которой поселянинъ подносилъ бы изъ доброхотства своему начальнику. Правосудіе или безкорыстіе самое строгое! Но зналъ ли тотъ, кто подписывалъ сей докладъ, что сочинитель такова представленія въ то же время самъ наживалъ, вмѣсто умѣренной хлѣба-соли, цѣлыя деревни, и жилъ роскошнѣе своего превосходительнаго Катона: вычищать пятны съ кафтана, или сметать только пыль, суть двѣ вещи разныя, какъ бы:

Мышенка въ западню за корочку сажать,
крысу въ аржаномъ анбарѣ не замать.

31 Іюля заѣхали мы опять въ свою деревню, которую зовутъ Малиновкой. Она въ пяти верстахъ отъ нашего села и почти на самой большой дорогѣ къ ярмонкѣ. Мѣстоположеніе прекрасное, селеніе растянуто на пригоркѣ и уподобляетъ ее Швейцарскимъ ландшафтамъ. Мужики зажиточны и живутъ хорошо. Тутъ меня приняли съ новыми восхищеніями, кои не менѣе наполняли воздухъ моей атмосферы, какъ и народные клики цѣлой области при въѣздѣ своего повелителя. Энтузіазмъ имѣетъ вездѣ одни и тѣ же признаки: восторгъ въ маломъ кругѣ людей также силенъ, какъ и въ большомъ скопищѣ. Поговоря съ своими мужичками, какъ отецъ съ дѣтьми, я у нихъ ужиналъ и ночевалъ. Всякое жилище человѣческое представляетъ въ маломъ видѣ цѣлой міръ: тѣ же хитрости, уловки и льстивыя обращенія; клевета на старыхъ управителей матери моей часто доходила до ушей моихъ. Послѣдній мой мальчишка болѣе былъ угощаемъ, чѣмъ первой служитель покойной моей матери. Тогда едва бы и меня примѣтили, а нынѣ я казался божествомъ, съ тою разницею, что мужикъ, не читавши Римской исторіи, не умѣлъ уподоблять меня Титу, Антонину и прочимъ. Та же заманка, тѣ же чувства, но оболочки не такъ красивы. И что мы называемъ по условію восхищеніемъ народнымъ въ цѣломъ Государствѣ, то же самое часто называемъ подлостью между простолюдиновъ, не разбирая, что золотой кафтанъ, или шитой мундиръ, ту же скрывать можетъ раболѣпную душу, какъ и сѣрой армякъ. 1-го Августа мы слушали Обѣдню въ своемъ селѣ, ходили по обычаю святить воду въ колодезь, и Священникъ съ большимъ искуствомъ старался креститься по моему, дабы не обнаружиться Раскольникомъ, или, по крайней мѣрѣ, явнымъ покровителемъ своихъ овецъ, которыхъ онъ, не имѣя возможности унять, принужденъ, ради хлѣба, дѣ-

лать имъ поблажки. На другой день мы совсѣмъ простились съ нашими поселянами и воротились на ярмонку. И такъ деревня сама по себѣ сдѣлалась не столько главнымъ предметомъ нашего путешествія, какъ мы того чаяли, ѣхавши въ оную. Забавы взяли перевѣсъ у пользы. Вещь не новая. И я бы себѣ этого не простилъ, естьли бъ не удостовѣрился на мѣстѣ, что глазъ самаго помѣщика въ оброчной деревнѣ мало даетъ занятій. Все оцѣнено, взвѣшено и измѣрено. Остается получить доходъ по почтѣ, и слегка присматривать издали за нѣкоторыми частными мелочами, которыя, по характеру тамошнихъ крестьянъ, ни при помѣщикѣ, ни безъ него, лучше идти не могутъ.

Пріѣхавши на ту же квартиру, т.-е., къ шурину, нашли ярмонку гораздо пустѣе: всѣ уже почти разъѣхались, кромѣ купечества и театра; пошатались еще въ рядахъ, были въ спектаклѣ, видали балетъ, и всѣмъ тѣмъ наскучивши довольно, рѣшились 3 Августа выѣхать въ Нижній. Родственникамъ моимъ хотѣлось угостить меня въ городѣ, и я нашелъ собственное свое удовольствіе въ удовлетвореніи ихъ желанія. Отправились мы всѣ вмѣстѣ; обозъ нашъ составился очень великъ. На семъ возвратномъ пути въ Губернской городъ я имѣлъ случай осмотрѣть собственную свою лѣсную дачу, и верстъ 10 ѣхалъ все ею. Пространство сіе принадлежитъ тремъ помѣщикамъ и состоитъ, по опредѣленію Сената, изъ 27 тыс. десятинъ; но поелику не довольно отдать землю, надобно ее и раздѣлить, то мы, трое владѣльцовъ, нѣсколько лѣтъ и до нынѣ не могли между собою размежеваться, слѣдовательно, всякой изъ насъ пользуется всѣмъ вдругъ, и ни чего ни имѣетъ собственнаго своего, по Русской пословицѣ: „Кто палку взялъ, тотъ и капралъ.“ Сосѣди рубятъ лѣсъ у меня, а я у сосѣдей, и все наше владѣніе такъ смѣшано, что насъ ни Гре-

ческіе, ни Римскіе законодатели не разберутъ. Безпрестанныя порубки лѣса заводятъ безпрестанныя тяжбы. Крестьянъ ловятъ, таскаютъ по судамъ, а лѣсъ гніетъ и теряется безъ пользы. Важная сія дача до того разчищена огнемъ и порубками, что ни одного крупнаго дерева изъ нея достать уже не возможно. Дровяной лѣсъ еще хранится, но и тотъ отмѣнно жидокъ. Словомъ, я въ немъ не нашелъ для себя ни какой выгоды. Естьли бъ эта дача была подъ Москвой, по крайней мѣрѣ, она бы нѣсколько лѣтъ протопила мой домъ и стала, можетъ быть, на всю жизнь мою. Охотникъ до садовъ, найпаче Англійскихъ, пріобрѣлъ бы въ ней безцѣнное сокровище, по тому что она наполнена мѣстами прелестными для прогулки. Но гулянье не даетъ дохода. Отдаленъ будучи отъ Волги, лѣсъ этотъ не способствуетъ ни какому обороту. Я покушался было продать всю свою часть и споръ передать другому, кто лучше меня хлопотать умѣетъ; но кто купитъ не извѣстное, да еще и тяжбу? До нихъ охотниковъ мало, а повѣреннаго нанимать, для скорѣйшаго выдѣла своей части, значитъ разориться въ конецъ. Онъ будетъ брать деньги, подавать прошенія, дарить приказныхъ, ставить на счетъ стопы гербовой бумаги и подводить страшные итоги пошлинъ, а лѣсъ отъ того ни толще, ни зеленѣй не будетъ, да еще и за то почти ручаться можно, что до послѣдняго пенька выжгутъ, или вырубятъ, прежде нежели я доживу до безспорнаго владѣнія. Лучшее, что можно было бы мнѣ къ выгодѣ моей примыслить, это заводъ стеклянной, который, питаясь дровами, обратилъ бы мнѣ ихъ въ нарочитую пользу. Но въ моемъ ли положеніи, отъ 9 тысячъ дохода съ деревни, думать о такихъ огромныхъ предпріятіяхъ? Богатство не мой удѣлъ. Небо благословило меня сердцемъ добрымъ и пустымъ карманомъ.

ПУТЬ ДО НИЖНЯГО.

Отъ ярмонки верстахъ въ 10 проѣзжать надобно ручей, называемый Керженецъ: плотъ маленькой, а вода быстра. Совѣтую, не смотря на малое пространство сей рѣчки, брать большую осторожность, по тому что и въ ней можно тысячу смертей найтить. Меня мой собственной опытъ научилъ въ селѣ Мыту, что и не въ одной Волгѣ утонуть можно.

Подвижная наша колонія ночевала въ Плотинкахъ. Село казенное: избы хорошія; лѣтній вечеръ скоро проходитъ на чистомъ воздухѣ. Ярмоночные анекдоты заняли насъ очень пріятно. Всякой разсказывалъ свой, всѣ грохотали, а шуринъ, какъ мужъ степенной, сидя между молодежи, потягивалъ хладнокровно свой пуншъ. Рѣзвость дала всѣмъ намъ покойной сонъ, и мы не очень рано поднялись съ мѣста.

По утру, 4 числа, взявши лошадей прогонныхъ, отправили своихъ порожнякомъ впередъ, пріѣхали обѣдать въ село Рожново. Оно было Дворцовое, а Императоръ Павелъ пожаловалъ его Плещееву. Отсюда до Нижняго оставалось 25 верстъ, но вся сія дорога утомительна отъ песковъ. Мы прибыли къ пристани не поздно, насъ ожидалъ хорошій дощеникъ для переправы повозокъ. Съ этой стороны Нижній не очень красиво представляется; отъ берега до другаго почитаютъ версты 4 разстоянія. Мы всѣ, и съ людьми нашими, усѣлись въ большую лодку. Гребцы принялись за свое дѣло: мастера управлять весломъ. Безопасность судна, спокойная поверхность рѣки, тихая погода, все это не отнимало у меня страха. Я зачалъ побаиваться водяныхъ прогулокъ; пословица не даромъ говоритъ: „Пуганая ворона куста боится“; плыли мы довольное время, хотя скоро шли по водѣ, и наконецъ причалили къ берегу. Я первый выско-

чилъ изъ корабля, и очень отдохнулъ, какъ ступилъ на матерую землю. Въ Нижнемъ остановились мы у шурина въ домѣ и, разумѣется, нашли, съ прiятностьми родства, всѣ прелести, какiя только совмѣстны съ подобной кочевой жизнью.

Оставя далеко за собою Макарьевскую ярмонку, я еще поговорю объ ней, повторя, что она первая въ Россiи въ отношенiи къ торговлѣ, но не скажу, чтобъ она равнялась съ Коренной въ разсужденiи веселостей публичныхъ. Тамъ люди не ласковы, это правда, не гостепрiимны и съ инороднымъ обходятся даже слишкомъ холодно, но, по крайней мѣрѣ, и другъ и недругъ всѣ вмѣстѣ. Послѣ театра всегда публичный балъ, Дворянство съѣдется: молодые люди пляшутъ, пожилые играютъ въ карты, словомъ тамъ живутъ, а у Макарья одинъ театръ, послѣ котораго всякой ѣдетъ домой и ложится спать. Нигдѣ ни найдешь множества, всѣ разбредутся по кучкамъ. Для меня это было очень выгодно по тому, что я поздно сидѣть на праздникахъ не люблю: мнѣ бы въ полночь въ постелю да и грезить. Но не всѣ, какъ я, безъ зубовъ и безъ многаго нужнаго для разсѣянной жизни. Молодость хочетъ рѣзвиться: это стихiя ихъ моральная, а по тому для нашихъ барышенъ ярмонка была посредственно весела; естьли бъ не случилось тутъ моей родни, не куда было бы, собственно о забавахъ говоря, и двухъ дней дѣвать.

Купечество тамъ проводитъ время гораздо прiятнѣе нашего. Сходбища ихъ въ трактирахъ, которые всѣ прекрасно освѣщены, и какъ скоро кончится зрѣлище, то всѣ торгаши кинутся туда искать, кому чего надобно. Тамъ шашки, ламушъ, бездонной самоваръ, рѣки пуншевыя, столы для ужина, по всѣмъ заламъ. Иной пьетъ, иной козыряетъ, иной смакуетъ звено бѣлужины. Въ особыхъ покояхъ, подъ надзоромъ старыхъ Лаисъ, можно,

со всякой скромностью, поцѣловать молоденькую красотку и, въ случаѣ короткаго знакомства, запереться съ ней на приватную ауединенцію. Народъ этого пола не спесивъ и амуръ покупается довольно сходною цѣною.

Шуринъ мой охотникъ до всего вещественнаго и сильной натуралистъ, хотя уже съ хорошимъ хвостомъ полъ вѣка прожилъ. Онъ меня по всѣмъ этимъ очаровательнымъ дворцамъ водилъ. По милости его я все видѣлъ, любовался освѣщеніемъ, пилъ Шампанское изъ рукъ снисходительной кумушки, которая дѣвчонокъ съ десять привезла съ собою на ярмонку, чтобъ показать, что и подъ старость она не безъ пользы живетъ на свѣтѣ. И я издержалъ въ ея сообществѣ нѣсколько поцѣлуевъ, но, увы, только! по чести говорю только. Амуръ оставилъ про меня мелкую свою монету, а стариннаго рубля уже ни одного не осталось: природа снабдила было меня ими довольно, но я съ молоду былъ мотъ, слонялся не на однихъ ярмонкахъ, и весь капиталъ свой, къ несчастію, рано прожилъ; дорого бы далъ за цѣлковой, но ужь негдѣ взять. Расплачиваюсь мѣдью, да и той не такъ-то уже много; скажу какъ въ пѣснѣ:

Увы! проходитъ все съ годами,
И радъ любить, да не могу.

НОВОЙ ПРОЕКТЪ.

Выполнивши мое намѣреніе, я не находилъ причины долго жить въ Нижнемъ; но, любя путешествовать въ хорошее время лѣта, мнѣ не хотѣлось рано воротиться въ подмосковную, на коренное свое гнѣздо. Человѣкъ обыкновенно, удовлетворя одному желанію, тотчасъ питаетъ новое, и изъ всякаго нашего поступка родится начало новой затѣи. Такъ и я, сочтясь съ деньгами, за-

думалъ съѣздить въ Пензу, въ старое мое жилище, и повидаться съ людьми, кои, лѣтъ 15 меня нигдѣ не встрѣтивъ, сохранили ко мнѣ пріязнь, тѣмъ драгоцѣннѣйшую, что она ни какой корыстью не могла быть возбуждаема. На что я былъ кому ни будь въ Пензенской Губерніи?

Какой-то Государь сказалъ своему Министру: „Мое дѣло объявить войну, а твое сочинить манифестъ и дать ей предлогъ.“ Разсудокъ нашъ точно такой же Министръ при дворѣ нашего сердца. Оно захочетъ, а тотъ выдумаетъ причины. Какой прекрасной подвигъ ѣхать верстъ 700 нарочно съ тѣмъ, чтобъ оказать дружбу и признательность людямъ добрымъ и постояннымъ! Это говорила моя голова, дабы сноровить непремѣнному моему произволенію, тратить деньги на путь ненужной, но только пріятной. Мы рѣдко любимъ осуждать наши прихоти, все хочется представить ихъ въ лучшемъ видѣ. Читатель увидитъ, по крайней мѣрѣ, что я не лукавъ и не таю моихъ помышленій.

Въ Пензенской Губерніи жили старые друзья дома нашего, Загоскины, и одолжительница многократная матери моей, Госпожа Струйская. Посѣщеніе сихъ двухъ семействъ сдѣлалось предметомъ моей поѣздки. Мнѣ хотѣлось, побывавши въ тамошней сторонѣ, напомнить себѣ старое время моей молодости; хотя не все, что бы я тамъ встрѣтилъ, польстило моему самолюбію, однако я болѣе ожидалъ пріятныхъ минутъ, нежели черныхъ, и рѣшился. Жена всюду готова была со мною ѣхать, а барышни наши съ удовольствіемъ дѣлили мои желанья; ибо на пути была еще ярмонка Саранская, которая славится издавна веселостьми своими, и онѣ, поскучавши на Макарьевской, хотѣли напасть на такую толпу, въ которой были бы забавы по ихъ возрасту.

Расположили мы сіе странствованіе такъ, чтобъ ѣхать на почтовыхъ, а своихъ лошадей отпустили въ Нижего-

родскую деревню, гдѣ онѣ, между тѣмъ на свободѣ, прекрасно отъѣлись, и очень счастливы были тѣмъ, что ихъ не одѣвали въ хомуты и въ кареты не закладывали: люди и скоты всѣ были довольны.

Въ Нижнемъ мы прогостили три дни и, давши вѣрное слово, воротиться къ шурину, въ началѣ Сентября, еще на недѣлю, поспѣшили отправиться въ Саранскъ, дабы не потерять тамошней ярмонки, которая, начавшись 15 числа Августа, продолжается съ недѣлю. До Саранска отъ Нижняго верстъ съ 350. Опишемъ до отъѣзда тѣ предметы, кои мы въ Нижнемъ видѣли въ трое сутокъ настоящаго нашего пребыванія.

ЖЕНСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ прекрасномъ женскомъ монастырѣ спасается прекрасная Игуменья, по имени Дороѳея. Она изъ Дворянской фамиліи Мартыновыхъ, выдана за Надворнаго Совѣтника Новикова, прижила съ нимъ нѣсколько дѣтей, овдовѣла и постриглась. Въ свѣтѣ она извѣстна была подъ именемъ Дарьи Михайловны, въ мое время въ Пензѣ пострижена, и была долго монахиней рядовой въ тамошнемъ монастырѣ. Безжалостной монахъ, изъ Дворянъ же, Израиль, которой нынѣ уже и митру и ленту носитъ, закалалъ ее тогда предъ алтаремъ Божіимъ, какъ дщерь Іеффаеву, и облачилъ въ черную хламиду, отнявъ у міра всѣ ея прелести. Я ее засталъ еще въ свѣтскомъ состояніи, но ведущую жизнь уединенную: она готовилась къ настоящему своему состоянію. На ея-то постриженіе писалъ я стихи, кои напечатаны въ „Бытіи сердца моего." Нынѣ она украшена крестомъ наперснымъ, и знаменита своей смиренной жизнію. Монастырь ея прекрасно устроенъ; крыло-

шанки поютъ пріятно. Богослуженіе отправляется съ отличнымъ благоговѣніемъ. Причетъ трезвой. Храмъ всегда чистъ, обрядъ церковный, особенной отъ прочихъ монастырей, сохраняется со всею точностію; нѣтъ ни чего лишняго, такъ сказать желаннаго, но простота величественная. Сановитая наружность Дороѳеи и черты лица, нѣкогда обворожающія, еще влекутъ въ обитель ея множество людей всякаго званія. Благородныя преимущественно ѣздятъ къ ней молиться Богу. Москвичи, бывшіе въ городѣ во время проказъ Наполеоновыхъ въ Москвѣ, выѣхали изъ Нижняго въ восхищеніи отъ Дороѳеи; я радовался похваламъ объ ней, по тому что любилъ ее во всякое время. Семейство мачихи ея, Катерины Ивановны Мартыновой, къ которому принадлежали и Загоскины, о коихъ я выше упомянулъ, было лучшее мое знакомство въ Пензѣ. Я всѣхъ ихъ любилъ, какъ родныхъ, они меня также, и я съ удовольствіемъ видѣлъ Дороѳею въ Нижнемъ. Мы взаимно другъ друга посѣщали, и неоднократно. Я ее видѣлъ, какъ Игуменью строгую и набожную во храмѣ; какъ женщину скромную и любезную въ кельи; какъ знакомую, чувствительную и привѣтливую въ посѣщеніяхъ ея у насъ. Похвально думать и чувствовать какъ она... но отъ пересудовъ не уйдешь. Она еще между сорока и пятидесяти лѣтъ сохранила силы душевныя и тѣлесныя; зависть ищетъ въ насъ однихъ слабостей: кто ихъ, среди многихъ добродѣтелей, не имѣетъ? Клевета ихъ усиливаетъ и пишетъ грубой кистью въ картинахъ жизни человѣческой. Такъ и Дороѳею поносятъ за то, что она, испросивъ у властей дозволеніе, вмѣсто стараго ея монастыря, которой ежегодно вода подмываетъ, построить новой за городомъ, по ея чертежамъ, и получивъ на то отъ Двора значительную сумму, расположила обитель въ нѣсколькихъ флигеляхъ, коихъ центръ займется соборной цер-

ковію, и, поднявъ вокругъ всего строенія не очень высокую ограду каменную, приспособила къ каждому корпусу монашескому маленькіе балконы, для вида зданію и воздуха живущимъ. Всѣ кричатъ: „Да на что это? Да къ чему такія затѣи: въ монастырѣ балконы? О клятвопреступленіе! О ужасъ нашихъ временъ! Анаѳема, анаѳема балконы!“ Я гляжу на эту выдумку другими глазами, и хотя готовъ согласиться, что по новости своей, такой вымыселъ, можетъ быть, и не вовсе приличенъ для обители дѣвической, но не ставлю въ ряду святотатственныхъ преступленій, что монахиня, помолясь въ церкви Богу чистымъ сердцемъ, появится, въ хорошую погоду, на балконъ подышать на чистомъ воздухѣ и полюбоваться на безподобную природу, лишь бы только!!!

СОБОРЪ.

6-го Августа, въ Преображеньевъ день, бываетъ каѳедральный праздникъ въ Нижнемъ: Архіерей служитъ, и весь городъ туда собирается. Я не ѣздилъ, потому что день былъ не хорошъ, и боялся, на чугунномъ полу стоя, простудить ноги; а у кого пещаной грунтъ въ почкѣ, такъ какъ у меня, тому совѣтую оберегать ноги отъ холоду. Я ходилъ въ другое время смотрѣть соборной храмъ Нижегородской. Огромная церковь стариннаго вкуса и архитектуры. Стѣнное письмо древнее, убранства всѣ также. Не замѣтилъ я ни чего особенно достопамятнаго, кромѣ извѣстнаго всѣмъ Минина гроба и хоругви военной Князя Пожарскаго, которая въ послѣднюю войну съ Наполеономъ была такъ прославлена снова въ Россійскихъ ополченіяхъ. Мининъ не отличенъ, кромѣ надписи, ни какимъ особеннымъ памятникомъ: надобно думать, что въ его вѣкъ подвиги, подобные его поступку,

были обыкновенннѣе нашихъ, потому что мы превозносимъ его съ похвалою, подобающей чрезвычайному случаю, а тогда Мининыхъ, можетъ быть, полна была земля Русская. Соборъ имѣетъ общаго со всѣми прочими въ Русскомъ Царствѣ только древность свою и стужу.

Архіерей въ этотъ день даетъ обѣдъ Чиновникамъ города: я былъ у него по утру, послѣ обѣдни, съ визитомъ. Онъ живетъ хорошо. Домъ большой, роскошное угощеніе. Архіерею на Волгѣ жить хорошо. Рыба всегда живая и добрая. Естьли не по добродѣтелямъ и чистотѣ, по крайней мѣрѣ, богатствамъ мрежей своихъ онъ можетъ почитаться истиннымъ преемникомъ дѣтей Зеведеовыхъ; проповѣди его хороши; онъ говоритъ ихъ громко и выразительно. Голосъ у него чистъ, руки свободны! Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны, и онъ мнѣ ихъ подарилъ. Въ одной нельзя не замѣтить самой новой мысли. Напечатано, что Россія предопредѣлена Промысломъ быть со временемъ тѣмъ Царствомъ, о пришествіи котораго мы молимъ Господа, читая молитву Христову: „Отче нашъ". Оставляю всякому судить о семъ, какъ угодно; для меня довольно воскликнуть, какъ Синекдоху въ Княжниной комедіи: „Оле ученыя красоты, или учености прекрасной!" и—замолчать.

ЗНАКОМСТВО.

Въ Нижнемъ оставались еще нѣкоторыя Московскія Присутственныя Мѣста, какъ, на пр., Межевая Канцелярія и Государственныя Казначейства. И такъ я нашелъ тутъ моихъ знакомыхъ, Обрѣзкова, Новосильцова, Плещеева и другихъ. Богатый помѣщикъ Нижегородской, Шереметьевъ, часто являлся съ семействомъ своимъ въ городѣ, и я къ инымъ ѣздилъ, другихъ встрѣчалъ въ прогулкахъ; Губернатора еще тогда не было въ

городѣ: онъ на ярмонкѣ хлопоталъ о ремонтахъ для арміи и скупалъ лошадей. Городъ былъ пустъ, и жители его не всѣ воротились съ ярмонки домой. Театръ также забавлялъ еще купечество у Макарья. По краткости нашего пребыванія въ Нижнемъ, въ этотъ пріѣздъ я не могъ новаго сдѣлать знакомства, и, повидавшись съ старыми, т. е., посѣтивши Сенатора Обрѣзкова и откупщика Нижегородскаго Мартынова, Соломона Михайловича, брата роднаго Игуменьи Дороѳеи, давняго моего пріятеля, проводилъ всѣ трои сутки, большею частію, у шурина въ домѣ, у котораго всякій день обѣдалъ и ужиналъ, или у зятя его, а моего племянника Зеленецкаго. И тутъ и тамъ угощали насъ со всевозможною пріязнію. Нѣтъ сообщества пріятнѣе родства, когда въ немъ твердое согласіе и дружба. Всякій вечеръ была маленькая иллюминація и музыка. Для балу надобенъ народъ, гости, а для удовольствія пляски довольно и небольшаго числа людей. Барышни наши прыгали до утренней зари, и очень были довольны: свобода и простое обращеніе составляютъ прямую веселость; она тогда въ духѣ, а не въ однихъ подбѣльныхъ наружностяхъ приневоленнаго гостепріимства. И такъ мы провели здѣсь наше время сыто, спокойно и утѣшительно.

Одну ночь я принужденъ былъ подарить безсонницѣ, отъ того, что отвыкъ отъ позднихъ вечеровъ, но она не вредила моему здоровью, а вечеръ одинъ истратилъ на стихи. Ко мнѣ заѣхалъ Московской знакомый и стихотворецъ забавный въ своемъ родѣ, Василій Львовичъ Пушкинъ. Я его поймалъ нечаянно на улицѣ, заманилъ къ себѣ, и онъ мнѣ прочелъ нѣсколько своихъ посланій и эпиграммъ. Я люблю его слушать: онъ свое читаетъ особеннымъ манеромъ. Стихи его смѣшны, замысловаты, плавны; картины въ нихъ есть самыя натуральныя, хотя онъ натуры ищетъ не всегда въ очаровательныхъ черто-

гахъ нашихъ Грацій, а часто списываетъ ее въ трактирахъ, на площадныхъ гуляньяхъ и даже въ постеляхъ рублевыхъ Венеръ. Много истины въ его описаніяхъ, перо шутливое, слогъ сообразный предметамъ. Я съ нимъ часа два провелъ найпріятнѣйшимъ образомъ.

Въ домѣ шурина моего есть садъ: въ немъ я прохаживался каждое утро съ книжкой, а вечеромъ, между многихъ рядовъ плошекъ, рѣзвился съ племянницами и пріятелями ихъ дома; иногда бокалъ розоваго цвѣта разыгрывалъ воображеніе и усиливалъ пиршество: гдѣ нѣтъ принужденія мыслямъ, тамъ и сердце кипитъ отъ радости; хорошо и три дня прожить въ такомъ расположеніи, когда цѣлая жизнь должна быть пожертвована законамъ принятаго обычая, сколько бы онъ ни былъ противенъ собственному нашему разсудку: я всегда вооружаюсь противъ Русской пословицы: „Живи не такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велѣлъ". Совсѣмъ иначе надобно изъясниться: жить такъ, какъ Богъ велитъ, пріятно; ибо Богъ не связалъ насъ узами желѣзными: онъ далъ намъ всѣ наслажденія жизненныя и запретилъ одно злоупотребленіе, котораго и природа наша не потерпитъ; ибо они ей вредны. Но жить такъ, какъ люди велятъ, несносно; ибо они обычаями своими деспотически запрещаютъ не то, что существенно вредно, а все то, что имъ не нравится; а у обычая капризовъ тьма: угождать имъ — кромѣшная мука!

ВЫѢЗДЪ ИЗЪ НИЖНЯГО.

8-го числа Августа мы положили выѣхать, и дѣйствительно отправились въ Саранскъ. Само небо ознаменовало нашъ отъѣздъ, по тому что во время обѣда такой сильный раздался громъ, что у насъ изъ рукъ вывалились рюмки, вилки, кто чѣмъ былъ вооруженъ, а тарел-

ки полетѣли со стола на полъ и присоединились къ стекламъ, которыя мѣстами выбило изъ оконъ. Гроза была страшная, дождь послѣдовалъ ей проливной. Но тучи насъ не совсѣмъ миновали. Въ двухъ мѣстахъ въ городѣ громъ ударилъ въ строенія, и сдѣлался пожаръ. Одинъ пунктъ былъ опаснѣе другаго, по тому что въ немъ задымилась крышка на магазинѣ пороховомъ. Немного его было, но по сосѣдству съ нашимъ жилищемъ взрывъ былъ бы чувствителенъ. Потушили скоро и тутъ и въ другомъ мѣстѣ, а между тѣмъ дождь унялся, время стало прекрасное, мы отдохнули отъ страха, пустились въ дорогу. Родные насъ верстъ пять за городъ проводили, и я, выпивши хорошій бокалъ за здоровье добраго моего хозяина, погналъ на почтовыхъ во всю рысь, дабы доѣхать до станціи поранѣе; ибо уже начинало смеркаться, какъ мы были за заставой. Не новое уже для меня было спать на воздухѣ: ѣздивши въ Одессу, я имѣлъ сей пріятный опытъ около Николаева, и долго его не забуду, а можетъ быть и во всю жизнь, естьли часто стану читать мое путешествіе въ Кіевъ, въ которомъ я объ этомъ написалъ такъ точно, какъ теперь описываю странствіе мое въ Саранскъ. Здѣсь судьба готовила мнѣ такой же урокъ. Дорога изъ Нижняго до Арзамаса нехороша, гориста и песчана. Лошади не очень рѣзвы и пристаютъ скоро; экипажи хотя не очень были грузны, по тому что все были въ нихъ женщины, но сколько жь при нихъ коробочекъ, сундуковъ и ящиковъ бываетъ! На фрегатѣ нѣтъ столько пушекъ, сколько въ каждой каретной сумкѣ накладено у женщинъ стклянокъ однихъ и пузырьковъ съ духами, а тамъ что? — и не сочтешь!

Отъ всѣхъ такихъ препятствій мы пріѣхали въ Бугры, деревню Князя Мещерскаго, очень поздно, и чуть не въ глухую ли полночь. 22 версты тѣ отъ города показались намъ за сто. Селеніе большое, но ни од-

ной путной избы для ночлегу: вездѣ тараканы и прусаки; улечься нигдѣ не возможно. Собравши полный совѣтъ и имѣя довольно разсужденія, опредѣлено ночевать въ каретахъ. Договоръ по неволѣ мной ратификованъ. Покормили насъ кой-чѣмъ, раздѣли и уложили. Я долго не могъ заснуть, и все твердилъ стишки, нѣкогда написанные мною также въ дорогѣ:

Ѣзда у насъ—бѣда ужасна,
На почтовыхъ ли, на своихъ;
Земля, кормилица несчастна,
Плодовъ не носитъ ни какихъ.
Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ ни лечь, ни сѣсть, и проч.

Твердилъ, твердилъ, да и уснулъ, хоть не сладко, да изрядно. Сравнивалъ въ просонкахъ Громоклею съ Буграми, и оканчивалъ сентенціей, что опытъ человѣка ни чему не учитъ. Проснувшись мы не мѣшкали, и въ той же каретѣ, одѣвшись только въ дорожное платье, зачали двигаться далѣе.

Во время нашего туалета, и когда мы пили на дорогѣ чай, насъ позабавили похоронами. Какая-то старушка, наскучивъ свѣтомъ, какъ мы ночлегомъ въ каретѣ, рѣшилась изъ него отправиться въ вѣчность: полежала дни два—и полетѣла: это происходило у насъ подъ носомъ: мы обоняли ладонъ, которымъ окуривалъ ее по поламъ съ огаркомъ смиренный Попъ ближняго села. Глаза наши смотрѣли на гробовую доску, подъ которой она должна была обитать въ землѣ. Уши слышали нестройныя голоса, съ коими провожали ее на тотъ свѣтъ здѣшняго свѣта бабы: они вопили всей грудью надъ ея трупомъ, а нашъ кучеръ, перекрестясь, свистнулъ, и мы помчались. Намъ надобно было верстъ 80 проѣхать до Арзамаса. Пески одолѣли, мѣста скучныя, селенія некрасивыя; въ

5 часовъ обѣдали въ Волчихѣ, а около полночи пріѣхали на ночлегъ, но, слава Богу, не въ карету, а въ Арзамасъ. Я имѣлъ туда къ Стряпчему отъ шурина письмо. Лошади по дорогѣ и квартира въ городѣ, по милости его, были для насъ готовы. Послѣ дорожнаго обѣда рѣдко апетитъ можетъ обойтиться безъ повторенія. И такъ мы ужинали. Домъ намъ отведенъ былъ у одного городоваго Ескулапа. Пространныя комнаты и Китайскія обои, вотъ все, что я могъ разглядѣть ночью.

АРЗАМАСЪ.

Городъ прекрасной между Россійскими Уѣздными городами; видъ его отъ Нижняго обольстителенъ. Церквей и каменныхъ строеній не чрезвычайно много, но всѣ они, въ приближеніи къ городу, кажутся какъ будто собранными въ одну точку и представляютъ картину величественную. Не доѣзжая еще 5 верстъ, уже любо на его смотрѣть. Онъ довольно обширенъ. Улицы правильны, дома деревянныя, украшены пригожими фасадами и колонны съ наружной стороны домовъ здѣсь въ большой модѣ. Обывателей много, и живутъ, сказываютъ, по зимамъ довольно весело. Въ Нижегородской Губерніи одинъ Арзамасъ можетъ считаться порядочнымъ городомъ. Цѣлое утро 10-го числа мы прождали лошадей, по тому что на всемъ этомъ трактѣ нигдѣ такъ не нуждаются въ нихъ путешественники, какъ здѣсь. Эта медленность была мнѣ не въ тягость. Я ходилъ между тѣмъ по городу и любопытствовалъ. Здѣсь особенное примѣчаніе заслуживаютъ Россійскій художникъ и община. Станемъ говорить о первомъ:

Арзамаской уроженецъ, сынъ стариннаго тутошняго Приказнаго, полюбя живопись, образовалъ природныя

свои къ ней склонности въ Петербургской Академіи и усовершенствовался въ ней до того, что прославился во всемъ Отечествѣ; объ немъ не рѣдко съ похвалою упоминала намъ государственная газета: „Сѣверная Почта“. Онъ, выучась своему художеству, поселился на родинѣ, выстроилъ въ Арзамасѣ себѣ большой и красивый домъ, завелъ рисовальную школу и многихъ имѣетъ учениковъ; я посѣщалъ его, видѣлъ его труды, бесѣдовалъ съ нимъ объ его талантѣ: онъ влюбленъ въ живопись, безпрестанно пишетъ и вся его комната заставлена картинами. Тутъ я нашелъ множество хорошаго для глазъ и самыхъ строгихъ знатоковъ. Я о живописи не иначе сужу, какъ по наслышкѣ. Глаза мои равнодушно глядятъ на самыя лучшія произведенія кисти, и не разъ уже я признавался, говоря о семъ художествѣ, что на мой вкусъ всякая картина на Спасскомъ мосту, въ которой много яркихъ красокъ, превосходнѣе Рафаеловыхъ и Рубенсовыхъ картинъ, когда въ нихъ много темнаго. Все свѣтлое меня вездѣ восхищаетъ. Тѣнь для меня безъ прелестей; слѣдовательно, мое свидѣтельство мало послужитъ къ чести художника Арзамасскаго, и потому я и сослался на газету, желая читателя увѣрить, что онъ подлинно не мазилка, а истинный живописецъ. Историческая часть живописи кажется быть ему свойственнѣе и любезнѣй другихъ. Но такъ какъ картины въ Арзамасѣ не даютъ большаго дохода, то онъ принялся за иконное письмо, отработываетъ цѣлые иконостасы, убираетъ храмы Божіи, и сдѣлалъ себѣ состояніе, соотвѣтственное своему мастерству. Проѣзжая Арзамасъ, нельзя не остановиться хоть на полчаса, чтобъ зайтить къ нему, видѣть его труды и поговорить съ нимъ о живописи; для меня этого было довольно; охотникъ могъ бы и сутки съ нимъ заняться безъ отягощенія.

Общиною называется свѣтской монастырь: въ немъ до 100 дѣвушекъ разнаго состоянія находятъ пристани-

ще и насущной хлѣбъ: онѣ трудятся въ разныхъ рукодѣліяхъ. Отсюда во всю Россію вывозятся славныя шитыя плащаницы, и образа всегда можно найтить готовыя и работы прекраснѣйшей. Дѣвушки вступаютъ сюда безъ всякой иной обязанности, кромѣ общей нравственной: вести себя хорошо, скромно и не шататься. Онѣ не постригаются, носятъ платье общее и похожее на монашеское, но не совсѣмъ монастырское. Столъ у нихъ общій. Могутъ выключаться изъ сей обители, когда захотятъ. Надзирательницей у нихъ пожилая Дворянка, на отвѣтственности которой лежитъ весь внутренній порядокъ и благочиніе. Однако заведеніе сіе подъ надзоромъ духовной власти. Архіерей утверждаетъ выборъ начальной матери, относительно Богослуженія онѣ соблюдаютъ весь уставъ монашескій, пища монастырская, церковь внутри ихъ обители, а молитвы въ одно и то же время, какъ и въ женскихъ монастыряхъ. То же правило, тѣ же посты: пріятно смотрѣть на чистоту и порядокъ всего этого заведенія. Цѣль его достойна похвалы. Дѣвицы бѣдныя работаютъ и пріучаются къ трудамъ полезнымъ. Это не отводитъ отъ связей общественныхъ. Онѣ не заключаются, подобно монахинямъ ханжамъ, которыя думаютъ, будто въ мірѣ нѣтъ спасенія, и будто Царства Небеснаго только въ пещерѣ достигнуть можно. Онѣ не обязываются тутъ вѣковать, не стригутся, не живутъ праздно, полезны себѣ и ближнимъ трудами благородными, зная, что работа собственная рукъ нашихъ ничего подлаго не имѣетъ сама собою. Въ церкви онѣ поютъ, читаютъ, молятся. Желательно было бы, чтобъ всѣ наши, собственно монастырями называемыя, сходбища женскаго пола были въ такомъ же видѣ, устройствѣ и на тѣхъ же началахъ заведены. Тогда онѣ были бы полезны, и можно ихъ размножить въ Государствѣ безъ вреда и соблазна.

Послѣ полденъ поѣхали мы въ Лукояновъ, городокъ Уѣздной, отъ Арзамаса въ 50 верстахъ, немного больше или меньше. Все еще пески и дорога тяжела, особливо въ жаркое время. Обѣдали въ 4 часа въ селеніи Шатки, и тотчасъ, перемѣня лошадей, отправились къ своему предмету. Около полуночи прибыли въ Лукояновъ. Ночь была темная. Насилу добились квартиры. Городничій тутошной человѣкъ очень благосклонной: Г. Павловъ пригласилъ насъ остановиться у него въ домѣ. Предложеніе его мы приняли охотно и, очень хорошо поужинавши, весьма покойно выспались. На возвратномъ пути поговорю объ этомъ мѣстечкѣ. Тогда будетъ что сказать, а теперь нечего: ибо очень рано съ утра пустились въ путь, дабы не потерять Саранской ярмонки, которой приближалось самое суетливое время.

ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

11-го числа Августа мы обѣдали въ Починкахъ. Здѣсь былъ городъ при Екатеринѣ II, но послѣ упраздненъ, какъ и многіе другіе въ Россіи. Остался одинъ казенной конной заводъ, которымъ обыкновенно правилъ отряжаемый конной гвардіи Капитанъ, а нынѣ онъ, какъ слышалъ я, уничтоженъ, или переведенъ. А надъ волостями, кои приписаны были къ заводу и осталися въ вѣдомствѣ Конюшенной Конторы, учрежденъ, подъ начальствомъ ея, Смотритель, которой судитъ и рядитъ, представляетъ съ нихъ рекрутъ и денежныя повинности. Смотрительской домъ—лучшее въ городѣ прибѣжище. Населеніе довольно обширно, но худо застроено. Тутъ заложена, но еще не совсѣмъ отдѣлана, церковь прекраснѣйшей архитектуры, какой въ нашемъ Государствѣ немного, и когда довершится храмъ сей, когда онъ внутри укра-

сится, сообразно наружному своему величавому виду, то и въ Починкахъ будетъ на что поглядѣть съ любопытствомъ, а до тѣхъ поръ остается перемѣнить лошадей и проскакать. Бывшій сей городъ принадлежитъ къ Нижегородской Губерніи.

Недалеко отъ онаго начинаются предѣлы Пензенской, въ которой нѣкогда я прожилъ 5 лѣтъ. Увидѣвши грань отдѣляющую ее отъ Нижегородской, я невольно возвратился далеко назадъ въ поприщѣ моей жизни и, вспомнивъ тутошное мое пребываніе, имѣлъ много причинъ задумчиво продолжать мое путешествіе: мысли постепенно одѣвались въ черной цвѣтъ, и морщины, сіи вѣстники душевной тревоги, которыми природа знаменуетъ старость, ясно показывали многими складками на лбу моемъ, что я не въ удовольственномъ состояніи приближаюсь къ ярмонкѣ. Оставалось, дабы разсѣять мысли, философски сказать, согласно пѣснѣ, мной сочиненной въ Пензѣ:

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ есть конецъ.

Настоящее тогда только пріятно, когда прошедшее не безпокоитъ; ибо между тѣмъ и другимъ удивительная связь, которая и въ будущемъ не оставляетъ ни чего усладительнаго.

Дорога отъ Починокъ началась гористая. Грунтъ становился жосткъ, особенно въ сухую погоду, въ мокрое время грязи ужасныя; мы приближались къ чернозему, мосты вездѣ худы; въ селеніяхъ много скирдовъ, но мало богатства. Домы крыты соломой, мужикъ удрученъ работою. Соха сгорбила его, онъ тощъ и черенъ. Какая разница съ нашими промышленными Губерніями. Мужикъ сытъ, толстъ, карманъ полонъ денегъ, нѣтъ одоньевъ, но чего онъ не купитъ на золото и серебро? Пензенская Губернія считается, и есть дѣйствительно, плодо-

носнѣйшій край нашего Царства; но я бы лучше хотѣлъ смотрѣть на крестьянина Ярославскаго, нежели на Пензенскаго. Первой увѣряетъ красками лица своего, что есть на свѣтѣ благоденствіе, а послѣдній лишаетъ и самой легкой идеи о счастіи. Говорятъ, что и они довольны; вѣрю, но не увѣренъ.

Лошадей на станціяхъ доставать было очень трудно: письма шурина моего дѣйствовали только на Нижегородскую Губернію, а въ Пензенской я почувствовалъ, что безъ подорожной тяжело ѣздить на перемѣнныхъ. Намъ дѣлали всякія прижимки, и правильно. Мы ни чѣмъ не могли отводить ихъ, какъ чрезвычайною платою. По счастію, къ намъ присоединился, отъ самаго Нижняго, племянникъ мой родной, Владиміръ Смирновъ. Этотъ молодой человѣкъ служилъ въ Саратовской Удѣльной Конторѣ членомъ, и отпущенъ былъ на Макарьевскую ярмонку. Тамъ мы съ нимъ встрѣтились и провели все время вмѣстѣ. Съ нимъ пріѣзжала, довольно любезная, молоденькая жена его и съ двумя ребятишками. Вся эта семья вмѣстѣ съ нами поднялась въ путь, и какъ ѣхать имъ надлежало одной съ нами дорогой, то Владиміръ проворствомъ своимъ доставалъ намъ лошадей, пріѣзжая всюду ранѣе насъ. Онъ служилъ нѣкогда въ Преображенскомъ полку, былъ Адъютантомъ и, слѣдовательно, наметался къ ухваткамъ курьерскимъ. По милости только его мы нигдѣ долго не мѣшкали.

Ночевали 11-го въ большомъ селѣ, принадлежащемъ Князю Голицыну, и по имени его прозванномъ: пріѣхали поздно, съ трудомъ застали квартиру, но едва изъ той не принуждены были переселиться въ кареты. Земской пустилъ насъ на ночь въ господской флигель. Маленькое строеніе для пріюта, комнатки съ три, очень тѣсныя, очень низкія, но обитыя бумажками и убранныя эстампами. Мы потѣснились тутъ, какъ сельди въ боченкѣ

но по крайней мѣрѣ, не тревожилъ насъ ни какой нечистый гадъ. На завтра, 12-го числа, пріѣхали къ обѣду въ Саранскъ. По милости тутошняго Городничаго, которой предваренъ былъ о нашемъ пріѣздѣ, Г. Евнонова, приготовленъ былъ намъ домъ одного стариннаго купца: имя его было мнѣ знакомо, но не семейство. Старики, жившіе въ мою пору, померли. Молодые наслышались обо мнѣ и были такъ вѣжливы, что оказали намъ всѣ тѣ благоугожденія, какихъ могъ бы я ожидать отъ предковъ ихъ, знавшихъ меня лично. Домъ каменной, большой, покои широкіе, расписанные по модѣ и почти лучшіе въ городѣ. Г. Городничій женатъ былъ на Мартыновой, меньшой сестрѣ Дороѳеи. Я ее зналъ въ дѣвушкахъ и почти ребенкомъ. Въ ихъ семействѣ я вездѣ находился, по любви ихъ, какъ будто между родными. Ярмонка еще готовилась къ началу; тутъ мы расположились дней на шесть и зажили снова въ толпѣ, по тому что безпрестанно наѣзжали отвсюду Дворяне въ городъ, и всѣ помѣщенія, до послѣдней избушки, были наполнены помѣщиками.

САРАНСКАЯ ЯРМОНКА.

Саранскъ, городъ Уѣздной Пензенской Губерніи и старинной. Онъ всегда почитался въ ней лучшимъ, что и справедливо, но при всемъ томъ былъ бы самой дурной въ Подмосковныхъ Губерніяхъ. Говоря сіе, я разумѣю только старинные города, а не новые, изъ коихъ многіе и донынѣ не краше деревни. Въ Саранскѣ нѣтъ ни рѣки знаменитой, ни строенія хорошаго, церквей мало, нѣсколько каменныхъ домовъ купеческихъ старомодной архитектуры. Дворянскіе домы всѣ деревянные и такъ обветшали, что, кромѣ дровъ, ни на что не годятся; прочіе обыватели живутъ въ избахъ, подъ соломенными

крышками. Но жители города гостепріимствомъ своимъ и ласкою доказываютъ истину Русской пословицы, что „Не красна изба углами, красна пирогами“.

Между Макарьевской и Саранской ярмонокъ тотчасъ откроется разница. Та для однихъ торговыхъ расчетовъ, другая почти вся для удовольствія; лавки отдаются въ наймы городомъ и расположены всѣ въ кучкѣ, среди площади, такъ точно, какъ ряды въ Москвѣ, поелику она гораздо меньше всѣхъ важныхъ ярмонокъ въ Государствѣ, слѣдовательно, всѣ пріѣзжіе ежечасно вмѣстѣ, когда они гуляютъ по лавкамъ. Къ счастію нашему, погода была въ то время прекрасная, что, однако же, по замѣчанію старожилъ тамошнихъ, не всегда встрѣчается, и это-то, можетъ быть, привлекло сюда все Дворянство Пензенской Губерніи. Цѣлый день почти всѣ толкутся въ лавкахъ, особливо женщины. Не надобно воображать, чтобъ товаровъ, или купцовъ, было мало. Со всѣмъ нѣтъ: вы въ Саранскѣ найдете купить все то же, что и въ Курскѣ и у Макарья, только въ меньшемъ числѣ, цѣны иногда дешевле, и тутъ выгоднѣе запастись можно, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, всѣмъ нужнымъ. Между рукодѣльями Россійскими вы увидите тутъ съ стекляннаго Бахметьевскаго завода такой хрусталь, какого, кромѣ Англіи, нигдѣ достать нельзя. Стекло превосходно во всѣхъ отношеніяхъ: и масса его, и рисунки, и отдѣлка, равно прелестны. Я столкнулся тутъ со многими знакомыми, коихъ очень давно не видалъ; тутошные коренные обыватели вспомнили мое время въ Пензѣ и оказали мнѣ искреннѣйшія ласки; живо вспомнилъ я съ ними старину: съ иными посмѣялся, съ другими поплакалъ. Мы тутъ прожили четыре дни, кромѣ того, въ которой пріѣхали. Ярмонка обыкновенно кончается дни два спустя послѣ Успеньева дни, по прошествіи праздника Нерукотвореннаго Образа, во имя котораго выстроенъ здѣшній соборъ.

Макарьевская ярмонка истощила вспомогательныя средства, коими снабдила насъ моя деревня, и мы уже не могли здѣсь промотать много денегъ; за то стократъ пріятнѣе провели время, и одно другого въ глазахъ моихъ гораздо дороже. Я не одинъ разъ въ жизни моей испыталъ, что съ деньгами бываетъ очень скучно, и часто до безумія весело, хотя ни гроша нѣтъ въ карманѣ.

ЗАБАВЫ.

Ярмоночныя увеселенія состоятъ въ обыкновенныхъ народныхъ играхъ: куклы пляшутъ, медвѣдя водятъ на цѣпи, верблюда заставляютъ кланяться и тому подобное. Театра нѣтъ, но, вмѣсто того, всякой день балы, на которыхъ тотъ, кто его даетъ, приглашаетъ всѣхъ пріѣзжихъ, слѣдовательно, всѣ вмѣстѣ: мы по утрамъ сиживали дома, обѣдали почти всегда у Городничаго; потомъ весь день до вечера прошатаемся въ лавкахъ. Тамъ дамской туалетъ начнется: барышни наши нарядятся и поѣдемъ полуночничать на чье ни будь пиршество, гдѣ и пляшутъ до разсвѣта. Музыки въ городѣ много. Г. Шуваловъ давалъ завтракъ, на которомъ играли духовые музыканты отставнаго мореходца Контръ-Адмирала Тимашева, извѣстнаго особенно по тому, что ему принадлежалъ славной карла, на котораго вся Москва нѣкогда любовалась, и даже ко Двору за рѣдкость его возили. Этотъ карликъ умеръ. Помѣщикъ его похоронилъ съ нимъ и собственную свою знаменитость. Между лицъ, особеннаго вниманія заслуживающихъ, встрѣтилъ я тутъ храбраго Генерала Алексѣева, которой лѣчился отъ многихъ ранъ въ своемъ помѣстьѣ. Видѣлъ старую знакомую Госпожу Мосолову, съ которой въ старину игралъ я Пандольера: она отдала дочь замужъ за пріятнаго мо-

лодаго человѣка, которой также привозилъ свою музыку; и такъ ни за скрипками, ни за волторнами, дѣло не стало. Видѣлъ сочинителя Лебедянской ярмонки, остраго К. Кто его не знаетъ? Всегда и вездѣ одинаковъ: шутитъ, лжетъ, хохочетъ съ утра до ночи; всѣ знаютъ, что онъ несетъ гиль, но всякой вокругъ жмется, слушаетъ, и гдѣ онъ, тамъ толпа. Видѣлъ милую сестру его за Жуковымъ, съ которой нѣкогда въ Пензѣ я отличался въ первой парѣ на балахъ. Въ такомъ безпрестанномъ разсѣяніи, среди пріятелей молодости моей, оставалось тужить только о томъ, что всѣ мы состарѣлись.

Между знакомыми встрѣтилъ я примѣчательнаго старика. Нѣкто Б. осмидесяти лѣтъ слишкомъ. Никогда не плачетъ, всегда здоровъ и веселъ; онъ не богатъ и не бѣденъ. Былъ управителемъ, откупщикомъ, наконецъ сдѣлался помѣщикомъ и пріютился въ Саранскѣ. Тутъ у него домикъ изрядной, плодовитый садъ, самъ онъ ходитъ за нимъ, за хозяйствомъ и за собою. На всѣхъ балахъ пріятной гость, играетъ по четверти въ бостонъ, просиживаетъ до свѣту на вечеринкахъ, смѣется всему въ мірѣ и ни чего не пересужаетъ. Вотъ счастливая старость! О! моя не такова!

Изъ всѣхъ праздниковъ лучшій далъ намъ Г. Ж. Балъ нарядной, домъ ветхій, но просторной, было гдѣ растянуть и Польской и Экосезъ. Послѣ танцевъ слѣдовалъ хорошій и роскошный ужинъ. Вицъ-Губернаторъ Пензы, преемникъ моихъ старыхъ креселъ, былъ на ярмонкѣ, съ своею женою, и на всѣхъ пирахъ охотно занимался мною. Губернаторъ не пріѣзжалъ. Но Дворянъ было очень много. Такъ-то мы начали и проводили ярмонку Саранскую, которая вознаградила всѣ безпокойства нашей дороги.

ДУХОВЕНСТВО.

Въ Саранскѣ соборъ построенъ издавна во имя Нерукотвореннаго Образа, которому, какъ извѣстно, установлено Церковію празднество на другой день Успенья, т.-е., Августа 16-го. По сей причинѣ къ этому времени присрочена и ярмонка, и она продолжается только до сего праздника. Купцы разъѣзжаются дни два спустя, а за ними остается и городъ при однихъ, и бѣдныхъ, своихъ жителяхъ, коихъ немного. Соборъ самъ по себѣ не представляетъ ни чего глазамъ занимательнаго. Строеніе безъ красоты наружной, и внутренняго богатства немного. Живопись посредственная. Въ Спасовъ день всѣ туда съѣдутся отслушать Обѣдню съ Молебномъ, и разойдутся; нѣтъ во весь день такого безпрестаннаго стеченія богомольцевъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, прославленныхъ особенными событіями.

Мужской монастырь довольно старинной, способствуетъ великолѣпію богослуженія тѣмъ, что Архимандритъ его въ большіе праздники является въ соборѣ и беретъ мѣсто Настоятеля. Какъ я удивленъ былъ одно утро его пріѣздомъ ко мнѣ! Входитъ монахъ съ брильянтовымъ крестомъ на груди, обходится со мною, какъ давній знакомый. Долго я всматривался въ черты лица, и кого же, наконецъ, узналъ?—Стараго моего приходскаго Попа Пензенскаго, который въ мое время хаживалъ въ домъ нашъ исправлять Христіянскія требы. Онъ съ тѣхъ поръ овдовѣлъ, постригся, попалъ въ Архимандриты, по тому что тотъ край не очень богатъ учеными монахами, имѣлъ какое-то порученіе отъ своихъ властей, отличенъ жалованнымъ крестомъ и въ Саранскѣ, управляя скудною обителію, хотя не возносится, но и не со всѣми на ряду. Въ старину называлъ я его „Попъ Береза", по тому что онъ длиненъ и тонокъ, нынѣ таковъ же, но сановитѣе

прежняго, глубокомысленъ, словомъ, нѣчто. Я въ его монастырѣ слушалъ Обѣдню въ Успеньевъ день. Монастырь, и самъ онъ лично, ни какихъ особыхъ преимуществъ не имѣетъ; онъ служитъ осанисто, его водятъ подъ руки, хотя онъ еще по нуждѣ пробѣжитъ и самъ безъ отдышки верстъ 10, живетъ хорошо: сіе доказалъ онъ намъ завтракомъ. Мы заходили къ нему въ келью; онъ насъ угащивалъ прекрасно, хотя бы въ любомъ Московскомъ монастырѣ такую поставить кулебяку и налить такое доброе вино въ бокалы, какія мы у него ѣли и пили. Ай да Береза! Спасибо ему, что старыхъ прихожанъ своихъ вспомнилъ и, въ славѣ сый, съ нами умаленными не возгнушался благопривѣтливъ быти.

ИГРОКИ.

Кромѣ удовольствія разсѣянной и общественной жизни, не потаю отъ читателя, что есть и другой магнитъ, который тянетъ многихъ мущинъ на Саранскую ярмонку!— Игра. Многіе съ большими деньгами пріѣзжаютъ сюда попробовать удачи. Начальникъ Губерніи того времени любилъ понтировать, то и жители, ему подчиненные, банкъ метали свободно, всякой городъ открыто при всѣхъ загибалъ углы у картъ. Я никогда не былъ пристрастенъ къ этой забавѣ, когда она не имѣетъ корысти въ предметѣ, и къ этому, смѣю сказать, злодѣянію, когда дѣло идетъ о разореніи ближняго въ три минуты совершенно. Здѣсь я видѣлъ игроковъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Для меня зрѣлище почти совсѣмъ новое, по тому что я, управляя нѣкогда и самъ Губерніей десять лѣтъ, по отвращенію ли къ картамъ отъ природы, или по безразсудно строгому наблюденію порядка, не позволялъ никогда такъ гласно и безъ меня метать банкъ, еще менѣе

при себѣ. Вообще пишутъ запретительные Указы, но ни кто ихъ не слушается; всѣ играютъ, и играть вѣчно будутъ, и сіе доказываетъ, что законы всегда слабѣе обычая, основаннаго на нравственности и общемъ мнѣніи. Ни кто не стыдится обыграть. Правительство запрещаетъ для одной формы, наружности, сохраненья, а закрывши ставни по вечерамъ, многіе у многихъ послѣднюю выигрываютъ нитку изъ рубашки на картѣ, да еще и въ нѣсколькихъ шагахъ иногда отъ Царскихъ палатъ. Но что объ этомъ толковать! „Не наше дѣло, Господинъ Капитанъ", какъ говаривалъ старой мой солдатъ артиллерійскій, которой училъ меня смѣшанной Математикѣ.

Нѣтъ ни чего любопытнѣе игрецкихъ шаекъ. Я почти въ первой разъ видѣлъ такую здѣсь, и очень близко. На всѣ балы этѣ игроки съѣзжались непремѣнно въ одинъ часъ: они другъ друга распознаютъ чутьемъ: тотчасъ сметютъ, гдѣ добыча. Имъ отведутъ особую комнату, поставятъ столы, навалятъ картъ пропасть. У всякаго карманъ отдувается отъ тяжкаго груза ассигнацій. Сперва начнутся побаски, остроты игрецкія, и скоро единодушной приметъ всѣхъ задоръ. Всякой пойдетъ въ карманъ за своимъ пакетомъ. Выложутъ на столъ тысячи разноцвѣтныхъ денегъ. Тутъ золото и серебро, тамъ кучки изношенныхъ, но много значущихъ, бумажекъ. Индѣ свѣтятся алмазы, въ другихъ углахъ увѣсистыя табакерки и проч. и проч., какъ на ярмонкѣ галантерейная лавка. Печать съ колоды сорвана, все утихло. Двери затворились, началось таинственное дѣйствіе разврата. Каждой углубился въ разсчетъ, окинулъ глазомъ сокровища банка, вынулъ карту, надвинулъ столбикъ цѣлковыхъ и, глазъ съ него не снимая, ждетъ роковой минуты. Летятъ карты на право и на лѣво. Бѣгаютъ деньги по столамъ изъ рукъ въ руки, и во всю ночь продолжается грабежъ, благовидно названный азартною игрою. Я любилъ сидѣть

у дверей комнаты, въ которой играли, и посматривать на лица тѣхъ, кои оттуда, какъ изъ чистилища, выходили. Настоящія тѣни, возставшія изъ гробовъ! Въ каждомъ мускулѣ изображались чувства души. Иной отъ восторга, обыгравши многихъ, не зналъ мѣры своей радости, и разливалъ ее на всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Другой, проигравши все, что было за пазухой, терзался въ угрызеніяхъ не совѣсти, но обманутой надежды. Руки тряслись, губы дрожали, и я думаю, что рожи сихъ послѣднихъ должны быть весьма похожи на тѣхъ каштановаго цвѣта скелетовъ, о коихъ намъ повѣствуетъ кумъ Матвѣй въ описаніи геенны. Славу Богу, что такая страсть не мой аггелъ сатанинъ!

РУЗАЕВКА.

17-го Августа мы простились съ нашими пріятелями въ Саранскѣ, и поѣхали посѣщать другихъ въ разныхъ Уѣздахъ Пензенской Губерніи. Поблагодаривъ Городничаго, которой со всѣмъ своимъ семействомъ дружеское сохранилъ съ нами обращеніе, мы заплатили хозяину, сверхъ признательности за его ласку, 100 р. чистыми деньгами за 4-суточный наемъ его дома, и направили путь нашъ къ Госпожѣ Струйской, въ прекрасную ея Рузаевку, отстоящую отъ Саранска въ 30 верстахъ. Она прислала за нами лошадей своихъ, и мы довольно рано поспѣли къ ней обѣдать; тутъ пробыли мы до 20 числа въ пріятномъ уединеніи, по тому что она рѣдко принимаетъ гостей, а къ тому же слаба была отъ лихорадки, слѣдовательно, путешественники ярмоночные и сосѣди ея, возвращаясь по своимъ жилищамъ, завертывали къ ней на короткія минуты, и хотя одинъ гость слѣдовалъ безпрестанно почти за другимъ, но послѣ

ярмонки можно было сію маленькую суету назвать уединеніемъ сельскимъ, не нарушая слова, тѣмъ болѣе, что подъ вечеръ оставались мы въ тѣсномъ кругу ея домашнихъ, а въ Августѣ вечера уже великіе. Подъѣзжая къ Рузаевскому замку, вспомнилъ я то время, въ которое на томъ же мѣстѣ ознакомился съ покойнымъ хозяиномъ онаго. Онъ былъ по врожденному вкусу стихотворецъ, имѣлъ богатую Типографію, выпускалъ свои и чужія книги; изданія его были прекрасны и во всей роскоши. У него напечатанъ мой Каминъ, у него и при насъ выпечатаны мгновенно на атласѣ стихи въ честь покойной жены моей, посѣтившей со мною сіе селеніе. Все это пришло мнѣ вдругъ на память, и когда я вошелъ въ прежнія покои, увидѣлъ тутъ огромную залу, въ которой, отъ портрета Екатерины до послѣдняго стула, все въ томъ же порядкѣ сохранилось, какъ и 15 лѣтъ назадъ, когда я увидѣлъ ту же симметрію, какую оставилъ тогда, какъ будто бы я не выходилъ вонъ изъ дома, оставалось мнѣ броситься въ объятія хозяйки и раздѣлить съ нею чувствительныя сожалѣнія о прошедшемъ, растворя ихъ искренними слезами. Кто, будучи добръ въ дѣяніяхъ своихъ, незлобенъ въ помыслахъ и вспомнитъ, не заплакавъ, вѣкъ Екатерины, при которой свобода мыслей и удовольствіе сердца были, такъ сказать, въ воздухѣ, тотъ, видно, обложилъ душу свою мѣдью и лишился средствъ почувствовать ощущеніе истиннаго добра въ жизни нравственной.

Рузаевка—мѣсто прекрасное, въ ней до 1000 душъ слишкомъ крестьянъ. Почва земли дѣлаетъ ихъ пахарями; вездѣ черноземъ. Хлѣбъ родится чрезвычайно хорошо. Госпожа Струйская проникла во всѣ таинства благоразумнаго хозяйства. Земледѣліе ей такъ знакомо, какъ другимъ сестрамъ ея выкройка моднаго платья; она пользуется нарочитымъ доходомъ. Мы были у нея во время

жатвы: крестьяне, какъ муравьи, на всѣхъ поляхъ шевелились, и по нѣскольку верстъ тянулись подводы съ снопами; ни чего нельзя сравнить съ симъ естественнымъ зрѣлищемъ трудолюбія, благословляемаго природою! Вездѣ жнутъ, или косютъ; всѣ поютъ, всѣ въ торжественномъ одѣяніи. Земля растворяетъ щедрыя ложесна свои и воздаетъ оратую сѣмена его сторицей: колико превосходнѣе сія картина тѣхъ живописныхъ полотняныхъ занавѣсовъ, изъ за которыхъ доходитъ до ушей нашихъ поддѣльный смѣхъ, или нажимаютъ сердце притворныя слезы! Но мы дѣти, и для насъ надобны игрушки.

Въ Рузаевкѣ прекрасной садъ, широкія дороги, высокія и густыя стѣны деревъ даютъ пріятную тѣнь отъ жара; вездѣ чисто и опрятно, плодовъ множество. Домъ огромной въ три этажа, строенъ изъ стариннаго кирпича, но по новѣйшимъ рисункамъ. Въ гостиной комнатѣ нѣсколько прекрасныхъ картинъ, между коими особенно примѣтить должно кабинетъ И. И. Шувалова—искусная копія съ прекраснаго оригинала Г. Рокотова работы, за которой долго трудился ученикъ его и покойнаго хозяина, крѣпостной человѣкъ, нѣкто Зябловъ, о коемъ писалъ много Г. Струйской въ своихъ сочиненіяхъ. Намъ отведены были комнаты въ верхнемъ этажѣ, тѣ самыя, въ которыхъ живалъ нѣкогда хозяинъ дома, и они прозваны были отъ него, по высотѣ своей, Парнасомъ. Я помню мой визитъ у него въ 95 году въ томъ же самомъ уединеніи, помню стихи, кои онъ мнѣ съ жаромъ самъ читалъ, помню и самой восторгъ его; онъ любилъ сильно поэзію, и, казалось, живетъ лишь для наслажденія ею. Въ этомъ обѣтованномъ мѣстѣ прожили мы тихо и спокойно только два дни. Жаль, что такъ мало! Но климатъ требовалъ, чтобъ мы поспѣшили домой. У насъ нерѣдко Сентябрь хуже Ноября и холоднѣй самой зимы.

Въ селеніи два храма, одинъ старинной, или лучше

сказать, старой: въ немъ вся живопись иконная на Итальянской вкусъ. Отмѣнной красоты запрестольное Снятіе съ креста. Другая церковь выстроена послѣ меня уже съ отличнымъ великолѣпіемъ: всѣ стѣны одѣты мраморомъ искуственнымъ. Старшій сынъ Госпожи Струйской, Юрій Николаевичъ, самъ этой работой занимался, составлялъ тѣсто гипса, давалъ ему краски и располагалъ узоры: отдѣлка совершенная! Храмъ обширной, величественной; Академики писали весь иконостасъ. Колонада бѣлаго мрамору предъ алтаремъ превосходитъ всю прочую работу: мало такихъ храмовъ видалъ я и по городамъ, не только въ селахъ; да въ сихъ послѣднихъ, думаю, что подобнаго нѣтъ во всей Россіи. Красотѣ зодчества отвѣтствуетъ все прочее: богатѣйшая утварь, ризница пышная. Вездѣ золото разсыпано нещадно. Я слушалъ тутъ Обѣдню, и нигдѣ не видалъ толь благоговѣйнаго, скромнаго и возвышеннаго простотой своей, богослуженія, какъ въ Рузаевкѣ; меня все плѣнило. Сей храмъ есть по истинѣ домъ Вышняго. У самой церкви похороненъ хозяинъ противъ трапезы: надъ нимъ поставленъ широкій, но простой, камень. Онъ самъ такъ распорядилъ, и я слышалъ на сей счетъ любопытную его шутку. Онъ настоятельно запретилъ хоронить себя внутри церкви, а велѣлъ положить на внѣшней сторонѣ, дабы, говорилъ онъ своимъ челядинцамъ, когда я выгляну и увижу, что вы безъ меня не то дѣлаете, могъ бы погрозить и заставить работать. Онъ былъ строгой и опытной домоправитель, вдова его мать большаго семейства. Съ ней живутъ нѣсколько дочерей ея и, за исключеніемъ двухъ сыновей, кои служатъ въ арміи, старшія трое всѣ около ея, на наслѣдственныхъ земляхъ подражаютъ добрымъ примѣрамъ своихъ предковъ и занимаются хозяйствомъ. По утрамъ и по полудни до вечера я ходилъ по саду, гулялъ, размышлялъ, то читалъ книги, то ма-

ралъ бумагу стихами и прозою. Собесѣдники мои живые были: старшій сынъ, Юрій Николаевичъ, и одинъ родственникъ дома, Г. Т., заѣхавшій погостить къ теткѣ своей, съ женою, барыней молодой и любезной. Супругъ ея человѣкъ съ хорошими познаніями, разговоръ его убѣдителенъ: я пользовался имъ съ большимъ удовольствіемъ. Онъ не знатенъ, не богатъ, но уменъ и образованъ разсудкомъ просвѣщеннымъ. Такъ-то справедливо, по словамъ нѣкоего проповѣдника, что природа дары свои кладетъ невсегда въ золотыя колыбели. И такъ здѣсь умственная наша жизнь имѣла свои прелести, животная также. Мы ѣли и пили до пресыщенія; ибо столъ сопровождается всею столичной роскошью. Хозяйка съ дѣтьми своими приняла насъ, какъ старыхъ друзей. Нѣжныя ласки ея переносили родину нашу въ края, для насъ совсѣмъ чужіе, и мы двои сутокъ прожили, какъ одну минуту. Что лучше пріязни, когда сердце чисто и вкушать ее приготовлено!

ШИРОКОИСЪ.

Нѣкто Г. Кашкаровъ знакомъ мнѣ былъ въ Пензѣ по своей охотѣ къ музыкѣ. Прекрасная жена его, женщина еще молодая, увидясь со мною на ярмонкѣ, познакомилась съ моею женою и пригласила насъ къ себѣ въ деревню. Она была на нашемъ пути, и лошади Госпожи Струйской довезли насъ туда, 20 числа, къ обѣду. Здѣсь мы пробыли сутки.

Широкоисъ (такъ зовутъ ихъ помѣстье)—мѣсто ни чего не значущее, видовъ ни какихъ. Поля, усыпанныя хлѣбомъ, составляютъ свою картину. Природа богата, но непригожа. Домъ старой и плохо прибранъ. Садъ великъ, но бѣденъ въ замыслахъ, вертограду свойствен-

ныхъ; словомъ во всѣхъ сихъ отношенiяхъ взглянуть не на что. Но за то какое торжество для ушей!

Г. Кашкаровъ, отставной гвардiи Офицеръ, Дворянинъ, еще не старой, довольно достаточный, пристрастился съ самой молодости къ одной музыкѣ, и безпрестанно ею занимался. Не учась никогда по правиламъ ноты, онъ наизустъ разыгрывалъ лучшiя произведенiя Гайденовъ и Плѣслевъ; онъ умѣлъ подражать даже искуству славнаго скрыпача Роде, и смычкомъ его трогалъ сердце до самыхъ тончайшихъ восторговъ. Нельзя было равнодушно слушать Кашкарова. Сколько тяжело было выдерживать съ нимъ сообщество, по тому что отъ природы будучи простъ даже до глупости, никогда не получилъ онъ воспитанiя, ни чего не училъ, ни чего не зналъ, ни о чемъ говорить не смыслилъ, кромѣ музыки, столько, напротивъ, онъ плѣнялъ гармонiей струнъ своихъ, и все наизустъ. Онъ удивительное ухо имѣлъ отъ натуры, чувство музыки было въ немъ превосходно: я ни чего не видалъ чудеснѣе въ играхъ природы Кашкарова. Ни кто сильнѣе его расположить не можетъ въ пользу Галловой системы, которая учитъ, будто бы человѣкъ имѣетъ подъ черепомъ органы всѣхъ своихъ наклонностей и вкусовъ. Дѣйствительно, Кашкаровъ есть доказательство сему положенiю: какъ повѣрить, чтобъ безъ науки, по одному природному навыку, кто либо могъ сравниваться съ Лолiемъ, Жерновикомъ и прочими, играть также хорошо, какъ они, выражать струнами чувства и мысли, вселять восторгъ въ душу, и приводить ее то въ ужасъ, то въ меланхолiю, возбуждать слезы, словомъ, по произволу править человѣческими чувствами помощiю смычка и какого-то музыкальнаго генiя, котораго тѣмъ труднѣе искать и находить въ Кашкаровѣ, что, какъ я выше его описалъ, онъ неспособенъ ни къ какимъ возвышеннымъ понятiямъ, для него все потемки, кромѣ музыки. Безъ скрыпки на

него надобно плюнуть и прочь пойтить. За скрыпкой онъ — божество. Отъ него отойтить не возможно. Кто пойметъ такое чудотворенiе. Оно справедливо. Здѣсь нѣтъ лишняго ни чего въ описанiи; прибавимъ къ тому, что онъ изувѣченъ параличемъ. Худо ходитъ, болѣе сидитъ, его водятъ подъ руки за столъ и сажаютъ, и поднимаютъ съ креселъ; руки однѣ здоровы, какъ бы для того только, чтобъ продолжить неописанныя наслажденiя жизни, кои мелодiя музыкальная доставляетъ ему самому, и чрезъ него сообщаетъ другимъ. Къ несчастью, онъ скоро послѣ насъ скончался. Електрическая машина поддерживала его недолго. Я съ нимъ бесѣдовалъ о музыкѣ. Какой появлялся огонь въ глазахъ его! Какое восхищенiе обнимало всю его душу! Онъ говорилъ какъ витiя, онъ воспламенялся постепенно и заставлялъ всѣхъ молчать съ почтенiемъ около себя. Каждое слово—оракулъ. Но перемѣняя рѣчь, онъ является автоматомъ. Онъ былъ съ наружи сходственнѣйшее изображенiе орангутанга. Настоящiй Азоръ безъ волшебства.

Страстно любя музыку и имѣя чѣмъ ее заводить, онъ пользовался превосходной роговой капелью. Сорокъ человѣкъ мальчиковъ обучены были играть на рогахъ, и до того доведены были, временемъ и трудами хорошаго при немъ музыканта, что подобной, конечно, не было въ Россiи. Заведенiе сiе такъ было прочно, что онъ, разсердясь на своихъ музыкантовъ, отдалъ изъ лучшихъ человѣкъ 30 въ милицiю и, не смотря на такой ощутительной недостатокъ, подростки ихъ такъ скоро выучились играть на тѣхъ же рогахъ, что когда я ихъ слышалъ, я не могъ самъ себѣ повѣрить, чтобъ ученики сдѣлались такъ подобны мастерамъ. Они во время стола играли подлѣ насъ въ другой горницѣ. Съ трудомъ можно было отгадать, какая музыка насъ забавляла; я зналъ, что роговая, но по звукамъ можно было отгадывать между ими флейты,

валторны, гармонику, голосъ человѣческій, словомъ всякое мусикійское согласіе, тогда такъ точно и вѣдомо было всѣмъ, что одни рога въ рукахъ у музыкантовъ: безподобное явленіе для слуха! Оно таково, что заслуживало бы преднамѣреннаго путешествія, единственно для того, чтобъ слышать Кашкарова и его музыку, такъ какъ ѣздятъ смотрѣть руинъ и древностей въ Италію: вотъ какія чудеса представляетъ Широкоисъ! У Г. Кашкарова двѣ взрослыя дочери, собой весьма пригожія и занимательны во многихъ отношеніяхъ. Онѣ прелестно играютъ на клавикордахъ, и никогда не бывши ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, однажды только въ Пензѣ, живучи всегда въ деревнѣ, онѣ такъ хорошо выучены по Французски одной иноземкой, что могутъ писать на этомъ языкѣ, какъ на природномъ и, сверхъ того, рисуютъ прекрасно. Съ ними пріятно бесѣдовать. Онѣ очень любезны. Старшіе сыновья служатъ. Меньшія дѣти обучаются дома; мать имѣетъ прекрасныя черты лица, но все прочее имъ не соотвѣтствуетъ: злословіе говоритъ, что молодой ихъ капельмейстеръ, сдѣлавшійся другъ дома, такъ привыкъ обращаться съ роговой музыкой, что и хозяина пріучилъ носить рога безъ тягости на плѣшивой головѣ. Тѣмъ лучше! Это подаетъ надежду, что и по смерти Г. Кашкарова роговая музыка, въ прямомъ ея смыслѣ, не переведется въ домѣ, и долго еще можно будетъ ею наслаждаться проѣзжающимъ черезъ это селеніе. Мы въ немъ провели очень пріятно сутки; подъ вечеръ барышни поплясали, и я, на свою долю, провелъ Польскихъ два, три; гостей, кромѣ насъ, никого не было. Пріѣзжалъ обѣдать, дабы видѣться со мною, Г. Жед., Прокуроръ Гражданской Палаты Пензенской, моего времени, а нынѣ отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и престарѣлой Дворянинъ: по прежней привычкѣ, онъ нѣсколько отпустилъ ядовитыхъ словъ

на счетъ ближняго, языкъ его, какъ змѣя, безпрестанно ищетъ на кого пролить ядъ свой, котораго у него накопляется магазинъ. Мы вспомнили съ нимъ старину. Онъ охотникъ до картъ также, какъ Кашкаровъ до скрыпки. Я съ нимъ покозырялъ въ вистъ, а между сдачъ доставалось всему и всѣмъ. Ж. не любитъ щадить никого, и я, грѣшной человѣкъ! на то время перенимая общій вкусъ, кричалъ ему поминутно браво.

ПРІЯТНЫЯ НЕУДАЧИ.

Я уже ознакомилъ читателя съ семействомъ Г. Мартынова, въ которомъ, живучи въ Пензѣ, находилъ пріятелей, друзей, почти родныхъ. Почтенной сей старикъ имѣлъ отъ трехъ женъ многихъ дѣтей и всякаго возраста; благословенное племя его такъ размножилось въ Губерніи, что на каждомъ шагу можно было встрѣтить кого либо изъ его дома. Такъ и нынѣ, странствуя въ родинѣ его, я былъ предметомъ ласки и вниманія его потомства. Недалеко отъ Кашкаровыхъ жилъ въ деревнѣ Липягахъ меньшой Мартыновъ, котораго въ мое время знавалъ я ребенкомъ и называлъ просто Савушкой. Нынѣ Савва Михайловичъ былъ ужь женатъ на пригожей и любезной Петербургской барышнѣ, и, по примѣру отца своего, любилъ оказывать гестепріимство. Отъ Кашкарова заѣхали мы къ нему обѣдать, въ чаяніи потомъ продолжать путь свой далѣе, но при свиданіи пріятномъ рѣдко замѣчается время, и какъ погода была дождлива и сыра, то нетрудно было насъ уговорить остаться тутъ на цѣлыя сутки, на что мы и согласились.

Ласковое обращеніе хозяевъ замѣнило суету разсѣянія; гостей не было, но пріязни много. Домъ небольшой, но чистенькой и опрятный, деревня родовая и старинная,

въ которой до 200 душъ. Жилище ихъ на виду и даетъ глазамъ прекрасной сельской ландшафтъ. Тутъ при церкви похоронены: родоначальникъ ихъ, старой Мартыновъ, и жены его. Мы провели весь день въ теплой комнатѣ, безъ малѣйшаго прикосновенія холоднаго тогдашняго воздуха, ѣли сладко, говорили свободно обо всемъ, и хохотня непринужденная означала истинную нашу веселость. Съѣхался я у нихъ съ старымъ сослуживцемъ, Г. Вр., который въ мое время былъ Совѣтникомъ въ Казенной Палатѣ. По ближайшему сосѣдству съ Липягами, онъ одинъ пріѣзжалъ раздѣлить день съ хозяевами и нами. Увидя его, мнѣ пришло на мысль, сколько пустыхъ ссоръ было между нами по службѣ. Онъ тогда былъ жаркимъ моимъ гонителемъ. Отпоры мои всегда были рѣзки, поелику я характера пылкаго и стремителенъ во всѣхъ побужденіяхъ сердца. Время все стираетъ, какъ крѣпкая водка, дѣйствуя на желѣзо. Много прошло годовъ съ тѣхъ поръ, много опытовъ охолодили жаръ моего чувства. Иначе смотрѣлъ я на людей и на вещи; и такъ я встрѣтился съ Г. В. безъ малѣйшаго возмущенія. Мы поцѣловались пріятельски, взаимно забыли прошедшее, и хотя не съ тою откровенностію, какая свойственна ненарушимой пріязни, однако съ пріятностію побесѣдовали о прошедшемъ, настоящемъ и другъ другомъ остались довольны. Проклятая мигрень, докучливая гостья, ежемѣсячно меня посѣщающая, заставила весь вечеръ и ночь протосковать въ постели, но къ утру все прошло, и мы, простясь съ милыми Мартыновыми, поѣхали въ Рамзай, надѣясь, по близкому разстоянію, поспѣть туда къ ночи. Ошиблись въ разсчетѣ: худыя дороги, грязь, неизвѣстность просельныхъ путей, тощія лошади, и часто медленность въ перемѣнѣ ихъ, затруднили наше предпріятіе, и день повернулся иначе, нежели думали. Заѣхавши, по приглашенію Г. Вр., въ 6 верстахъ отъ Липяговъ, позав-

тракать къ нему въ помѣстье, мы нашлись въ невозможности отказаться отъ его обѣда. Это сократило время. Оставалось намъ до Рамзая верстъ 50. Мы поѣхали поздно и болѣе не могли засвѣтло проѣхать, какъ верстъ съ 20. Угощеніе въ Мерлинкѣ (такъ зовутъ деревню Вр.) было превосходно въ отношеніи къ роскоши и къ наслажденіямъ животнымъ. О семъ мѣстечкѣ я пространно поговорю на возвратномъ пути, а теперь спѣшу вести читателя съ собою въ Рамзай, въ обитель старыхъ друзей моихъ, подъ мирную крышку людей честныхъ, добрыхъ и благонамѣренныхъ.

Отъѣхавши 20 верстъ отъ Вр., стало темнѣть. Мы не хотѣли далѣе въ незнакомыхъ мѣстахъ путешествовать. Дороги Пензенскія не всегда благонадежны. Надлежало стать на ночлегъ. По счастію, увидѣли мы господской домикъ въ деревнѣ. Послали провѣдать, чей? — Тургенева. Я ни кого не вспомнилъ знакомаго подъ этѣмъ названіемъ. Но что до того за дѣло? Лишь бы найти покойную горницу и переночевать въ ней получше, чѣмъ въ черной избѣ. Въ этой сторонѣ мало бѣлыхъ, да почти и вовсе нѣтъ. Хозяинъ рыскалъ съ ополченіемъ по разнымъ дальнимъ областямъ, одна въ деревнѣ жила жена его. Она такъ была вѣжлива, что не только пригласила насъ къ себѣ, но даже и всѣ свои покои оставила въ нашей волѣ. Недавно вышедши за мужъ, съ нѣкоторой Дворянской пышностью, она сохранила парадную кровать свою и приданую мебель: все было отдано къ нашимъ услугамъ. Походная жизнь скоро сближаетъ съ незнакомыми и даетъ вездѣ право на простое обращеніе; и такъ мы безъ всякихъ чиновъ тутъ расположились. Отужинали по деревенски, весьма различно отъ пиршества, которымъ можно было назвать обѣдъ Г. Вр. Разговоръ падалъ на видимые предметы: мы далеко были отъ всего міра, слушали, какъ сѣютъ, жнутъ, молотятъ, что чего вы-

годнѣе, что чего лучше въ сельскомъ хозяйствѣ. Наслушавшись какъ сказокъ, уснули очень крѣпко, и рано поутру поднялись въ дорогу. Проѣзжая городокъ Уѣздной Пензенской Губерніи, Мокшанъ, гдѣ мы мѣняли лошадей, зашли къ Городничему и тутъ напились чаю. Городъ степной, малолюдной и бѣдной, всегда былъ и будетъ таковъ. Въ этомъ Уѣздѣ нѣкогда отецъ мой продалъ слишкомъ 1000 душъ, о которыхъ право я ни мало не пожалѣлъ. Грабежи Пугачева разорили эту волость, и сдѣлали всѣ сіи мѣста ненавистными. Въ Мокшанѣ нѣсколько плѣнныхъ лѣкарей Французскихъ, которые, однако, приносятъ пользы обывателямъ. Съ однимъ изъ нихъ поговоря нѣсколько, я посмѣялся Французской вспыльчивости. На вопросъ мой: „Лучше ли городъ Люневиль нашего Мокшана?“ онъ звѣрски на меня посмотрѣлъ, ахнулъ и безъ отвѣта побѣжалъ, какъ бѣшеной; мы проводили его всеобщимъ смѣхомъ. Зашелъ къ намъ старой мой сослуживецъ Г. П., которой при мнѣ былъ Ассесоромъ въ Винной Экспедиціи: сѣдъ сталъ, дряхлъ, но все по прежнему добръ и простодушенъ. Я едва узналъ его. Мы расцѣловались искренно, безъ лукавства и не по правиламъ общежитія, а отъ всего сердца.

Наконецъ увидѣли мы вершины Рамзая, и 23 числа доѣхали туда къ обѣду. Тутъ прожили до 28 числа, и это короткое время было самое праздничное для моего сердца.

РАМЗАЙ.

И такъ я опять въ 25 верстахъ отъ Пензы, въ мѣстахъ, которыя нѣкогда влекли меня къ себѣ еженедѣльно. Каждую Пятницу, закрывъ Присутствіе, я оставлялъ Казенную Палату на два дни и до Понедѣльника гостилъ у добрыхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, какъ самой лучшій другъ ихъ; опять все то же вокругъ меня:

Но, ахъ! я самъ не тотъ, и время на крылахъ
Промчало много чувствъ въ семнадцати годахъ,
Очарованія сердечныя пропали,
Заботы на лицѣ моемъ нарисовали,
Ужасно явственно, что мнѣ пятьдесятъ лѣтъ,
Погибъ веселой духъ, какъ вянетъ нѣжной цвѣтъ!

Хозяева приняли насъ отличной ласкою. Н. М. живо вспомнила, увидя меня, потерю Евгеніи, и залилась слезами. Пусть поймутъ, въ какомъ состояніи былъ я въ первыя минуты нашего свиданія. Этого описать нельзя! Строка пера нашего въ сравненіи съ малѣйшей чертою чувства холоднѣе мрамора. Скоро послѣдовало знакомство съ женой моей, скоро перешли мы всѣ отъ горестныхъ движеній къ сладчайшимъ взаимностямъ жизни. Сердце наше принадлежитъ намъ однимъ тогда, когда оно принимаетъ первыя впечатлѣнія наружныхъ предметовъ; минуту послѣ оно сообщается со всѣми, и чувства его сливаются въ общую массу съ прочими. Семейство Загоскиныхъ можно назвать семействомъ счастливымъ и благословеннымъ. Естьли кто хочетъ видѣть картину добродѣтелей домашнихъ, пусть придетъ сюда. Онъ здѣсь найдетъ живое ихъ изображеніе. Повѣрьте мнѣ, я пишу сіе безъ восторговъ! Хозяинъ человѣкъ уже моихъ лѣтъ, всегда доброй, кроткой и откровенной. Ни какой льсти въ устахъ его, ни малаго принужденія въ обычаяхъ. Исполненъ чувства Вѣры, онъ ощущаетъ всѣ свои обязанности свѣтскія и хранитъ ихъ неотступно. Боится грѣха, но не клянетъ грѣшниковъ. Любитъ правду, но остерегается отъ клеветника и ненавидитъ суету. Такъ прожилъ онъ полвѣка и, судя по началамъ, отъ коихъ влечется его поведеніе, вѣрно онъ такимъ умретъ. Жена его любезная и прямаго уваженія достойная женщина. Мать благоразумная, супруга ненарушимой вѣрности, другъ искренній и собесѣдница пріятная въ обществѣ.

Моложе будучи мужа хотя не многимъ, она его пылче и часто способна разгорячиться, но никогда не удаляется отъ точки здраваго разсудка. Руководима опытами, она всему блеску міра предпочитаетъ тишину семейную, и внутреннее спокойство совѣсти для нея дороже мечтательныхъ сокровищъ, за коими мы, гоняясь по всей вселенной во всю нашу жизнь, пожинаемъ подъ старость одну мрачную скуку и досадительныя самимъ себѣ упреки. Богъ благословилъ ихъ супружество. Они имѣютъ человѣкъ до десяти дѣтей и, сверхъ того, нѣсколькихъ похоронили въ ребячествѣ; старшіе два сына ихъ служатъ Государю въ арміи и до нынѣ хранимы Всемогущимъ Промысломъ. Меньшіе сыновья, а ихъ шестеро, воспитываются дома подъ надзоромъ родителей. О! они вѣрно будутъ Христіяне и люди прямо Русскіе, а не Французы и не Англичане. Чего же лучше? Можетъ быть не станутъ печатать ихъ острыхъ шутокъ въ газетахъ, но ихъ поступками облагородится имя предковъ ихъ, и ближнимъ своимъ они будутъ въ отраду. Двѣ дочери, изъ которыхъ одна за двадцать лѣтъ, а другая еще году съ небольшимъ, занимаютъ всѣ попеченія матери чувствительной; старшая прекрасно воспитана, одарена умомъ, талантами и весьма занимательна. Варинька ребенокъ, которой еще лепетать не умѣетъ, забавляетъ отца и мать своими рѣзвостями. Они ее въ запуски цалуютъ, и другъ друга посредствомъ сего нѣжнаго залога тѣмъ сильнѣе любятъ. Нѣтъ у нихъ ни Нѣмцевъ, ни Парижанъ, все Русскіе ходятъ около Русскихъ, обучаются отъ отца и Французскому языку, сколько онъ можетъ тому способствовать, а потомъ наслушиваются одного отечественнаго нарѣчія; Библія входитъ въ ихъ упражненія ежедневно. Разныя рукодѣлія и механическія работы укрѣпляютъ ихъ тѣлесныя силы. Нравственные разговоры и чтеніе книгъ, приличныхъ къ образованію ума и сердца,

каждой день въ употребленіи. Дѣти ни мало не скучаютъ такою жизнью. Они имѣютъ время на все: рѣзвятся, играютъ между собой комедію, танцуютъ, а по зимамъ привозятся въ Пензу, и тамъ, въ кругу общественномъ, умножаются забавы ихъ и познаніе свѣта. Пора отстать отъ предубѣжденія, будто бы въ провинціяхъ нѣтъ людей, по тому что ни кто въ нихъ шаркать не умѣетъ, и за все про все ссылаться на Кондильяковъ да на Вольтеровъ. Мы любимъ глядѣть на всѣ наши города съ одной смѣшной ихъ стороны. Право, и въ Москвѣ и на самой Невѣ есть чему похохотать, съ тою только разницей, что странности Губернскихъ городовъ только смѣшны, а столичныя иногда зловредны. Одно, думаю, лучше другого. Таковы суть люди, коихъ я лѣтъ двадцать называю своими друзьями, кои оправдали сіе титло (прямо Священное, когда оно дается не изъ привѣтствія) своими услугами, доброхотствомъ, постоянствомъ связи съ моимъ домомъ и во дни счастія и во времена искушенія. Загоскины любили меня и все мое семейство, не по выкладкамъ свѣтскаго разсчета, не для выгодъ, временно пріобрѣтаемыхъ, но по направленіямъ свободнаго и чистаго сердца, и дружба ихъ есть такое чувство, котораго стяжаніе дѣлаетъ мнѣ честь, а ощущеніе приноситъ и въ разлукѣ съ ними живѣйшее удовольствіе.

МАВЗОЛЕЙ.

Хозяйка охотница до садовъ: у нея со вкусомъ разведенъ обширной. Онъ не великолѣпенъ, въ немъ нѣтъ ни чего удивительнаго: не наткнешься на статую Бемскую, не встрѣтишь столба водянаго изъ бронзовой купели, не потеряешься въ искуственномъ лабиринтѣ; все только просто и красиво собственною своею красотою.

Природа не нарумянена: какову далъ Богъ, такова она и есть. Дорожки усыпаны пескомъ, мягки и просторны; лѣсъ, изчерченный ими, не уступаетъ ни какимъ Англiйскимъ садамъ богатыхъ нашихъ Бояръ. Во все время нашего пребыванiя тутъ, я по утрамъ гулялъ въ рощѣ съ книжкою, а по вечерамъ, въ сообществѣ со всѣми, мы приходили пить чай и полдничать на цвѣтникѣ, или подъ тѣнью здоровой липы, которая топора не боится и доживетъ опредѣленныя лѣта, не разставаясь съ своими корнями. Индѣ чрезъ плотину бѣжитъ ручей и освѣжаетъ луга, на коихъ пасется домашнiй скотъ подъ звукомъ сельской дудочки. Природа образовала прекраснѣйшимъ рисункомъ всю эту площадь. Все есть: и горы, и долины, и утесы, и пологости, и цвѣты, и деревья, и все кстати. Садовникъ ни чего не выдумывалъ: почистилъ, посадилъ, посѣялъ, и далъ хозяину прелестной вертоградъ. Здѣсь можно видѣть на яву плѣнительные вымыслы Геспера, Томпсона и Делиля, сихъ безсмертныхъ пѣвцовъ природы. Въ Рамзаѣ жизнь пастушеская перестаетъ казаться химерой. Хорошая погода допустила меня все осмотрѣть съ любопытствомъ, и когда молодыя люди находили для себя кегли, качели и разныя увеселенiя возраста, я могъ также, удалясь отъ всѣхъ, предаваться природному влеченiю моего сердца къ предметамъ меланхолическимъ.

Хозяинъ любитъ памятники, жена его также: они оба по временамъ въ разныхъ мѣстахъ своего сада ставили ихъ друзьямъ и прiятелямъ. Такимъ образомъ увѣковѣчиваются естьли не самые монументы, кои подвержены разрушенiю, по крайней мѣрѣ, преданiями изъ рода въ родъ доходятъ до самыхъ позднихъ потомковъ свѣдѣнiя о тѣхъ людяхъ, коихъ имена, по какому либо случаю, обращали на себя вниманiе современниковъ. Сколько Сатурнъ рушилъ пирамидъ, статуй, воротъ торжественныхъ,

но, спустя нѣсколько столѣтій, исторія намъ говорила: тутъ былъ такой-то памятникъ; онъ истлѣлъ, но причина его еще громка въ потомствѣ.

Между разными подобными памятниками встрѣтилъ я нечаянно такой, которой далеко врѣзался въ душѣ моей. Рисунокъ его изотрется въ умѣ моемъ тогда, какъ послѣдняя капля крови остынетъ въ жилахъ. Въ первой день пріѣзда Н. М., водя насъ по саду, избѣгала случая меня навести на оной. Замѣтилъ я одну темную тропу, мимо которой прошедши нѣсколько разъ, она отклоняла насъ всегда въ другую сторону; мнѣ казалось, что тутъ скрывается какой ни будь предметъ любопытной, и чѣмъ болѣе хозяева старались удалять отъ него, тѣмъ сильнѣе хотѣлось къ нему проникнуть. Не всегда за мной ходили люди; какъ скоро я могъ пройтить въ садъ одинъ, я туда кинулся, и стезей самой узкою въ густой тѣни пробрался къ небольшому холму, усѣянному разными душистыми цвѣтами въ три яруса. Послѣ темноты видъ разноцвѣтныхъ сихъ растеній уже поразилъ взоръ мой. Вокругъ его разставлены были скамейки, сводъ густыхъ деревъ служилъ крышкой этому уединенію. Казалось, что одна печаль должна раздѣлять его съ человѣкомъ, и самой воздухъ безмятежнымъ дыханіемъ своимъ питалъ унылое воображеніе. Надъ всѣми цвѣтами возвышалась урна съ надписью подъ вензелемъ. Уже я начиналъ отгадывать, чье имя тутъ увидятъ глаза мои; уже грудь моя сжималась, сердце трепетало, какъ вдругъ прочелъ я имя Евгеніи, узналъ, что урна сія посвящена ей съ наименованіемъ весьма приличнымъ хозяйкѣ дома по отношеніямъ къ ней покойной, которую не всуе нарекла она другомъ своимъ. Такъ! Евгенія была ей другъ, и умерла такою! Я не знаю, и не могу сообщить читателю, въ чемъ состояли первыя мои движенія: они такъ были смѣшаны, такъ нечаянны, что я ни одного не помню. О,

неизреченное чувство любви! Ощущенія твои, когда ихъ душа наша возсылаетъ, суть выше всѣхъ сокровищъ премудрости; иступленія твои превыше всѣхъ богатствъ подсолнечной: вотъ что я почувствовалъ, упавши къ подножію памятника; мысль моя искала на небесахъ отторженной отъ меня подруги, воображеніе давало ей существо, мечты увлекали меня въ горнее жилище Евгеніи. Истуканъ мой какъ бы омертвѣлъ, стоя на земли, и духъ, его животворящій, чуждъ былъ всему вещественному въ мірѣ. Состояніе такое минутно; оно не дано человѣку въ наслажденіе долговременное: изумится, и скоро возвращается въ бренной свой ковчегъ. Такъ и я успокоился, присѣлъ, долго глядѣлъ на памятникъ не смигая, и задумывался по перемѣнкамъ; вскочилъ, облобызалъ урну, обонялъ каждой цвѣтокъ вокругъ его, и очнулся уже на большой аллеѣ противъ покоевъ. Вошедши въ нихъ, со всѣми признаками смущеннаго лица, я пожалъ руку хозяйки; она поняла мои чувства и узнала, что для меня нѣтъ въ саду ея ни чего не извѣстнаго. Каждой день потомъ, по утру и предъ захожденіемъ солнца, приходилъ я на то же мѣсто одинъ, какъ бы во святилище, приносить жертву сердца той, чье имя, чей взоръ, чья память, должны пережить меня, и переживутъ!!

ИМЯНИНЫ.

Описавши Рамзайской садъ, скажу нѣчто и о прочемъ. Домъ господской тотъ же, что былъ и при мнѣ, тотъ же видъ снаружи, но внутреннія убранства всѣ перемѣнены, несравненно сталъ красивѣе; комнатъ немного, но прибраны со вкусомъ. Въ старину я рѣзвился съ хозяевами въ простыхъ стѣнахъ, ни чѣмъ не обитыхъ: не было ни просѣковъ, ни бесѣдокъ; нынѣ все другое, вездѣ

рисовка и гипсъ; просто, но чисто, и это въ деревенскомъ домѣ всего пригожѣе. Изъ гостинной терасъ или крылечко съ площадкой: на немъ, въ ясную погоду, пріятно пить чай и бесѣдовать съ друзьями; подъ нимъ цвѣтникъ для ребятъ: тутъ они бѣгаютъ въ запуски; потомъ аллея довольно длинная приводитъ въ бесѣдку; вокругъ вездѣ деревья съ цвѣтами, или плодомъ. Сидя въ гостинной, на софѣ, можно однимъ взоромъ обнять всю эту картину. Да и въ самомъ покоѣ, т.-е., горницѣ вездѣ разставлены горшки съ ясминами, лилеями и нарцисами, между коими, на колонкахъ разной мѣры, встрѣчаешь разные бюсты, а чаще всѣхъ нападаетъ взглядъ на Фальконетова мальчишку. Гдѣ этотъ проклятой купидонъ не торчитъ, кому не грозитъ онъ пальцемъ? На пути жизни видишь его, оглянувшись назадъ, видишь подъ носомъ въ настоящую минуту, а часто и въ будущемъ его же видишь, издали, хотя въ тѣни уже, но все съ той силой и грозной миной: страшная оптика!

Деревня смежна съ казенной того же названія; въ ней населены Татары новокрещены, и все вмѣстѣ представляетъ большую слободу. Домъ помѣщичій удаленъ отъ крестьянскихъ жилищъ и поставленъ на хорошей высотѣ; хозяева богаты бережливостію; доходы ихъ не столько числомъ велики, какъ умѣренностію въ прихотяхъ. Я всегда думалъ, и въ тѣхъ мысляхъ останусь, что человѣкъ, умѣющій ограничить кругъ своихъ потребностей, съ малымъ числомъ денегъ всегда будетъ богатѣе того, которой на безконечныя затѣи потребуетъ несчетныхъ сокровищъ. Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше представится мнимыхъ необходимостей: удовлетворять имъ не станетъ всей монеты вселенной. Но при умѣренности на что богатство? Умалимъ желаніи наши, тогда и малой доходъ казаться будетъ достаточнымъ. Такъ точно живутъ добрые Загоскины. Однако, и у нихъ бываютъ за-

бавы: онѣ не пышны, но также восхитительны, какъ и тѣ, на кои мы соримъ все наше годовое иждивеніе въ одинъ вечеръ въ столицахъ, и послѣ въ долгъ кормимъ себя, людей и скотъ нашъ.

26-го числа Августа, Н. М., милая Рамзайская хозяйка, именинница, и мы весь день провели въ пріятномъ сельскомъ разсѣяніи. Утро посвятили Богу и чувствамъ умиленія предъ Творцомъ Небеснымъ, вся благая намъ ниспосылающимъ. Дабы лучше къ оному расположиться, хозяйка показала мнѣ нѣсколько писемъ, писанныхъ къ ней въ дружескомъ изліяніи сердца и собственною рукою жены моей. Совокупное наше чтеніе сихъ остатковъ и рукописей сильнѣе еще скрѣпило узелъ пріязни между нашими семействами, и мы вмѣстѣ смѣшали наши слезы, отдавши дань справедливой похвалы качествамъ той, которая умѣла и за гробомъ живу оставить себя навсегда въ памяти тѣхъ, кои ее любили и ей самой были пріятны.

Потомъ слушали Обѣдню въ селѣ, и наслушались деревенскаго козлогласованія. Воротясь домой, сошлись на завтракъ, и до ночи не разставались. Въ городахъ на все обычай: когда увидѣться, когда наскучить другъ съ другомъ и разойтиться. Въ деревнѣ совсѣмъ иное: живутъ для ближнихъ, съѣзжаются для пріязни, и когда соберутся всѣ вмѣстѣ, то безъ скуки вообще проводятъ время. Божусь, что я въ этотъ день ни разу не взглянулъ, который часъ, что весьма часто случается на самыхъ шумныхъ праздникахъ Московскихъ; промолвимъ, однако, въ мои лѣта, по тому что уже чистосердечіе и простое обращеніе для меня драгоцѣннѣе стали всякаго парада и удовольствій тщеславныхъ. Изъ Пензы наѣхали на имянины много старыхъ моихъ знакомыхъ, кто обѣдать, кто ночевать; столкнулось насъ гостей довольно. Въ большой галереи въ саду вынесли биліардъ и накормили человѣкъ семьдесятъ. Бокалы летали за взаимныя

здоровья: ни кто ихъ ни восклицалъ, но всякой всякому желалъ его отъ души. Послѣ обѣда начались игры полевыя: горѣлки, веревочки, уголки и прочее. Подъ вечеръ заиграла музыка, и пошли всѣ танцовать: кто какъ гораздъ, тотъ такъ и плясалъ, и я на свою долю пропрыгалъ съ полдюжины контреданцовъ. Уставши порядочно, выспались прекрасно. Глядя на этотъ деревенской праздникъ, часто вспоминалъ я слова того мужика, которой въ рекрутскомъ наборѣ, комедія Г. Ильина, осмѣивая роскошь своего товарища, прилѣпившагося къ трактирамъ городскимъ, дѣлаетъ вспоможеніе несчастному и съ восторгомъ кричитъ: „Вотъ мои забавы!" Такъ и я, отдавая себя здѣсь природѣ и выпутавшись изъ оковъ принятаго общежитія въ Москвѣ и далѣе, твердилъ моимъ пріятелямъ, для которыхъ все скучно, кромѣ симметрическихъ Прѣснинскихъ прудовъ и маскарадной толпы: „Вотъ и мои забавы!" На другой день остались мы еще въ Рамзаѣ, чтобы отдохнуть и собраться домой назадъ къ Москвѣ, по пословицѣ: „Какъ волка ни корми, онъ все къ лѣсу смотритъ." Но и на завтра опять разсѣяніе, опять тѣ же забавы. Въ вечеру наши барышни одѣлись въ сарафаны, точно сарафаны: ибо ни на одной не было ни левантину, ни бархату, ни на полушку алмазовъ, и такъ водили хороводы, пѣли Русскія пѣсни; вдругъ переодѣлись—и вышелъ балъ, на которомъ снова танцовали часовъ до 2 ночи, но я ушелъ въ 12, заперся въ спальню и, подъ шумъ молодежи, уснулъ весьма покойно: была бы совѣсть, а сонъ всегда готовъ. Не смотря на всѣ суеты нашего пребыванія въ Рамзаѣ, я часто увлекался къ унылымъ воображеніямъ, и всякой вечеръ, удалясь отъ всѣхъ, ходилъ на большую дорогу задумываться: тутъ я гулялъ битой часъ одинъ, и всегда жилъ въ прошедшемъ, прощался съ солнцемъ, которое въ глазахъ моихъ садилось, привѣтствовалъ луну; при

такомъ ея восхожденіи на наше небо, зефиръ поигрывалъ въ рощѣ и сзывалъ пернатыхъ въ свои гнѣзда, отвсюду слетались стаи птицъ и, каркая надъ своими дуплами, съ полчаса безпрестанно вертѣлись кругомъ въ своей стихіи, потомъ садились по сучкамъ, и нестройному шуму ихъ голосовъ слѣдовала тотчасъ совершенная тишина: тутъ, въ это самое время, приносилъ я натурѣ всѣ свои поклоненія; я изумлялся ею, дышалъ природою, жилъ только для нея и самъ другъ съ меланхоліей, сей пустынницей нашего сердца, вымышлялъ стихи, изъ коихъ нѣкоторыя помѣщены были и здѣсь. Кто-то утверждаетъ, будто птицы передъ вечерней зарей всегда кружатся надъ рощами и шумятъ для того, что и они по своему славятъ Бога. Не знаю, отгадали ли ихъ, но думаю, что это можетъ быть и справедливо. По псалмамъ Давида видимъ, что все царство природы и тѣла растительныя хвалятъ Творца; а когда такъ, то животныя ли твари одни въ молчаніи пребудутъ?

Вотъ какъ мы провели время въ Рамзаѣ. Всему была своя минута: жизнь умственная, душевная, механическая, дѣлила между собой каждыя сутки въ пристойной мѣрѣ, безъ ревности и мятежа. О! какъ весело жить тамъ, гдѣ мы искренно любимы! Какъ сладки хлѣбъ и соль простыя изъ рукъ добрыхъ хозяевъ!

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ РАМЗАЯ.

Сколько съ друзьями на чужой сторонѣ ни живи, а домой всегда что-то манитъ. Отпраздновавъ имянины хозяйки, пора было поворачиваться тѣмъ же путемъ къ Москвѣ. Хотѣлось мнѣ и въ Пензу завернуть: тамъ оставалось нѣсколько хорошихъ знакомствъ, для которыхъ, по совѣсти говоря, надлежало бы проѣхать 25 верстъ,

и пожертвовать еще двумя днями; тамъ, сверхъ того, увидѣлъ бы я нѣжный залогъ моего супружества, и облобызалъ гробницу младенца моего, Петра, котораго своими руками въ 95 году зарылъ въ землю, и котораго кончина ознакомила меня съ гипохондріею. До сей потери я объ ней не имѣлъ понятія. Все это меня колебало: то я собирался назадъ домой, то загадывалъ подвинуться еще нѣсколько верстъ до Пензы; боролись мысли долго, но страхъ, чтобъ погода не измѣнила, и чтобъ зима не застала насъ за Волгой въ лѣтнемъ платьѣ, разсѣкъ, какъ мечъ, всѣ мои сомнѣнія, и, положа конецъ въ Рамзаѣ дорожнымъ моимъ предпріятіямъ, рѣшился ѣхать назадъ; въ Пензу отправилъ письма свои на почту. Родные мои въ Москвѣ не знали, гдѣ насъ искать и, не находя въ Нижнемъ, не подозрѣвали подъ Пензой. Успокоивъ ихъ своими письмами, оставалось намъ проститься и сѣсть въ карету.

И такъ 25-го числа, послѣ ранняго обѣда, которой, какъ водится, назвали завтракомъ, поѣхали. Разставаніе наше съ хозяевами было чувствительно: они насъ и мы ихъ любили искренно. Кто знаетъ, не на всегда ли мы прощались? Одна эта мысль умножаетъ тоску всякой разлуки. Сколько ни старались мы для нихъ и для себя избѣжать проводъ, по пословицѣ: „Дальніе проводы— лишнія слезы“; сколько ни пили за здоровье другъ друга за столомъ, чтобъ затопить волненія душевныя, или менѣе къ нимъ быть чувствительнымъ. Нѣтъ! напрасно мы хотимъ удалять сердце отъ того, чего оно ищетъ, какъ ни сжимай его; что больше тѣснимъ, то ближе подходитъ къ глазамъ. Поплакали всѣ, обнялися, простились и, вырвавшись изъ взаимныхъ объятій, я первой побѣжалъ пѣшкомъ съ двора. По утру еще рано посѣтилъ я монументъ Евгеніи и оставилъ нѣсколько слезъ на той пядени земли, на которой имя ея здѣсь

вседневно повторяется добрыми людьми. Исполнивъ во всѣхъ отношеніяхъ посѣщеніемъ Рамзая давнишній мой обѣтъ сердечной, и оставляя деревню и домъ, уже не оглядывался назадъ, но, потупя глаза въ землю, перешелъ валъ, за которымъ лежитъ большая дорога, и о которомъ говорятъ, будто онъ насыпанъ былъ тутъ еще во время Татаръ. Мнѣ тогда было не до историческихъ сказокъ: какъ бы скорѣе уѣхать и меньше раздражать свои чувствительныя нервы! Хозяинъ, однако, шелъ за мною по пятамъ и настигъ меня у самой коляски. Еще разъ мы обнялись съ нимъ, пожелавъ другъ другу спокойной старости съ безмятежной кончиной. Чего больше желать, когда полвѣка прожито! Между тѣмъ наши дамы нагнали меня въ своей огромной каретѣ, я взялъ жену къ себѣ въ коляску, кучеру закричалъ: „Трогай!“ и мы помчались. Скоро столпъ черной пыли сокрылъ Рамзай отъ глазъ нашихъ. Такъ-то въ жизни часто приходится, послѣ многихъ случаевъ мимотекущихъ, закричать во слѣдъ имъ: „Только и видѣли!!!“

Далеко уѣхать до вечера время не позволяло. Мокшанъ проѣхали не останавливаясь, хотя и обѣщался было я у добраго и стараго моего Ассесора напиться чаю на обратномъ пути, но иногда не хотя солжешь; боялись плутать ночью по неизвѣстнымъ дорогамъ. Вездѣ проселки. Благодарность заставила остановиться у Госпожи Тургеневой. Рано отзавтракавъ у Загоскиныхъ, не лишнимъ нашли приглашеніе ея къ обѣду. Онъ былъ и готовъ. Тамъ сердце мѣшало желудку, а здѣсь онъ свободно занимался собой. Хорошія щи, добрая каша, густыя сливки, заставили насъ согласиться, что и животная наша жизнь способна доставлять намъ пріятныя наслажденія: поработавши зубами, сколько они могли труда вынести, наговорили тьму признательныхъ привѣтствій хозяйкѣ и, распростясь безъ восторговъ, съ толсты-

ми утробами поѣхали искать ночлега, гдѣ Богъ приведетъ. На бѣду лошадь увязла въ трясину. Плотина была узка, мы выскочили изъ экипажей, и приняли это за предсказаніе неудачъ: „Не передъ добромъ!“ всѣ закричали. Однако, вооружились мужествомъ, и хотя солнце нагибалось довольно низко къ ночи, не смотря ни на что, вытянулись изъ болота, и въ коляскѣ, сидя съ женой, стали дремать да поглядывать въ просонкахъ по сторонамъ.

МЕРЛИНКА.

Стало темнѣть, и мы сбились съ дороги, кучеръ заспался и погналъ не туда. По счастію, встрѣтился прохожій и, на вопросы наши, поворотилъ насъ назадъ верстъ пять. Мы колесили по проселкамъ, а индѣ полями, прежде нежели нашли прямой слѣдъ куда ни будь. Около 11 часовъ вечера примѣтили мы огни, и они казались къ намъ близко; по догадкамъ мы заключили, что это Мерлинка. Точно такъ! но надобно доѣхать. Чѣмъ далѣе насъ везли, тѣмъ сильнѣе мучила нетерпѣливость. Почти въ полночь мы пріѣхали къ Г. Враскому, котораго застали дома. Правда, что достигнуть до него стоило намъ труда большаго, но какое вознагражденіе! Одни только путешественники могутъ испытывать подобныя превращенія. За часъ назадъ мы не смѣли надѣяться на самую черную и скверную избу для отдохновенія. Вездѣ пространныя поля на пути нашемъ и того же намъ не обѣщали, какъ вдругъ мы очутились, такъ сказать, въ волшебномъ замкѣ. Мерлинка въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ тогда представилась, подлинно могла казаться Феинымъ дворцомъ. Я обѣщалъ ее описаніе, и приступлю къ оному. Говорить нечего о мѣстоположеніи: ни чего завиднаго. Пригорокъ, на которомъ домъ, надъ нимъ

садъ, за тѣмъ все поля и вездѣ жита, куда ни оглянись. Настоящая сельская роскошь. Дай Богъ многія лѣта и крѣпкія мышцы нашимъ хлѣбопашцамъ! По милости ихъ, мы живемъ какъ боги, и нѣжимся на подушкахъ. Домъ на Китайской вкусъ: строенъ давно и вновь передѣлывается. Хозяинъ хочетъ ему придать всѣ красоты новѣйшаго вкуса. Комнаты не широки, но высоты правильной. Простору много вездѣ. Съ какимъ удовольствіемъ глядѣлъ на все то, чѣмъ они наполнены! Кто не удивится, найдя за 1600 верстъ отъ Невы, ту же разборчивость въ вкусѣ, съ какою привѣтствуютъ Петербургскіе жители своихъ гостей, т.-е., когда симъ послѣднимъ до тѣхъ дѣла нѣтъ, подобно какъ мнѣ до Г. Враскаго. Во всѣхъ покояхъ прекрасныя картины, золотыя богатѣйшія рамы. Иная прокормила бы цѣлой мѣсяцъ нѣсколько душъ человѣческихъ, коихъ зовутъ дворовыми. Фарфоровыя вазы и чаши нарочитой величины, мраморныя подстолья, большія зеркала, бронзовыя канделабры. Чего тутъ нѣтъ? Все, все, что мы ищемъ въ столицахъ и у самыхъ знатныхъ господъ: всѣ комнаты освѣщены лампами, вездѣ свѣтло, ярко, игриво, хрусталь и зеркала по перемѣнкамъ отражаютъ огни въ кинкетахъ и заревомъ праздничнымъ освѣщали всѣ хоромы. Выскочить изъ коляски въ пыли, въ поту, ночью, и войтить въ такіе покои, не есть ли настоящее очарованіе? Но пора ужинать, гости устали, хозяинъ проситъ за столъ, извиняется, что на скору руку приготовили, что онъ никогда не ужинаетъ, боится, чтобъ мы не были голодны, словомъ сопровождаетъ свой ужинъ всѣми свѣтскими уловками, которыя бы я охотно простилъ всякому, естьли бы они не обращались въ коварство, когда становятся постояннымъ обычаемъ.

Столъ роскошной; насъ сѣло за ужинъ человѣкъ 8: хозяинъ съ сыномъ, наша артель и никого больше; услуга проворная, кушанья больше вдвое, нежели нужно было.

Поварня, какой, право, и въ Петербургѣ не у всякаго большаго барина увидишь. Вины найлучшія и вдоволь. Не напьешся пьянъ, но и не попросишь болѣе. Что мудренаго: хозяинъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, нанюхался тамошняго величаваго гостепріимства, пріучалъ поваровъ и людей своихъ въ лучшихъ домахъ. Мы ѣли такія кушанья, какія по вкусу ихъ только у двора подаются; ибо повара его были года два у тамошнихъ кухмистеровъ въ ученіи и съ большими успѣхами окончили курсъ поваренныхъ своихъ лекцій. Десертъ нарядной подъ колоколами; какая прекрасная посуда, хотя и не серебряная! какой фарфоръ, стекло столовое и прочее! Я видалъ много вельможъ, за столомъ обѣдывалъ у прожоръ, пивалъ съ роскошными питухами, но, по чести, такого тонкаго и разборчиваго вкуса мало видалъ въ этомъ родѣ, какъ у Г. Враскаго, которой, кажется, предпочитаетъ наслажденіе мамона многимъ другимъ, и ни чего не щадитъ, чтобъ за столомъ играть ролю знатнѣйшаго вельможи. Ночь провели спокойнѣйшимъ образомъ; утро принадлежало намъ и посвящено нѣгѣ, по тому что нельзя было, да и, правду сказать, не хотѣлось самимъ, безъ обѣда отсюда уѣхать. Мы приглашены будто позавтракать только, остается обѣдать: повтореніе того же, что происходило за ужиномъ: объядѣніе до сытости! Браво! Г. хозяинъ мастеръ угощать. Какъ охотно я забывалъ прежнія мои отношенія къ этому лицу и вступалъ въ новыя. Глядя на настоящую картину жизни нашей, я вспомнилъ и свои и чужіе стихи: въ одномъ изъ моихъ сочиненій по имени „Гулянки по избамъ", которое вылилось изъ пера моего въ досадную минуту, писано не чернилами, а желчью, и по тому никогда напечатано не будетъ, ибо я сатирикомъ ѣдкимъ бывалъ, къ несчастію, иногда, но только про себя, находятся слѣдующіе стихи:

А лучше всѣхъ изъ насъ Василій братъ живетъ,
Не дѣлать ничего, наушничить да бродить,
И, ходя по избамъ, бобами всѣмъ разводить.

Такъ я разсуждалъ о хозяинѣ Мерлинки, будучи съ нимъ вмѣстѣ въ службѣ 27 лѣтъ отъ роду. Признаться, такъ думаю и нынѣ въ 50. Онъ мужикъ умной, расчетливой, строгой хозяинъ, но любитъ Министерской тонъ, бесѣду барскую, величавость наружную. Онъ и въ халатѣ хочетъ походить на Канцлера. Разговоръ его—проповѣдь. Чистѣйшая мораль всегда на языкѣ. Правила и законы обратились у него въ пословицу: Катонъ словами, вельможа въ поступкахъ, но о душѣ помолчимъ; ибо нечувствительно попадешь изъ правды въ злословіе. Жалки тѣ люди, о коихъ говоря, сіи два слова выходятъ синонимы. Не знаю, щемитъ ли сердце его, когда онъ вспомнитъ, что доставило ему нынѣшнее благосостояніе, но для меня я радъ, что свелъ съ нимъ подъ старость знакомство, и естьли бы кто подивился, что, будучи съ нимъ такъ противоположенъ, какъ тростникъ и сосна, охотно къ нему ѣзжу, я бы отвѣчалъ прекраснымъ стихомъ Мольера въ „Мизантропѣ“, о подобномъ Лукуллѣ: „Вѣдь, ѣздятъ не къ нему, а къ повару его“.

ТѢ ЖЕ МѢСТА.

Поѣхавши отъ Г. Враскаго, завернули въ Литяги, гдѣ и напились чаю, дабы, подъ симъ предлогомъ, повременить у нихъ нѣсколько, потомъ плутали снова по проселкамъ и къ ночи очутились у Кашкарова. Гармонія роговой музыки плѣнила насъ вторично: я удивился, но не хвалилъ ея совершенства; она, это правда, что доведена до того, что можетъ разыгравать сонаты, концерты и самыя трудныя музыкальныя произведеніи. Это

прекрасно для другихъ инструментовъ, но для меня что пріятнаго въ томъ, что рога похожи на кларнетъ и скрыпку? Я люблю, чтобъ всякой инструментъ имѣлъ свой собственный звукъ, и роговая музыка, которая стройно играетъ на водѣ, или въ лѣсу, заунывную Русскую пѣсню, такъ что мелодія ея вкрадывается въ душу, гораздо утѣшительнѣе для моего слуха, нежели тогда, какъ я слышу въ комнатѣ на тѣхъ же рогахъ Гайденову симфонію. Но о вкусахъ спора нѣтъ! Такъ и рога всякой любитъ на свой манеръ: кто высокіе, а кто маленькіе.

Ѣхавши въ Рамзай, мы со всѣми здоровались, а теперь вездѣ прощались. Отправя ту же церемонію здѣсь 30 числа, завернули къ обѣду къ младшему сыну Г. Струйской. П. Н. молодой человѣкъ съ разсчетомъ, искусной хозяинъ, правитъ отдѣльную часть своего имѣнья найлучшимъ образомъ, живетъ просто, но хорошо и, какъ говорится, одинъ душою. Нѣтъ ни жены, ни дѣтей, столъ Русской, сытой. Нигдѣ я не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ вафель съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ краснымъ кабачкомъ. Рузаевка отъ него въ 12 верстахъ, и мы туда доѣхали къ вечеру. Здѣсь мы пробыли до 1 Сентября, почти двое сутки. Хозяева намъ были рады, и мы хотѣли подолѣе пробыть у нихъ безъ гостей, безъ шуму. Въ пріятномъ уединеніи провелъ я въ своемъ вкусѣ коротенькой этотъ лоскуточекъ времени; жаль, что не всегда можемъ мы наслаждаться тихою жизнію. Въ городахъ крайность, въ деревняхъ другая: тамъ всегда въ толпѣ, тутъ всегда одинъ. Я бы хотѣлъ средину, иногда то, иногда другое, бросаться въ народъ и уйтить въ кабинетъ, поскакать на балъ, и потомъ пріѣхать въ садъ, быть по перемѣнкамъ одинъ, и съ людьми; ибо постоянно и то и другое наскучитъ. Человѣкъ ищетъ перемѣны: когда солнце, луна, натура и все движущееся

ея требуетъ, то намъ ли умничать и думать, что для насъ разнообразность не имѣетъ прелестей. Пустое! Varietas delectat.

1-го Сентября хозяйка Рузаевки одарила насъ нѣсколькими сочиненіями и портретомъ своего супруга, и болѣе всего привлекла нашу признательность разборчивостію вниманія. Она оказала намъ самой нѣжной поступокъ, приказавъ отправить память по матери моей, и вспомня, что полгода въ этотъ день исполнилось ея кончинѣ. Безъ всякаго наружнаго великолѣпія, старой Священникъ отслужилъ обѣдню въ старомъ, но все еще прекрасномъ, храмѣ. Тамъ съ благоговѣніемъ молились всѣ предстоящіе о спасеніи души отъ насъ отшедшей, вспомня ея добродѣтели и Христіянское долготерпѣніе, пролили мы предъ Отцомъ Небеснымъ слезы умиленія, принесли ему въ жертву уныніе наше и печаль. Сытые монахи Донскаго монастыря (не хочу сказать вмѣстѣ и пьяные) никогда тѣхъ чувствъ не ощущаютъ надъ могилами нашими, какія и заочно одушевляли здѣсь каждаго изъ насъ. Отдавъ сей долгъ священной памяти матери моей, я присоединилъ къ нему тягость разлуки съ людьми, коихъ я люблю по влеченію свободнаго сердца. Мы отобѣдали въ Рузаевкѣ и поѣхали въ Саранскъ, облобызались искренно всѣ между собою, въ послѣдній разъ взглянулъ я на готическіе чертоги сего великолѣпнаго дома. Въ памяти моей они долго жить будутъ, но въ рядъ увижу ли ихъ еще разъ въ жизни. Госпожа Струйская, по древнему обычаю, обогатила насъ хлѣбомъ и солью, приказала на своихъ лошадяхъ отвезти въ Саранскъ, и у нея мы увидѣли, что есть еще коегдѣ на свѣтѣ старинное, безкорыстное гостепріимство предковъ нашихъ.

Въ Саранскѣ мы остановились на той же квартирѣ. Городъ былъ уже пустъ: ни слуху, ни духу объ ярмонкѣ. Игроки разъѣхались, все вошло въ обыкновенное свое

положеніе. Мы просидѣли вечеръ у Городничаго, разсказывали въ запуски, какъ провели время въ Рамзаѣ. Отужинали у него и на завтра собрались прежнимъ путемъ въ Нижній.

ЛУКОЯНОВЪ.

Между Починокъ и Саранскимъ дороги очень гористы, лошади попадались худыя, ѣхали долго и скучали. Въ той деревнѣ Князя Голицына, въ томъ же покоѣ, гдѣ, ѣхавши на ярмонку, ночевали, дозволили намъ нынѣ отобѣдать. Хозяина не было дома, какъ и прежде, и мы по своей волѣ не замѣшкались. Въ Починкахъ имѣли ночлегъ самой безпокойной, по тому что повозки наши съ постелями и прочимъ отстали, и не прежде доѣхали до насъ, какъ на другой день по утру. Мы остановились въ Питейной Конторѣ и хотя, по предстательству о насъ тамошняго откупщика, Соломона Михайловича Мартынова, велѣно было заранѣе отвести намъ въ ней лучшую горницу, однако можно вообразить, какъ мало тутъ угомону. Комнаты большія, но вездѣ одинъ воздухъ, т.-е., пивной и винной, на столахъ, на окошкахъ, битые штофы, кои свидѣтельствуютъ степень восторговъ здѣшнихъ обывателей; повѣренной — мужикъ дюжій, какъ обыкновенно бываютъ люди сего ремесла. Словомъ, кабакъ, не кабакъ, а немного лучше. Въ дорогѣ и то хорошо, но гдѣ взять постели? Спать на полу жестко. По счастію, жена и сестра волостнаго конюшеннаго смотрителя, дамы были вѣжливыя и любезныя, мы ихъ не знавали нигдѣ, но знакомства у нихъ общія были съ нами, и это насъ сблизило. Онѣ—Грузинки, и вся Прѣсня (въ Москвѣ) съ ними въ связи. Свѣдавъ о нашемъ пріѣздѣ и о нуждахъ нашихъ, прислали тюфяковъ, перинъ, и доставили намъ спокойной сонъ. Ночью лишь бы уснуть

на мягкомъ, а больше ни чего не надо. На завтра, рано по утру, онѣ насъ посѣтили сами. Мы потолковали о Москвѣ, и за приборомъ чайнымъ сравнивали жизнь столичную съ жизнію въ Починкахъ; разумѣется, что въ этомъ сравненіи Москва полной блескъ и торжество имѣла, не смотря на свои развалины. Поблагодаря сихъ услужливыхъ барынь за ихъ доброхотство, мы оставили Починки 13 числа, и собрались въ Лукояновъ ночевать, не имѣя надежды доѣхать на тамошнихъ лошадяхъ и по пескамъ до Арзамаса; а кромѣ сихъ двухъ городовъ, гдѣ бы насъ ночь ни постигла, все пришлось бы слать постель въ каретѣ. Худая спальня! И такъ мы, отобѣдавши въ мѣстечкѣ, называемомъ Василевъ Майданъ, Татарское урочище, пріѣхали часа за два до ночи, и очень за свѣтло еще въ Лукояновъ, гдѣ, безъ предварительнаго спросу, въѣхали прямо къ доброму нашему хозяину, Г. Городничему.

Городокъ ничтожной. Всѣ домы деревянные и недалеко отстали отъ избъ; людей мало, народу также; лучшая бесѣда въ домѣ Городничаго, у котораго жена—дама словохотливая, но, переговоря объ ярмонкѣ и товарахъ, сложи руки да и сиди. Вечеръ нашъ былъ длиненъ. Усталь препятствовала гулять по улицамъ; да и чего смотрѣть? Воздухъ достаточной мѣрой проходилъ къ намъ въ окошки. Такія мѣста для жителей, по мнѣнію моему, хуже глухой деревни. Тамъ, по крайней мѣрѣ, хозяинъ одинъ безъ докукъ постороннихъ, занимается своимъ хозяйствомъ, ходитъ по лугамъ, коситъ, жнетъ, забавляетъ челядинцовъ своихъ, и счастливъ ихъ удовольствіемъ. Собственность, сіе сладкое ощущеніе природы во всякомъ человѣкѣ, въ міръ грядущемъ, замѣняетъ всѣ прочіе недостатки нѣги и роскоши и гонитъ прочь скуку съ ея подругами, меланхоліей и унылостію. Въ городкѣ все напротивъ: занятій ни какихъ: походишь по городу,

да и полно. Служба наполняетъ только утро. Въ полдень хозяинъ отобѣдалъ, соснулъ, вышелъ на цѣлый вечеръ въ цвѣтничекъ, или на курганчикъ, напился чаю, да и зѣвай до сумерекъ. А лѣтомъ они нескоро поспѣваютъ на выручку. Сверхъ того, тамъ есть свои этикеты, чины, сплетни, пересуды, даже и драки. Какое увеселеніе, и прямо чувствительное иногда, по тому что синева на тѣлѣ суть весьма патетическія клеймы короткаго обращенія! Лукояновъ пользуется пріятнымъ сосѣдствомъ: въ 4 верстахъ отъ города живетъ, въ своей деревнѣ, Г. Мерлина, дама среднихъ лѣтъ, вдова бывшаго при мнѣ въ Пензѣ препьянаго Ассесора въ Казенной Палатѣ и невѣстка родная Г. Враскаго, Воеводы Мерлинки. Я съ ней бывалъ по всѣмъ симъ отношеніямъ знакомъ, но не искалъ возобновить ихъ. У нея отличная фабрика шалевая, ихъ ткутъ особеннымъ манеромъ. Онѣ во всей Россіи извѣстны, ихъ славятъ даже въ столицахъ, и онѣ до того громки и цѣнны, что нѣкто Коленкуръ, Французской Посланникъ у Двора Россійскаго, торговалъ на ея фабрикѣ превосходной работы шаль, будто бы для жены Наполеона, и давалъ за нея до 10 тысячъ, но Госпожа Мерлина, какъ патріотка, не захотѣла выпустить въ чужое Государство домашняго сего издѣлья. Не знаю, весело ли тѣмъ, кои вырабатываютъ шали и платки, но знаю, что любо смотрѣть на ихъ труды: какое мягкое полотно! какія живыя краски! какіе замысловатые узоры: все въ совершенствѣ. И послѣ скажутъ въ Парижѣ, что мы дики, необразованы, а въ Лондонѣ, что у насъ нѣтъ ума изобрѣтательнаго, нѣтъ искуства! Оставьте насъ, какъ мы есть, Господа иностранцы! Мы право вамъ ни въ чемъ не уступимъ: у насъ руки гибкія, земля богатая, народъ покорной: чего съ этѣмъ не выдумаешь? Было бы кому налаживать добрую волю.

. . . .

ГЕНЕРАЛЪ ПЛѢННОЙ.

Въ Лукояновѣ находился подъ присмотромъ бригадной Генералъ Gauderin, взятой въ плѣнъ въ расплохъ на границахъ Россійскихъ, при побѣгѣ непріятеля изъ Москвы. Онъ имѣлъ позволеніе отъ тутошняго Городничаго жить въ деревнѣ у Госпожи Мерлиной. Привезенъ будучи сюда очень болѣнъ, не найдя ни лѣкаря порядочнаго, ни золотника лѣкарства, взятъ этой помѣщицей на свои руки, вылѣченъ ея попеченіемъ и, познакомясь съ нею, раздѣлялъ съ ея семействомъ время своего заключенія. Днемъ обучалъ дѣтей языку Французскому, а утромъ и вечеромъ занимался садовыми трудами. Многіе осуждали и обносили клеветой такое снисхожденіе къ иноплеменнику, да еще и къ Французу. Я, съ моей стороны, будучи другъ человѣчества подъ всякимъ наименованіемъ и всякой краской, нахожу въ ея поступкѣ черту благородную и прямо Христіянскую, но не о томъ дѣло.

Мнѣ хотѣлось съ этѣмъ Генераломъ видѣться; въ Лукояновѣ много можетъ быть добрыхъ людей; но поелику съ людьми только добрыми часто бываетъ очень скучно, по тому что для бесѣды общей и обыкновенной болѣе нужны умъ, острота и познаніе, чѣмъ качества души, которыхъ требуетъ сообщеніе дружеское и откровенное, точно такъ какъ для концерта ищется хорошій музыкантъ, хотя бъ онъ былъ и скаредъ, то я и просилъ Городничаго доставить мнѣ свиданье съ плѣннымъ Генераломъ, дабы удовлетворить самому естественному только любопытству. За нимъ послали карету. Онъ тотчасъ пріѣхалъ, и я просидѣлъ съ нимъ весь вечеръ. Вотъ каковъ онъ мнѣ показался:

Генералъ-Маіоръ по нашему, Г. Gauderin человѣкъ уже не молодой и не очень старой, худощавъ, большаго

роста, лицомъ нехорошъ, одѣтъ въ шитой мундиръ и нѣсколько поношеной. Опрятства стараго Французскаго ни малѣйшихъ не замѣтилъ я признаковъ, обращеніе самое площадное, солдатское: гдѣ и выучиться другому? Въ казармахъ у Наполеона воспитаніе военныхъ чиновъ, я думаю, не очень красиво. Онъ не умѣлъ ни представиться, ни сѣсть порядочно, ни рѣчь начать съ кѣмъ либо изъ насъ. Поцаловалъ руку у жены моей очень отрывисто, и вытянулся предо мной какъ хлыстъ. Осмотрѣвшись, онъ повелъ разговоръ довольно смѣло и свободно. Ни слова не позволяя себѣ лишняго для Русскихъ ушей, онъ предупреждалъ осторожно всякую колкость и для своихъ. Не бранилъ ни кого, не притакивалъ ни чего чужаго, и не вызывался льстивымъ образомъ на побранку своихъ обычаевъ. Бесѣда между нами была историческая. Говорили о началѣ кампаніи, о послѣдствіяхъ ея до того времени, о выгодахъ и ущербахъ Французскаго войска, о промышленности Франціи, о законахъ, роскоши, успѣхахъ въ нѣкоторыхъ наукахъ и проч. Онъ не хвасталъ, и тѣмъ съ большимъ любопытствомъ я его слушалъ. По словамъ его, онъ находился въ авангардѣ у Мюрата, и съ передовыми отрядами войдя въ Москву, прошелъ сквозь оную и снова былъ въ дѣлѣ въ послѣдующихъ сраженіяхъ. Онъ служилъ въ арміи въ послѣднее время Людовика XVI, и съ тѣхъ поръ не покидалъ меча. Кажется, что онъ забіяка у нихъ не послѣдній, и дѣло свое хорошо знаетъ. Бывалъ битъ, раненъ, но въ полонъ попался въ первой разъ и схваченъ Казаками на квартирѣ нечаянно, безъ драки; судя объ немъ по его разговору, я заключить могъ, что онъ не вовсе преданъ своему Кесарю, но большой энтузіастъ военной его славы. Любитъ его какъ солдата, ненавидитъ какъ Царя. Впрочемъ, онъ довольно свѣдущъ о своемъ Государствѣ, смышленъ въ политическихъ сообра-

женіяхъ, способенъ предвидѣть худое послѣдствіе и остановить его причину. Но худой гость между женщинъ, никакой въ немъ нѣтъ пріятности, уловки капральскія, привѣтствія общенародны. Ни одного остраго словца во весь вечеръ. Пасмуренъ больше, нежели смѣшливъ, минутой веселъ, и часомъ важенъ. Любитъ пошутить, но не умѣетъ. Таковъ мнѣ показался Gauderin. Я очень доволенъ былъ моимъ вечеромъ, по тому что, говоря съ нимъ безпрерывно о предметахъ серіозныхъ и съ размышленіемъ, я гораздо опытнѣе уѣхалъ изъ Лукоянова, нежели бы, просидѣвши отъ вечеренъ до ночи, глазъ на глазъ съ семействомъ Г. Городничаго, наслушался отъ него о Лукояновскихъ торгахъ, сплетняхъ и Присутственныхъ развалинахъ. Но дамы наши во всю бесѣду очень часто зѣвали, особливо барышни.

Этотъ Французъ былъ не изъ тѣхъ душистыхъ существъ, кои съ красными каблучками подходятъ къ дамамъ на цыпочкахъ и говорятъ съ ними о шитыхъ накладкахъ. По его исповѣди, буде она искренна, онъ получалъ дома, т. е., въ арміи 26 тысячъ ливровъ жалованія, что составитъ по нынѣшнему курсу почти столько же нашихъ рублей. Здѣсь ему выдаютъ помнится по 3 р. на день мѣдью, при немъ поваръ и двое слугъ другихъ или деньщиковъ, съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ попавшихся, изъ которыхъ одинъ учитъ дѣтей Городничаго по Французски, служитъ ему въ домѣ, смотритъ, за чѣмъ прикажутъ, и хозяева имъ очень довольны. Плѣнной Генералъ доставилъ намъ, по знакомству съ Г. Мерлиной, случай видѣть лучшія шали домашняго ея рукодѣлья. Онъ нѣкоторыя привозилъ съ собой: и дѣйствительно работа ихъ превосходная, но не по нашимъ деньгамъ была такая роскошь. Мы поблагодарили за показъ, и съ нимъ же назадъ отправили. Онъ съ нами отужиналъ и простился. Вѣроятно, что ужь мы съ нимъ нигдѣ въ жизни

не встрѣтимся. Для будущаго это не потеря, а для настоящаго вечера въ Лукояновѣ, я вспомню его всегда, какъ пріятную находку на пути своемъ. Больше объ Лукояновѣ говорить нечего: все тутъ.

АРЗАМАСКАЯ СУМЯТИЦА.

Изъ Лукоянова поѣхавши рано, остановились тамъ же, гдѣ и прежде, въ деревнѣ Шаткахъ, и тутъ, на половинѣ дороги отъ Нижняго, обѣдали; къ вечеру, проѣхавши еще 30 верстъ, очутились въ Арзамасѣ, но, вмѣсто прежней квартиры, въѣхали къ Стряпчему въ домъ. Семейство весьма услужливое. Мужъ — человѣкъ молодой еще, но умной и, что всего мудренѣе, съ хорошими правилами въ такомъ низкомъ мѣстѣ. Разговоръ съ нимъ ни мало не скученъ. Онъ хорошо учился, имѣетъ пріятныя познанія. Странно было бы панигирикъ писать Уѣзднаго Стряпчаго, но коротко скажу, что я въ первой разъ еще въ такомъ слоѣ людей встрѣчалъ человѣка съ его качествами; жена у него хозяйка хорошая, Русская женщина безъ всякихъ фигуръ. Мы у нихъ ужинали и ночевали.

Здѣсь произошла въ городѣ изрядная суматоха, о которой подробно намъ разсказали слѣдующее: Въ Арзамасъ прислано человѣкъ 80 плѣнныхъ Французовъ, большею частію Штабъ или Оберъ-Офицеровъ. Находится между ими одинъ и Полковникъ. Всѣ они по волѣ гуляли въ городѣ, и за ними надзоръ порученъ былъ Городничему: мужикъ очень обстоятельной, пожилой и 20 слишкомъ лѣтъ уже правитъ эту должность; слѣдовательно, казалось бы, и выучиться должно своему ремеслу. Но полиція внутренняя сдѣлалась по новому образованію гораздо дѣятельнѣе, но средства ея остались

тѣ же. Г. Юрловъ часто находилъ затрудненіе быть столько исправнымъ, сколько начинали отъ него требовать. Извѣстно, что 12 человѣкъ Ст. Ком., и тѣ подъ особымъ начальствомъ, съ которымъ надобно слаживать на бумагѣ, немного способствовать удобны строгому распоряженію благочинія. Они же болѣе, или менѣе, уже изувѣчены бываютъ отъ прежней военной службы, и не очень поворотливы. Плѣннымъ вздумалось подурачиться. Одинъ Французъ, долго содержавшій пансіонъ въ Москвѣ и оставя ее, въ общій побѣгъ всѣхъ жителей, бросился сюда, нанялъ домъ, собралъ своихъ учениковъ и въ Арзамазѣ тотъ же пансіонъ возобновилъ. Сынъ его старшій, отважнаго духу мальчикъ, подружился съ нѣсколькими Офицерами своей отчизны, и въ одинъ день разсудили попроказить. Сошлись въ трактиръ, перепились: пьяному море по колѣно; слово за словомъ, начались соблазнительныя поговорки. Надобно было унять. Квартальной подслушалъ, донесъ Городничему. Тотъ вломился въ гербергъ. Сталъ уговаривать. Не тутъто было! Мои Французы вспѣтушились и кулаками зачали доказывать Господину Городничему, что право всегда на сторонѣ того, у кого физическая и множественная сила: побили его порядочно, и разошлись просыпаться по квартирамъ. Что изъ этого вышло потомъ, не знаю и не любопытствовалъ, но всѣ объ этомъ въ Губерніи долго и много толковали: кто дивился, кто ужасался, а я находилъ, что это очень естественно. Когда 80 человѣкъ головорѣзовъ сведутъ въ одинъ городокъ и поручатъ присмотру нѣсколькихъ калѣкъ, то, кажется, другого послѣдствія и ожидать не должно. Кто безъ ума и безъ разума способенъ кидаться, какъ бѣшенной, на ядры, тотъ въ кабакѣ ни кого не пощадитъ. Съ солдатами должно обходиться, какъ съ Датскими собаками. Этѣхъ на день сажаютъ на цѣпь, а ночью выпускаютъ,

чтобъ чужой не забрался на дворъ: такъ и войска въ мирное время: отними ружье, да запри покрѣпче, а на штурмъ посылай съ ножами, да раздразни порядочно!

Вечеръ былъ хорошъ, мы прошлись по улицамъ, заходили къ живописцу и, по милости хозяина, недолго дожидаясь лошадей, по утру рано выѣхали.

ОПЯТЬ НИЖНІЙ.

Погода была хороша, но пески насъ замучили, къ тому же и колесо у кареты изломалось. Надобно было чинить, а карета не перекидная телѣга: на всей этой дорогѣ не найдешь порядочнаго кузнеца, который бы шину сварилъ. И такъ, отъѣхавъ 54 версты отъ Арзамаса, стали въ Богоявленскомъ, селѣ Князя Грузинскаго, Воеводы Лыскова и прочихъ многихъ областей. Тутъ обѣдали и, за болѣзнію нашей кареты, принуждены были переждать до завтра. Скучно! досадно! а, дѣлать нечего, остались. Еще досаднѣе было, когда узнали послѣ въ Нижнемъ, что въ самой этотъ день былъ прекрасной праздникъ у Вице-Губернатора, на которой мы не поспѣли. Бѣдныя барышни! Одинъ балъ меньше въ жизни. Это то же для нихъ, что для банкира 100 тысячъ гиней убытку. Отвели намъ для гощенія приказную избу. Подъ этимъ именемъ разумѣются въ деревняхъ лучшія и пространнѣйшія избы, хотя и онѣ бываютъ столько же ветхи мѣстами, какъ и Присутственныя зданія въ городахъ.

Въ этомъ парламентѣ Князя Грузинскаго разбираются вотчинныя его дѣла, жалобы, тяжбы, налоги и проч. Конституція Его Свѣтлости для меня всѣхъ короче и вразумительнѣе. Она состоитъ въ томъ, чтобъ спорющихся мирить, а не хотятъ, такъ бить. Логика естествен-

ная и премудрая! Президентъ этого грознаго судилища, тутошній Земской, или Бурмистръ (титло его не приходитъ на память), перенесъ свои бумажонки въ чуланъ, а намъ опросталъ трибунальную свою палату, въ которой мы по неволѣ умѣстились. Тараканы, неизбѣжная компанія въ Русскихъ квартирахъ, зачали къ намъ выпалзывать изъ стѣнъ, и хотя инымъ изъ насъ они страшны, другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, только что гнусны, однако, надобно было или тутъ спать или на дворѣ. Вечеръ былъ длиненъ, дѣвать его некуда, ходили по деревнѣ много, описывать нечего; и такъ поговорю съ читателемъ здѣсь, на досугѣ, чтобъ не очень укоротить главы, о томъ, чего онъ еще не знаетъ. Разставшись съ Москвой, я назначилъ мѣсто, куда къ себѣ писать оставшимся моимъ домашнимъ. Порядочно и въ свое время доходили ко мнѣ всѣ ихъ письма, ни одно не пропало. Я съ удовольствіемъ извѣщался о благосостояніи ближнихъ моихъ. Безъ меня дѣти были всѣ здоровы и ждали насъ нетерпѣливо въ Никольскомъ; по ихъ перепискѣ видѣлъ я, что и мои грамоты до нихъ доходили: и такъ отдаленіе мое отъ своего обиталища не отнимало у меня того удовольствія, безъ котораго и въ Парижѣ всѣ забавы тамошнія имѣли бы для меня недостатокъ. Что лежитъ до политическихъ новостей, признаюсь, что онѣ меня занимаютъ развѣ только тогда, когда мнѣ большой досугъ, а на это пожаловаться не могу, хотя занятія мои не блистательны, но для меня все они занятія, и я очень рѣдко похищаю у нихъ нѣсколько минутъ на новости. Въ пути я чаще могъ въ нихъ углубляться, во всякомъ городѣ находилъ то тѣ, то другіе, журналы; радовался, какъ увижу, что плотно бьютъ Наполеона, и приговаривалъ тихомолкомъ: „Ништо тебѣ, злодѣй! Почто ходилъ въ Москву, за чѣмъ вытаскалъ мои книги, и лишилъ меня драгоцѣннѣйшаго моего сокровища подъ

старость! Ништо тебѣ, еще разъ!“ Побраню его, и отдамъ листы хозяину. Такимъ образомъ я не удалялся отъ театра происшествій и благодарилъ Бога, что судьба ни мнѣ, ни очень ближнимъ моимъ, не раздала ни какихъ ролей въ той ужасной трагедіи, которая тогда разыгрывалась въ Саксонской труппѣ. Наконецъ карету нашу коекакъ до Нижняго слѣпили, и мы назавтра отправились довольно рано, чтобъ пріѣхать въ Нижній къ обѣду. Но прежде этого, проѣзжая славныя Бугры, гдѣ мы ночевали въ каретахъ, мы остановились тутъ и позавтракали на чистомъ воздухѣ. Между тѣмъ перемѣнили намъ лошадей, дали свѣжихъ, а я всячески старался, какъ можно живѣй вспомнить наше здѣсь приключеніе, дабы во всемъ Нижнемъ городѣ разблаговѣстить съ жаромъ, что въ Буграхъ нѣтъ ни квартиръ, ни ресторацій, ни кофейнаго дома, такъ какъ, на примѣръ, подъѣзжая къ Одессѣ, въ трактирѣ Дофине, одно имя въ восторгъ приводитъ! Не правда ли, господа поклонники моды? Это напоминаетъ мнѣ одинъ счастливой стихъ въ несчастномъ сочиненіи:

Что нужды, что гола, да только бы Мадамъ!!!

НИЖНІЙ.

Пріѣхавши сюда 7-го числа и проживши до 16-го, я передамъ читателю все то, что видѣлъ, съ моими примѣчаніями. Хотя я нѣкоторыхъ предметовъ коснулся въ предшествовавшихъ листахъ, но, за пустотой города, еще не все описалъ, о чемъ побесѣдовать можно безъ скуки съ товарищемъ, которой не видалъ Нижняго. Въ настоящее время моего пріѣзда городъ уже былъ наполненъ своими жителями, всѣ воротились съ ярмонки и театръ на зимнемъ положеніи открылся. Губернаторъ

и прочія власти съѣхались. Начался родъ жизни обыкновенной.

Городъ со всѣхъ къ нему путей представляетъ видъ не соотвѣтствующій ни мало его положенію, стоя надъ рѣками Окой и Волгой, кои вѣнчаютъ свои волны подъ самой стѣной города. Онъ разбитъ на высотѣ красивой, но дурно обстроенъ. Мало хорошихъ зданій, мало огромныхъ церквей, и отъ того картина города обманываетъ воображеніе, которое прежде, нежели во внутренность его пріѣдешь, сулитъ большія прелести. Ожидаешь отъ горы надъ первыми въ Государствѣ рѣками изумительныхъ видовъ, а у заставъ найдешь все обыкновеннымъ. Изъ древнихъ строеній примѣтить можно издалече одинъ только соборъ и каменную городовую стѣну. Гостиной дворъ каменной, но наружности не важной. Присутственныя Мѣста, сгорѣвши не за долго предъ симъ, уподобляются развалинамъ Московскимъ. Сквозныя стѣны и голыя трубы со всею мерзостію запустѣнія портятъ лучшую площадь въ городѣ. Улицъ много: довольно правильно вытянуты. Лучшій домъ деревянной съ каменнымъ пополамъ, принадлежитъ В. Г.: онъ его собственной, великъ съ наружи и со вкусомъ отдѣланъ внутри. Губернаторъ живетъ въ казенномъ домѣ, деревянномъ же. Театръ выстроенъ деревянной заново и довольно хорошъ для города. Архіерейской домъ каменный, съ большой усадьбой, и на видномъ мѣстѣ для жителя, но не для города, по тому что онъ глубоко закрытъ въ широкой аллеи и за многими улицами, слѣдовательно, мало примѣтенъ въ центрѣ города. Ѣхавши въ комедію, дорога лежитъ мимо его, какъ будто для того, чтобъ и забавы требовали мимоѣздомъ пастырскаго благословенія.

Но какъ бы посредственъ ни былъ городъ, вода всегда придаетъ ему славу быть лучшимъ изъ городовъ Россійскихъ. Рѣчныя устремленія веселятъ градъ Божій.

Покрытая судами Волга наполняетъ Нижній множествомъ рабочаго народа. Торговля и промыслы оживотворяютъ его. Мало выгодъ для общества благороднаго. Тотъ же въ немъ родъ жизни, какъ во многихъ другихъ Губерніяхъ, съ нѣкоторыми мелочными оттѣнками; впрочемъ, та же скука, тотъ же недостатокъ роскошнаго вкуса въ принятомъ общежитіи; народъ напротивъ: чернь съ избыткомъ своимъ добромъ наслаждается. Бурлаковъ пропасть, все привозится, отвозится и торгъ значительные обороты въ деньгахъ приноситъ. Купли выгодны, заготовленія дешевы, монета свободна. Воздухъ здоровъ, вода свѣжа, пища добрая. Рыба превосходная, всегда можно достать и стерлядь и осетра живыхъ: онѣ плаваютъ въ особыхъ садкахъ, кои я ѣздилъ смотрѣть и кои заслуживаютъ любопытство. Тамъ богатой баринъ могъ бы въ постной день накормить дюжину Архіереевъ, не заимствуя ни чего отъ куръ и коровъ. Волга съ Окой все дадутъ, былъ бы аппетитъ! Великой благодѣтель жизни животной:

Когда онъ то насъ покинетъ—
Настоящая бѣда,
Пусть вселенная вся гинетъ,
Коль наскучила ѣда!

МОЯ ПІЕСА.

Въ Нижнемъ, съ Сентября мѣсяца и до Макарьевской ярмонки, даются, по три раза въ недѣлю, театральныя представленія разнаго рода, и я ни одного не пропускалъ. Ложи въ два ряда, и надъ ними раекъ, внизу кресла, а передъ ними нѣсколько лавокъ для партера. Сей порядокъ, несходной съ прочими театрами, гдѣ партеръ за креслами, имѣетъ свою разумную причину: во пер-

выхъ, сцена освѣщается саломъ и слишкомъ близка къ зрителямъ, и по тому чѣмъ далѣе въ глубинѣ сидишь театра, тѣмъ меньше страждетъ обоняніе и болѣе удовлетворяетъ оптика. Оттѣнки сіи гораздо чувствительнѣе для людей благородныхъ, нежели для Нижегородскихъ рядовичей и подъячихъ, коими наполняется партеръ для усиленія дохода; кресла очень сжаты, и это нѣсколько тѣснитъ зрителя. Но пропустимъ такія мелочи: и въ самыхъ лучшихъ театрахъ не все соблюдено къ полному удовольствію публики. При насъ играли слѣдующія комедіи: Бобыля, Чудаковъ, Отца семейства, и Эпиграмму. Я ни одного зрѣлища не пропустилъ, театръ всегда полонъ. Ложи и кресла разбираются погодно. Публика очень любитъ эту забаву, актеры иногда играютъ лучше, иногда хуже, но почти всегда только что сносно; призракъ соблюденъ по возможности, комической актеръ одинъ удачно отправляетъ свое мастерство и весьма нравится жителямъ. Они часто его выкликаютъ и бьютъ въ ладоши съ восхищеніемъ. Изъ актрисъ трудно какую ни будь замѣтить. Одѣты всегда хорошо, прилично, согласно съ характерами своихъ ролей. Мѣщанку не увидишь въ театрѣ въ левантинѣ съ шлейфомъ, или даму благородную въ стамедной робѣ, какъ иногда и не въ Нижнемъ примѣчать удавалось. Говоря безъ излишества въ критикѣ, а справедливо, театръ Нижегородской лучше многихъ такихъ же въ Россіи, и, при недостаткѣ забавъ всякаго рода, какой чувствуется вообще въ городахъ нашихъ Губернскихъ, очень весело имѣть три раза въ недѣлю случай съѣзжаться съ людьми въ это публичное мѣсто. Главное неудобство состоитъ въ томъ, что нельзя часто давать новые спектакли: репертуаръ почти всегда одинъ и тотъ же, иныя комедіи такъ часто повторяются въ зиму, что, кромѣ свиданія съ людьми, почти нѣтъ причины для самой комедіи пріѣзжать въ театръ. Всѣ

роли зрителямъ знакомы, всякой изъ нихъ знаетъ, кто и какъ сыграетъ. Но поелику люди въ креслахъ, въ ложахъ, даже и въ партерѣ, все тѣ же и тѣ же, то единообразность за завѣсомъ не должна казаться слишкомъ скучною.

При насъ давали оперу: „Любовнаго волшебства.“ Я ее оставилъ на закуску, дабы поговорить объ ней побольше; ибо, сочинивъ ее самъ, имѣю на критику свободное право. Начну тѣмъ, что это—горячка, которой бы я отнюдь не выпустилъ въ свѣтъ, естьли бъ обстоятельства мои въ то время, какъ я ее написалъ, не извинили моего чванства. До обстоятельствъ ни кому дѣла нѣтъ, я могу объ нихъ молчать, тѣмъ болѣе, что, объявляя самъ, что опера моя никуда не годится, охотно позволяю всякому цѣнить ее, какъ угодно. Она напечатана и продается въ Москвѣ: кто хочетъ ознакомиться съ этой нелѣпицей театральной, тотъ можетъ за рубль достать ее у Готье въ лавкѣ и нахохотаться на счетъ сочинителя до сыта. Она родилась въ 1799 году, наполнена чудесныхъ событій, и превращенія возобновляются во всякомъ почти явленіи. Боги безпрестанно летаютъ съ верху въ низъ, съ низу въ верхъ, земля и небо въ движеніи, лѣса раступаются, зданія ходятъ и бѣсенки выростаютъ изъ земли, какъ колосъ изъ зерна. Все чрезъестественно, и по тому названа волшебствомъ. Всякой отгадаетъ, что для такой комедіи нужны большія издержки; по этой причинѣ я никогда не смѣлъ отдать ее на Московской театръ, чтобъ не обанкрутить содержателя, естьли бы онъ всѣ мои затѣи захотѣлъ скрасить роскошнымъ иждивеніемъ. Хоры и пѣсни были дѣланы на извѣстныя аріи, коихъ, однако, собрать я не трудился, и приложилъ только реестръ, которой потребовалъ бы покупки многихъ пѣсенниковъ и другихъ оперъ, чтобъ дать жизнь моему сочиненію на театрѣ. Къ особенному моему счастію, или

несчастію, попалась опера въ руки Князя Шаховскаго; онъ ее соизволилъ изуродовать въ досталь: отсѣкъ нѣсколько явленій, сократилъ чудеса, выпустилъ иныя аріи, словомъ скроилъ чужой кафтанъ по своей мѣркѣ, и разсудилъ дать ее на Нижегородскомъ театрѣ. Музыку сочинялъ его музыкантъ. Опера полюбилась, зачали ее играть и даже часто. По особенному вліянію благопріятной судьбы, піеса скупилась и попала на всегда въ репертуаръ, а мнѣ присланъ былъ тогда же раскрашеной билетъ съ разными аттрибутами и надписью: „Для входа въ Нижегородской театръ вездѣ.“ Карточка была со мной. Когда увидѣлъ я „Любовное волшебство“ въ афишѣ, то, разумѣется, не пропустилъ случая посмотрѣть на свое дитятко въ чужихъ людяхъ. Для домашнихъ нанялъ ложу за условную цѣну, а самъ, въ надеждѣ на надпись своего билета, не платя ни чего, явился въ назначенной часъ въ театръ. Первой обманъ для меня былъ тотъ, что, вмѣсто вездѣ, мнѣ указали во второмъ ряду кресла № 53, и я на нихъ присѣлъ. Ни кто такъ нетерпѣливо не ожидалъ симфоніи, какъ я, заигралъ оркестръ, и съ той минуты все сдѣлалось для меня любопытно. Поднялась занавѣсъ. Начали актеры трелюдиться, и все пошло на выворотъ. Въ сочиненіи представленъ сѣнокосъ, косцы поютъ хоръ. Тутъ я увидѣлъ макъ на дощечкахъ, которой мужики пощипали и вынесли его съ досками вонъ. По этому началу оставалось отгадывать и послѣдствіе. Не худа, думалъ я, выдумка театральной дирекціи. Макъ приготовляетъ ко сну, а опера должна продолжить его непремѣнно. Не смотря на уменьшеніе многихъ волшебствъ, все еще оставалось ихъ въ двое больше, нежели надобно для хорошенькой піесы. Музыка сочинена еще лучше оперы: въ ней шуму нѣтъ конца, инструменты не поспѣваютъ одинъ за другимъ переливать назначенныя трели. Сочи-

нитель ея, конечно, не хотѣлъ отъ меня отстать въ выдумкѣ дурачествъ. Актеры волновались поминутно. Музыканты упирались всей бородой въ скрыпку и, тряся смычкомъ, какъ плетью, насилу догоняли капельмейстера, которой, какъ въ набатъ, ударялъ своимъ компасомъ на налойчикъ для такты. Суфлеръ въ поту поминутно кричалъ: „Мѣняй декорацію!", а машинистъ въ мылѣ, какъ почтовая лошадь, не зналъ, куда бѣжать напередъ, чтобъ или лѣсъ спрятать, или опять его выставить. Буффа, которой игралъ ролю Весельчака, забавлялъ чрезвычайно своими тѣлодвиженіями; словомъ, экзекуція соотвѣтствовала произведенію. Окончательное волшебство, состоящее въ томъ, что представляетъ внезапу чертогъ Венеры и Амуръ садится на изумрудной тронъ, было исполнено прекрасно: и дѣйствительно, кабы пьеса была получше, то машинисту можно бы было дать на водку за труды. Публика, однако, любовалась на все зрѣлище вообще и, сколько могъ я замѣтить изъ минъ господъ зрителей, будучи ими гораздо болѣе занятъ, чѣмъ зрѣлищемъ, видно, что моя опера не несчастлива въ Нижнемъ, и что ее долго еще играть будутъ въ удовольствіе тамошнихъ охотниковъ, и дай Аполлонъ моему театральному подкидышу много лѣтъ здраствовать! Чувствительно поблагодаря Князя Шаховскаго за его ко мнѣ вниманіе и ласку, я, пріѣхавши домой, отъ всего сердца хохоталъ надъ собой, какъ сочинителемъ, и надъ моими тиранами, которые открыли необыкновенной опытъ изъ дурацкаго произведенія сдѣлать еще что глупѣе, и подъ названіемъ оперы, представлять изумленному зрителю такую сумятицу, во время которой никому ни изъ движущихся, ни изъ сидящихъ тварей, образумиться нельзя на одну минуту. То-то и хорошо! Браво! Брависсимо!

ЗНАКОМСТВО.

Какъ ни старался я съ утра до вечера быть между родными своими, но приличія свѣтскія, которыя еще болѣе наблюдаются въ городахъ Губернскихъ, чѣмъ въ столицахъ, принуждали меня знакомиться и выѣзжать въ разные дома, для провожденія времени съ людьми, для меня со всѣмъ сторонними. Встрѣчались, однако, между ими и старыя знакомыя; такъ, на примѣръ, начиная повѣсть мою съ нихъ:

Обѣдалъ я у Соломона Михайловича Мартынова. Онъ женатъ на любезной дѣвушкѣ, которая воспиталась у родни своей, Генерала Шереметева. Нижегородская Губернія вся у него на откупу. Это сдѣлало его тутошнимъ жителемъ. Онъ купилъ большой домъ на лучшемъ мѣстѣ города, и очень его увеличилъ новыми пристройками. Садъ его и горы на берегу Волги даютъ идею о положеніи того самого мѣста, въ которомъ мы квартировали въ Одессѣ, съ той ужасной разницею, что тамъ поражало взглядъ Черное море, а здѣсь только Волга, впрочемъ, мѣсто превосходное въ городѣ, и для лѣта наполнено прелестей. Хозяева люди хорошіе, старые мои друзья, т. е., мужъ, а жену я нынѣ только узналъ. Они оба очень гостепріимны, оказали намъ всѣ желаемыя пріязни, и мы съ ними укоренили знакомство не между себя двумя только, но между домами нашими. Былъ на имянинахъ у Ильина. Старикъ Статскій Совѣтникъ и первой членъ Макаріевской Конторы, въ которой служа, онъ получилъ два знака отличія. Бѣдной этотъ человѣкъ былъ еще Городничимъ въ Шуѣ, когда я пріѣхалъ править Владимірской Губерніей. Должность эта была не по немъ, особливо въ тамошнемъ городѣ, гдѣ все, что называется, удальцы. Я совѣтовалъ ему, не дожидаясь бѣды, искать другой должности. Онъ какъ-то

попалъ сюда въ Казенную Палату, потомъ въ Строительную Контору и, кажется, не тужитъ уже о потерѣ прежняго своего мѣста: вездѣ люди хлѣбъ ѣдятъ, вездѣ сыты быть могутъ, безъ воплей обиженныхъ и безъ раздора съ совѣстью. Г. Ильинъ женатъ былъ на старинной знакомкѣ моей жены. Онѣ другъ друга увидали съ удовольствіемъ; семейство у нихъ большое: и мальчиковъ и дѣвочекъ множество на возрастѣ. Живутъ хорошо, хлѣбосольство водятъ со всѣми въ городѣ, а иногда, какъ то и при насъ случилось, по вечерамъ у нихъ пляшутъ: для молодыхъ людей и довольно, а старики между тѣмъ козыряютъ; такъ и проходитъ жизнь повсемѣстно. Дочь Ильина отъ перваго брака выдана тутъ за Малороссіянина, по фамиліи Сулиму, которой былъ двоюродной братъ умершему Губернатору Рунковскому и присутствовалъ Членомъ въ Соляной Конторѣ. Онъ уважилъ знакомство родныхъ его съ нами, пригласилъ также насъ къ себѣ обѣдать. Домъ у нихъ не великъ, но прибранъ хорошо. Живутъ они просто, безъ всякаго великолѣпія, но опрятно: хозяинъ самъ, Г. Сулима, человѣкъ очень любезной, благоразумной, съ хорошими познаніями; разговоръ съ нимъ пріятенъ. Онъ кажется быть полезнымъ службѣ, не такъ какъ многіе тунеядцы, для которыхъ служба полезна, доставляя имъ способы не умирать съ голоду. Я нашелъ удовольствіе въ его знакомствѣ и думаю, что всякому живущему въ городѣ оно не въ потерю.

Разсудилось также старой моей знакомой, Г. Чемесовой, дать намъ вечеринку, на которую пригласила она съ строгимъ выборомъ только тѣхъ людей, коихъ можно было звать Превосходительствомъ, или Сіятельствомъ; и такъ съѣздъ нашъ былъ не великъ. Я имѣлъ честь знать хозяйку еще въ дѣвушкахъ. Она была Телепнева, и вышедъ за мужъ за Чемесова, брата двою-

роднаго покойной моей тещи по первой женѣ, сдѣлалась намъ родня. Соскучивъ мужемъ своимъ, по произведеніи, однако, съ нимъ нѣсколькихъ дѣтей на свѣтъ, она отъ него отошла и поселиласъ въ Нижнемъ. Здѣсь она выдала дочь, по модѣ воспитанную, съ большимъ приданымъ Французскихъ словъ за Генерала, которой, кажется, и думаетъ и дѣйствуетъ по Русски безъ примѣси, слѣдовательно, не мудрено будетъ, естьли когда ни будь дочь послѣдуетъ примѣру матери. Не станемъ говорить о сей послѣдней: она очень не дура, умъ ея весь въ замыслахъ, затѣй множество. Довольно еще пригожа, хотя уже въ лѣтахъ, она способна плѣнять уловками своими всякаго новичка, и привязать его къ своей колесницѣ; окружена въ своемъ одиночествѣ нѣсколькими барышнями, въ числѣ коихъ и племянница моя родная, Юлія Смирнова, Статскаго Совѣтника дочь. Она, сидя у окошка, читаетъ во весь день романы, поздно ложится спать, долго совѣтуется по утрамъ съ зеркаломъ, спрашиваетъ у него поминутно, хороша ли она, и пока кто ни будь не примолвитъ ей: „Безподобна!“ она отъ него не отойдетъ. Такъ слыхала она, что живутъ въ лучшемъ свѣтѣ, такъ жить хочетъ и здѣсь. У нея ложа въ театрѣ; она ни одного зрѣлища не пропускаетъ; всегда нарядна съ простотой, какъ будто ненарочно. Къ несчастію, въ жаркіе дни, что мы особенно могли въ настоящую пору замѣтить, таятъ у нея во рту зубы; ибо они восковые, и когда они вываливаются изъ гнѣздъ своихъ, язычку не мало работы ставить ихъ опять по мѣстамъ; также утомленное къ вечеру лицо, вмѣсто живыхъ красокъ юности, скоро показываетъ синюю тѣнь поношенныхъ прелестей, разрушая живопись миленькой ручки, которая, отъ слабости нервовъ, иногда не въ попадъ рисуетъ жилки, такъ что черточки карандаша довольно примѣтны. Но что до этого за дѣло? Кто безъ

слабости, и кто съ сѣдыми волосами не хочетъ хоть парикомъ показать, что они еще черны? Обманъ почти общій. Оставя его, Г-жа Чемесова мила, говорлива, умна, забавна, и въ домѣ у нея нескучно. Онъ прибранъ щегольскою рукою. На горкахъ прекрасной фарфоръ, мебель отборная, убранство комнатъ въ лучшемъ вкусѣ. Садъ на улицу и даетъ видъ прелестной ея жилищу; словомъ, домъ ея самую романическую имѣетъ наружность. Столъ у ней хорошъ. Поваръ не изъ послѣднихъ. Мы у нея весело провели вечеръ, и не соскучились бы, естьли бъ она потребовала отъ насъ повторенія.

Вотъ тѣ четыре дома, въ которыхъ мы были приняты и угощены безъ особеннаго торжества и просто подъ любезной краской пріязни. О пирахъ сообщу въ слѣдующей главѣ. За тѣмъ все остальное время провождалъ дома у шурина, которой насъ тѣшилъ, сколько могъ, огнями, музыкой и обжорствомъ. Случилось мнѣ нѣсколько похворать и дни два не выходить изъ горницы, но и тутъ я не былъ одинъ ни минуты: посѣщенія не прекращались, и я не солгу, когда скажу, что съ молодости моей давно не встрѣчалъ роднаго столь добродушнаго и ко мнѣ усерднаго, какъ шуринъ. Спасибо ему: спасибо, хотя около его не на мой вкусъ, какъ, на примѣръ, любимая его курица, которая вездѣ свободно ходитъ по покоямъ и ко всякому гостю, кто бъ онъ ни былъ, садится на голову, а иногда клюнетъ въ черепъ, что не совсѣмъ прелестно. Да еще двѣ шавки, отъ лая которыхъ и бѣганья никуда не спрячешься, вездѣ настигнутъ, надоѣдятъ и нагадятъ. Оставя этѣ, очень докучливые для гостей, предметы пристрастія хозяйскаго, отдадимъ полную справедливость его свойствамъ. Онъ простъ въ обычаяхъ, признателенъ къ услугамъ, любитъ родныхъ, доброхотъ ближнимъ, и Соло-

монъ во всей славѣ своей менѣе счастливъ, чѣмъ онъ, когда, сидя за пуншевой чашей, подчиваетъ и кричитъ: „Виватъ! Кохаймысь!!“

ПРАЗДНИКИ.

Я намѣренъ былъ выѣхать изъ Нижняго около 13-го числа, но праздники меня остановили, и я принужденъ былъ для трехъ дней забавъ отстрочить моей поѣздкой. Къ счастію, погода еще хороша, но я всякой день страшился, что начнется осень со всѣми своими потѣхами, въ которую остальной путь до Подмосковной показался бы намъ очень тягостенъ. Всегда ли можно располагать временемъ по своей волѣ, когда живешь въ чужихъ людяхъ? Хозяева охотники у себя задерживать гостей, и для чего бы не остаться съ удовольствіемъ въ обществѣ пріятномъ, гдѣ пріязнь одна предлагаетъ тебѣ разныя увеселенія? Обманъ! По большей части не изъ дружбы унимаютъ заѣзжаго гостя, а изъ чванства: хочется пощеголять пиршествомъ, выказать свой домъ чужимъ людямъ, свой образъ жизни; а для этого только терять свое время въ дорогѣ, признаюсь, что весьма непріятно. Ни денегъ, ни минутъ, терять, безъ истиннаго сердечнаго наслажденія, не люблю. Первый пиръ, которой намъ далъ шуринъ мой, наполнилъ душу мою чистаго веселья, по тому что, кромѣ искренней любви, ни что его не могло побуждать къ оному. Онъ зазвалъ къ себѣ почти весь городъ. Домъ его не великъ, но садъ обширной, а какъ вечеръ былъ въ тотъ день прекрасный, то въ покояхъ тѣсноты большой мы не примѣтили. Молодые люди танцовали, дамы и пожилые мужчины играли въ карты. Садъ былъ иллюминованъ, и очень не скупо. Пѣсельники кричали во все горло,

музыка раздавалась по всей улицѣ. Передъ ужиномъ сожженъ фейерверкъ, на которомъ горѣлъ щитъ съ моимъ именемъ и съ надписью, приличной чувствамъ хозяина ко мнѣ, но о которой мнѣ позволятъ умолчать. Въ заключеніе ужинъ далъ роскошной, и мы такую провели вечеринку, какой лучше, веселѣе, ожидать не возможно. Это происходило 11-го числа.

14-го пригласилъ насъ на балъ и ужинъ В. Г. Господинъ Крюковъ: человѣкъ скромный, доброй и свѣтскаго обращенія. Жена за нимъ иностранка, дама веселая и пріятная. Надобно было ѣхать: явились. Балъ былъ прекрасной. Зала очень большая: освѣщенная кинкетами, представляла самой блистательной видъ. Всѣ комнаты обширны. Общество собрано было большое: нигдѣ не толпились, нигдѣ, однако, не было и пустоты; не могу судить объ ужинѣ, по тому что я уѣхалъ рано, но слышалъ, что все соотвѣтствовало столичному вкусу и приноровлено къ обычаямъ моднаго свѣта. Всѣхъ чужеземныхъ подражаній несноснѣе для меня было въ Россіи то, чтобъ съѣзжаться на балъ и всякаго рода вечеринки очень поздно, и просиживать далеко за полночь. Передѣлать этого нельзя, по крайней мѣрѣ, удалиться можно, что я и дѣлалъ всегда: въ 12 часовъ уѣду и ложусь спать, а тамъ домашнимъ моимъ какъ угодно. Кромѣ сей непріятности скажемъ о праздникѣ Г. В. Г., что онъ былъ изъ лучшихъ по тамошнему краю, и гостепріимство хозяевъ дома соблюдено въ отношеніи къ каждому лицу со всей вѣжливостью возможной.

15-го числа принадлежало Начальнику Губерніи: онъ уже жилъ въ городскомъ своемъ домѣ и успѣлъ ознакомиться со всѣми. Супруга его, дама очень ловкая, и живши долгое время въ Твери, во время присутствія тамъ Ольденбургскаго Двора, имѣла случай насмотрѣться на фасонъ придворной жизни. Она ввезла сюда съ собой

все приличіе утонченнаго общежитія, и развернула ихъ въ первый разъ въ честь торжественному Всероссійскому празднику: съ утра и до ночи день былъ отданъ этикетамъ: мундиръ, регаліи наружныя и разнообразные чины подавили удовольствіе, но отмѣнно нарядили празднество. Участвуя въ немъ, какъ частной человѣкъ, я часто приводилъ себѣ на мысль подобные пиры въ мое время въ Владимірѣ и думалъ: „Такъ-то скучали и у меня, вытянувшись на стулѣ при шпагѣ и со шляпой подъ мышкой!“ Церемонія, какъ обыкновенно водится, началась съ утра. Поѣхали всѣ въ соборъ. Архіерей служилъ Обѣдню, молебенъ и произнесъ Слово. Говорилъ громко, Величалъ Царской Домъ съ краснорѣчіемъ, утирался часто, по тому что напряженіе легкихъ и восторгъ головы тянули во всѣ скважники испареніе густаго его туловища; народу было много. Потомъ Г. Губернаторъ далъ намъ обѣдъ, по чинамъ: изъ дамъ никого не было за столомъ, кромѣ хозяйки, Г-жи Шереметевой, съ ея дочерью, и жены моей съ моей дочерью. За столомъ я сидѣлъ противъ Архіерея, и бесѣда его занимала мои мысли, когда челюсть отъ своихъ работъ отдыхала. Много съѣдено рыбъ и животныхъ на ногахъ и пернатыхъ. Изъ всѣхъ царствъ природы приносимы были жертвы на поварню; много пито разнаго вина, провозглашены здравія всего Самодержавнаго Россійскаго Дома; просидѣли до вечеренъ, и тотчасъ послѣ обѣда всѣ разбѣжались по домамъ отдохнуть, чтобъ съ новыми силами явиться на новое поприще славы. Верхняя половина дня принадлежала нашимъ лѣтамъ, а послѣдняя посвящается всегда молодому возрасту.

Князь Шаховской далъ вольный маскарадъ въ этотъ же день въ своемъ театрѣ. Весь городъ туда хлынулъ. Пляска продолжалась очень поздно, и я тутъ со всѣми распростился, положивъ непремѣнно выѣхать на завтра.

Маскарадъ былъ не хвастовской. Освѣщеніе бѣдное, угощеніе самое простое, и даже недостаточное. Купилъ бы да нечего; посмотрѣлъ бы да не на что! Вотъ въ двухъ словахъ картина этого послѣдняго нашего торжества въ Нижнемъ. И къ чему подобныя собранья зовутъ маскарадомъ? Всѣ во фракахъ, ни на комъ нѣтъ личины поддѣльной.

Примѣтимъ вообще, что дамы и дѣвушки здѣшнія гораздо менѣе раскошничаютъ въ нарядахъ своихъ, чѣмъ въ многихъ другихъ Губерніяхъ. Онѣ одѣваются просто, но жеманства много и здѣсь. Какое-то найдешь вездѣ въ нашихъ городахъ принужденное обращеніе у женщинъ; видно, что онѣ всегда ищутъ перенять что нибудь чужое, и часто не въ попадъ. Напрасно, барыни и барышни, вы хотите быть Москвичками и Петербургскими нимфами. Перенятое всегда хуже натуры. Будьте сами собой, и повѣрьте, что пригожество нигдѣ не теряетъ своей красоты, не только въ городахъ, ниже селахъ. Прекрасное вездѣ плѣнитъ. Милое ни подъ какимъ нарядомъ не спрячется.

ПОЖАРЪ.

При насъ, 10 го числа, былъ сильный пожаръ въ городѣ: начался онъ во время театра, а кончился къ утру. Возвращаясь изъ спектакля домой, мы такимъ озарились свѣтомъ вдругъ, что съ крайнимъ нетерпѣніемъ добирались домой, дабы удостовѣриться, что нѣтъ ни какой для насъ опасности. Весь городъ казался въ заревѣ; однако, отъ нашей квартиры довольно былъ далекъ огонь. Вѣтеръ помогалъ свирѣпству пламени. Нѣтъ зрѣлища дѣйствительно ужаснѣе разъяреннаго огня: все гибнетъ въ одну минуту, истребляется безъ остатка; разрушаются зданія до основанія, и долго еще послѣ пожара нель-

зя равнодушно глядѣть на свѣжее пепелище. Барышнямъ нашимъ захотѣлось видѣть сіе явленіе на мѣстѣ, и мы поѣхали смотрѣть этой физической напасти. До двухъ часовъ ночи мы тамъ простояли, и не могли дождаться конца пожару. Цѣлая улица горѣла нещадно. Сумятица, какой я не видывалъ. Ни властей, ни послушанія, всякой хотѣлъ приказывать, и ни кто не слушался; кто сильнѣй кричалъ, тотъ и ворочалъ всѣмъ: обыкновенное дѣло въ подобныхъ бѣдствіяхъ народныхъ; и какъ не назвать пожара цѣлой части города настоящимъ несчастіемъ? Трубы поломаны, воды ни капли, ни какого инструмента; чѣмъ распоряжать? что дѣлать? Совсѣмъ нечего! Губернатора не было: онъ лежалъ дома боленъ; да если бъ онъ тутъ и самъ былъ, по новости своей онъ ничего не могъ придумать полезнаго безъ средствъ, къ тому необходимыхъ; внутренняя стража двигалася то туда, то сюда. Но армаратура ея на пожарѣ печальное дѣло! Это не батарею штурмомъ брать. Тутъ ведро лучше единорога, топоръ понужнѣе тесака. Полицеймейстеръ показывалъ себя на конѣ, какъ рыцарь подъ стѣнами осаждаемой крѣпости. Но здѣсь не того спрашивали, кричали: „Багра! щитъ! трубу!“ и ни чего ни кто не добьется; народу бездна, и онъ только что затрудняетъ ломку кровель, гдѣ надобно пересѣчь пламенную стезю; какъ обыкновенно, вездѣ любопытныхъ тьма, а на дѣло ни кого; словомъ, одинъ только вѣтеръ могъ тушить пожаръ, что онъ и сдѣлалъ; ибо, поваля до нѣсколько десятковъ домовъ, уперся въ оврагъ, и это живое урочище остановило жестокость огня, которой, устилаясь, какъ змѣя, по всему пепелищу, дожигалъ все до послѣдней щепки, на широкомъ пространствѣ города.

Между многими обывателями, кои тогда всего лишились, потерпѣлъ важной убытокъ извѣстной механикъ Кулибинъ. Домъ его хотя стоялъ на холму и до то-

го казался безопаснымъ, что я даже съ шуриномъ бился объ закладъ, что его должно отстоять, и что онъ можетъ не сгорѣть. Надлежало отломать одну старинную кругомъ дома галлерею и крыльцы, и онъ, конечно бы, уцѣлѣлъ. Но гдѣ ни кто ни чего не дѣлаетъ, а всякой, руки поджавши, глядитъ на пожаръ, какъ на прозрачную картину въ иллюминацію, какъ тамъ не сгорѣть всему, что попадется подъ малѣйшій паръ огня? Не вздумано даже крышки смачивать, ни поливать стѣнъ, и въ одну минуту домъ Кулибина отъ зноя весь поднятъ на воздухъ. Мы оставили его еще на своемъ основаніи, но не успѣли доѣхать домой, какъ съ ужаснымъ трескомъ полетѣлъ Кулибина бельведеръ. Дымъ густой обвился вокругъ его, отвсюду и изъ средины руинъ поднялся пламенный столпъ, которой меньше чѣмъ въ полчаса обратилъ старинное сіе жилище нѣсколькихъ человѣческихъ душъ въ пепельную площадь. Я пожалѣлъ объ бѣдномъ механикѣ, объ участи вообще Губернскихъ городовъ въ отношеніи къ подобнымъ случаямъ, и заплатилъ шурину проигранный закладъ, припомня пословицу: „Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся!“ Я слышалъ, что въ этотъ пожаръ Кулибинъ лишился многихъ своихъ моделей и инструментовъ. Не возвратная потеря! Домы можно за ново построить, но подобные предметы часто теряются разъ навсегда, и сіи потери, по мѣрѣ пользы, какой отъ художника ожидаетъ публика, бываютъ несчастія общественныя. Тѣмъ печальнѣе такой пожаръ!

На другой день я ходилъ пѣшкомъ смотрѣть пожарище. Еще дымилось вездѣ, и близко подойти было невозможно. Счастіе рядовъ, что вѣтеръ, по наклоненію хребта земли, перемѣнилъ свой порывъ и подулъ въ овраги; но естьли бъ не благодѣяніе самаго воздуха, то огонь догналъ бы лавки, да и тѣмъ еще бы не удовлетворился: досталось бы половинѣ города. Пожаръ тогдашній мож-

но назвать ужаснымъ. Причина его мнѣ неизвѣстна: я люблю послѣ подобныхъ тревогъ слышать какъ многіе судятъ, сравнивая Петербургъ съ прочими Губернскими городами, что тамъ бы не дали тому и тому сгорѣть. Вѣроятно! Но можно ли, съ разсудкомъ здравымъ, требовать того отъ провинціальной лахмотной полиціи, что дѣлать должна, и можетъ, нарядная Петербугская полиція? Тамъ все есть, тутъ ни чего нѣтъ. Вотъ вся разница: кажется, довольно для того, чтобъ и дѣйствія одной были въ противоположности съ другой. Въ городахъ Губернскихъ увидятъ, что выкинуло изъ трубы—ударятъ въ набатъ! Пьяной барабанщикъ съ гаубтвахты побѣжитъ по всему городу шумѣть въ лукошко. Буточники сбѣгутся съ пустыми руками, подвезутъ изломанную трубу, по тому что не на что не только купить новой, ниже починить старую. Все это выставятъ къ огню на показъ, а тамъ кто во что гораздъ. Унялся вѣтеръ, такъ и пожаръ погасили; а пока есть чему горѣть, полымя краситъ все своей краской. Попы выносятъ образа, трясутся, какъ зайцы, передъ ними и машутъ пустыми кадилами. Такими средствами, согласимся, что ни какая полиція не умудрится спасти отъ огня чью нибудь кровлю.

Остановимся на этомъ: я давно привыкъ видѣть все въ чернѣ, и для того всегда собою недоволенъ бываю: когда къ повѣствованію простому о какомъ либо случаѣ вздумается мнѣ приложить нѣкоторое размышленіе: видѣть и слышать можно все, а разсуждать ни о чемъ почти нельзя безъ душевнаго возмущенія.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ НИЖНЯГО.

Пора было собраться домой, и мы выѣхали изъ города 16-го числа. Оставляя Нижній, я долженъ на бумагѣ

оставить свидѣтельство моей сердечной благодарности, во первыхъ: роднымъ, которые оказали мнѣ множество ласки и пріязни, тѣмъ чувствительнѣйшей, что они были безъ личинъ, безъ лукавства, а текли прямо отъ души: счастливъ человѣкъ, которой можетъ испытывать подобныя отношенія отъ людей, ему милыхъ! Особенно пріятно мнѣ похвалиться доброхотствомъ тамошняго Начальника духовнаго и гражданскаго. Я съ обоими съ ними познакомился безъ малѣйшаго отягощенія, и не по одной благопристойности, а по влеченію дружелюбія, оба они меня посѣтили, принимали къ себѣ ласково, оказывали мнѣ наружные знаки душевнаго почтенія, къ которому не могъ я быть холоденъ. Губернаторша столько даже была ласкова, что одинъ разъ заѣзжала за моей дочерью, и возила ее съ собой по нѣкоторымъ мѣстамъ, любопытнымъ въ городѣ. Она могла бы, не нарушая простой обязанности общежитія, и не вызваться на сію услугу, но оказавъ ее, заставила меня быть себѣ благодарнымъ: хорошіе и нѣжные поступки всегда плѣняли мое сердце; многіе ихъ не примѣчаютъ; я, напротивъ, ихъ цѣню всегда высокой цѣной.

Въ послѣдніе дни моего тутъ пребыванія я еще потолковалъ съ моими добрыми мужичками о ихъ пользахъ и, сколько могъ, соединивши съ ними собственныя мои, простился, какъ доброй помѣщикъ, и думаю, что оставилъ въ нихъ сѣмена чистосердечной ко мнѣ преданности.

Шереметевъ, о которомъ говорено было выше, позвалъ насъ къ себѣ въ деревню. Сюда рѣшились мы ѣхать не изъ дружества, а изъ одной благопристойности. Вотчина ихъ, славное село Богородское, въ 40 верстахъ отъ Нижняго, не удаляла насъ отъ прямой дороги, по тому что оно лежитъ на почтовомъ трактѣ; въ Москву возвращаться Балахнинскимъ путемъ было бы для меня

ближе, но желаніе видѣть другія мѣста, и наслышка о прекрасныхъ берегахъ Оки къ Горбатову, меня рѣшили взять другое направленіе; и такъ мы поѣхали на Шереметево имѣніе.

Отобѣдавши 16-го числа еще въ Нижнемъ у шурина, и распростясь съ нашими друзьями безъ дальныхъ проводовъ и лишнихъ слезъ, поѣхали на откормленныхъ своихъ лошадяхъ въ Богородскъ. Скоро мы удалились отъ Волги, но Ока долго еще извивалась въ глазахъ нашихъ. Безъ натяжнаго восторга должно признаться, что берега этой рѣки открываютъ плѣнительныя картины. Нѣсколько верстъ мы тянулись по хребту горъ, подъ которыми она играетъ, какъ Сена, по разсказамъ путешественниковъ, извивается около Парижа; на половинѣ дороги насъ ожидали подставныя лошади, на которыхъ мы къ вечеру доѣхали къ Шереметевымъ. Селеніе большое, домъ обширный. Во всемъ до самой мелочи, видна барская пышность. За ужинъ сѣло человѣкъ сорокъ, гостей ни кого. Одна семья: и разнородные и иностранцы наполняли всю компанію. Но они только къ столу ходятъ; впрочемъ, бесѣда состояла во весь вечеръ изъ однихъ хозяевъ и насъ. Для меня нѣтъ ни чего страннѣе, какъ слышать, что богатый господинъ Русскій безпрестанно бранитъ чужеземцевъ и, однако, обойтиться безъ нихъ не можетъ, по тому что ему надобенъ и лѣкарь, и архитекторъ, и учитель музыки, рисованія и прочаго. А гдѣ ихъ взять на Руси? По неволѣ заманиваютъ Швейцарца, Француза, Нѣмца, Англичанина, и кормятъ ихъ на свой коштъ, вмѣстѣ съ дѣтьми своими, а послѣ, при нихъ же, слышишь отъ ихъ родителей, что они всѣ— мерзавцы, и что ихъ давно пора выжить изъ Государства. Какое согласіе мыслей съ поступками! Какая основательная логика!

Намъ отвели лучшую избу въ селѣ; туда и оттуда

привозили насъ въ господскій домъ въ каретѣ; хозяева на другой день пріѣзжали къ намъ съ визитомъ, и это дѣлало какое-то занятіе между нами, довольно смѣшное въ деревнѣ, потому что мы въ нее переносили городскіе чины, а деревня, гдѣ чинятся, есть нѣчто мучительное. Но живи такъ, гдѣ какъ водится: законъ всѣхъ обществъ гражданскихъ. Намъ хотѣлось, удовлетворя благопристойности въ самомъ тѣсномъ ея смыслѣ, на завтра же уѣхать, но, къ несчастію, я занемогъ за обѣдомъ и принужденъ былъ, вставши изъ за стола, уйтить въ свою избу, и тамъ пролежать весь день. И такъ мы еще сутки промаились въ Богородскѣ. Ласки поддѣльной было много, но объ искренности чувства пусть посудятъ изъ слѣдующаго. Хозяинъ, не смотря на то, что я занемогъ, и что ежели будетъ мнѣ лучше, конечно, очень рано уѣду на другой день, и съ нимъ, Богъ знаетъ, гдѣ и когда увижусь, изволилъ помчаться въ Нижній на балъ къ В. Г., и прикинулъ насъ (скажемъ такъ: это слово очень къ мѣсту) женѣ своей, съ которой моя принуждена была раздѣлить скучный самый вечеръ. За чѣмъ было звать, если не хотѣлось дѣлить время съ нами? На что такое принужденіе себѣ и намъ? Удивить насъ въ Богородскѣ было нечѣмъ. Это не Кусково и не Останкино: лучше во сто разъ того, что мнѣ дала судьба въ удѣлъ, но все еще не диковинка.

Признаюсь, что терять время въ подобныхъ посѣщеніяхъ, коимъ основаніемъ служитъ одно высокомѣріе и чванство, всегда будетъ для меня несносно. Съ какимъ отвращеніемъ я ѣхалъ сюда, съ такой точно досадой и уѣхалъ, не дождавшись хозяина съ балу, и если я буду помнить Богородское Г. Шереметева, то по тому только, что мой слуга потерялъ тутъ кованную мою звѣзду, которую я любилъ, особенно для того, что она была мнѣ подарена женою моею.

ВЯЗНИКИ.

Дорога изъ Нижняго на Горбатовъ лежитъ на нагорной сторонѣ Оки рѣки и очень гориста, но за то, признаться должно, что наполнена прелестей. Картины безпрестанно мѣняются, и мы любовались на нихъ поминутно. Переправляясь подъ самымъ Горбатовымъ черезъ Оку на паромѣ, разстались съ красотами этой рѣки.

Горбатовъ, городъ Уѣздный Нижегородской Губерніи, ни чего не значитъ. Мы тутъ отобѣдали у Стряпчаго, по причинѣ только той, что Прокуроръ мнѣ былъ свой. Этимъ однимъ началось и кончилось наше знакомство. Во всѣхъ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ учреждены правительства, зачинали суетиться, по случаю манифеста о наборѣ рекрутъ, пришедшаго еще при насъ въ Нижній, о которомъ и тамъ много было толковъ. Надлежало сравнивать Губерніи между собою. Одна дала ратниками болѣе другой. Но многія понимали Указъ такъ, что надобно сравнивать въ сей повинности состояніе людей во всякой Губерніи между собою. Всякій говорилъ то, что ему на разумъ приходило, а до меня поелику все сіе ни мало ни касается, то я, какъ помѣщикъ не мятежной, велѣлъ деревнѣ своей дать, что потребуютъ, и разстался со всѣми спорящими въ большомъ ладу. Горбатовскій Стряпчій также имѣлъ свою логику и разсуждалъ сообразно съ оной. Вообще всѣ были въ движеніи, и обыватели и власти. Рекрутскій наборъ—не шутка: для многихъ послѣдняя минута жизни, для другихъ—золотое дно, а для честнаго человѣка, на котораго жребій падаетъ подводить мужика подъ ножъ сей, для него наборъ рекрутъ есть время плача и сѣтованій. Но что намъ здѣсь до этого? Поспѣшимъ скорѣй домой: уже Горбатовъ отъ родины нашей недалеко. Уже вступаемъ паки во Владимірскую Губернію. Ночевали мы подъ Горохов-

цомъ, въ удѣльномъ селѣ, именуемомъ Красное. Это такъ близко отъ города, что если бъ, годъ назадъ, камердинеръ мой тутъ остановился, то бы весь Гороховецъ о томъ свѣдалъ въ полъ мига. А нынѣ я и самъ присталъ у мужика въ избѣ, отужиналъ, переночевалъ, уѣхалъ, и ни кто въ городѣ не вѣдалъ, что я подъ носомъ у всѣхъ былъ. Это напомнило мнѣ конецъ моей басенки:

На это есть причины,
Чего жъ во мнѣ недостаетъ?
Весь міръ Кузмѣ въ отвѣтъ:
Дубины!!!

Подлинно все въ мірѣ дѣлаетъ дубина. Кто ею можетъ грозить, передъ тѣмъ всякому кажется и свое не своимъ, а безъ дубины, по одному простому доброхотству, едва выпросишь ли хлѣба кусокъ и стаканъ воды. Но всѣ сіи опыты, буде можно назвать ихъ искушеніями, были для меня пріятны. Они укрѣпляли меня въ истинахъ Христіянскихъ; я чувствовалъ не по одной работѣ разсудка, но по событности вещей, что все на свѣтѣ суета, что мы, чада персти, должны безпрестанно помышлять о небесной нашей отчизнѣ, и что нѣтъ счастія въ мірѣ, если мы поставимъ себя въ зависимости отъ внѣшнихъ дѣйствій человѣческихъ. Для неба жить значитъ страдать отъ людей, и съ ними, и за нихъ.

Со дня нашего выѣзда изъ Нижняго зачала уже портиться погода, но еще не такъ чувствительно, а 19-го числа вдругъ завернулъ такой холодъ, что мы на силу въ лѣтней одеждѣ отъ Краснаго села могли доѣхать до Вязниковъ, что составляетъ не болѣе 38 верстъ. Мнѣ было не хотѣлось мѣшкать и тутъ, но объѣхать города было не возможно. Отобѣдавши въ Пировѣ Городищѣ, казенномъ селѣ, въ 8 верстахъ отъ Вязниковъ, и которое мнѣ памятно по тому, что я въ немъ однажды, бывши

Губернаторомъ, занемогъ и лежалъ цѣлый день почти у Попа въ избѣ, мы рано пріѣхали въ Вязники и стали на ту же квартиру, которую мнѣ отводили во время оно. Такой учтивости я, право, не ожидалъ, и обманулся очень пріятно. Г. Городничій, родственникъ М. Попова, сохранилъ противу насъ всѣ отношенія гостепріимства искренняго: позвалъ насъ къ себѣ, накормилъ хорошимъ ужиномъ, доставилъ спокойный ночлегъ. Нѣкоторые жители города оказали мнѣ свою ласку посѣщеніемъ, и я долженъ съ признательностію отозваться о благорасположеніи ихъ ко мнѣ. Жаль, что погода была сурова. Я бы тогда гораздо лучше насладился прекраснымъ мѣстоположеніемъ этого городка, чѣмъ въ прежнія мои набѣги. Теперь мнѣ дѣла не было ни до колодниковъ, ни до судей. Красоты натуры вполнѣ занимали глаза мои и чувства.

Вязники, городокъ небольшой, и 30 лѣтъ назадъ былъ еще Дворцовымъ селомъ. При открытіи Губерніи сдѣлался городомъ. Къ нему приписанъ Уѣздъ, учреждены судилища. Купечество, занимаясь торговлей, фабриками, скоро разбогатѣло и вошло во вкусъ роскоши. Здѣсь много домовъ каменныхъ прекрасныхъ, особенно отличается изъ нихъ домъ Кашина, въ два этажа, съ разными лѣпными украшеніями, которыя не обезобразили бы фасада лучшихъ домовъ въ Москвѣ. Купечество живетъ хорошо и гостепріимно. Добрый старикъ Водовозовъ, давній мой знакомый и здѣшняго края патріархъ, былъ на то время въ отлучкѣ, и мы съ нимъ не видались. О! онъ бы вѣрно меня посѣтилъ, а ежели, какъ многіе, не зашелъ бы и онъ ко мнѣ, то радуюсь, что не было его въ городѣ; ибо нѣтъ ни чего больнѣе, какъ терять хорошую мысль о человѣкѣ, который представился съ выгодной стороны. Здѣсь памятникомъ моего времени я назвать осмѣлюсь Ярополческую гору, которая,

по крутизнѣ своей, наносила часто чрезмѣрной вредъ обозамъ, особливо въ зимнюю пору, когда покроется земля гололедицей: при мнѣ ее срывали и дали возможнѣйшую отлогость. Помню, что я симъ предметомъ много занимался, и не безъ труда, по тому что хозяйственно, безъ наряду людей и траты чьихъ либо денегъ, одними колодниками и прилежаніемъ, это полезное дѣло совершалось. Удѣльное селеніе, Ярополчъ, примыкаетъ къ городу. Оно на горѣ и открываетъ виды несравненные. Говорятъ, что Ярополкъ далъ симъ холмамъ свое имя, но чѣмъ это доказать? Это такъ далеко отъ насъ! Мы часто и въ новѣйшихъ временахъ о томъ, что почти въ глазахъ нашихъ происходило, читаемъ сказки: чего же ожидать о такихъ отдаленныхъ эпохахъ? Клязьма близъ города играетъ своими волнами и къ берегамъ ея подъ самымъ городомъ пристаютъ въ довольномъ числѣ съ разнымъ хлѣбомъ барки. Здѣсь увидѣлъ я, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ первый разъ отъ роду, нашего знаменитаго героя, Князя Багратіона, и свиданіе сіе одно сдѣлало бы для меня незабвеннымъ городъ Вязники, когда бы, по многимъ другимъ отношеніямъ, я не вспоминалъ о немъ, какъ лучшемъ мѣстечкѣ Владимірской Губерніи, по его положенію естественному и не совсѣмъ еще испорченной нравственности обывателей. Но есть надежда, что и здѣсь заведутся грѣхи тяжкіе лукаваго міра. Ужь многіе выписываютъ журналы и читаютъ ихъ съ прилежаніемъ чужихъ толковъ: грамота безъ разумѣнія дѣлаетъ изъ невѣжи добраго, лютаго злодѣя. Соборъ въ городѣ весьма пышной рукой отдѣланъ и весь иконостасъ облитъ золотомъ. Вотъ что такое Вязники!

20 числа погода была сноснѣе, чѣмъ на канунѣ. Мы раскланялись жителямъ города и поѣхали безъостановочно прямо въ Шую. Обѣдали въ Удѣльномъ Быловскомъ Приказѣ. Тамъ насъ покормили, чѣмъ Богъ послалъ, и,

не мѣшкавъ нигдѣ, доѣхали до Хотима, 30 верстъ отъ Шуи. Тутъ, за темнотой ночи, расположились ночевать. Передъ вечеромъ, подъ селомъ Емельяновымъ, въ 4-хъ верстахъ отъ ночлега, переправились на паромѣ черезъ Тезу, и, пока экипажи наши шли на немъ, мы пѣшкомъ добрели до Хотима—село большое, казенное: въ немъ мужики зажиточные и по всему Царству возятъ шелковые товары на продажу. Одинъ разъ мнѣ случилось тутъ также угорѣть и пролежать съ женою цѣлыя почти сутки. Я никогда не забуду, что въ скверной этой избѣ, гдѣ и печи нѣтъ порядочной, хозяинъ намъ развертывалъ левантины, тафты и казимиры, и имѣлъ ихъ при себѣ тысячъ на 20. По моему, гораздо бы лучше поставить хорошую печь, чѣмъ угарать всякій день и высыпаться на кипахъ сукна и саржи. Но у всякаго свой вкусъ. Они же рѣдко живутъ дома: о домашнихъ какое имъ дѣло? Хоть умри безъ нихъ, только бы съ барышемъ самимъ воротиться. Сдѣлалъ бы вопросъ: можетъ ли корыстолюбецъ быть добрымъ? Написалъ бы и отвѣтъ, да заведетъ далеко, и при томъ многимъ дашь туза, приводя примѣры. Лучше молчать!!!

НЕ ДАЛЕКО ДО ДВОРА.

И 30 верстъ ужасны, когда природа сердита. Пока изъ Хотима пробирались до Шуи, и все жена со мной въ открытой коляскѣ, пошелъ снѣгъ и весь день пролежалъ, какъ скатерть на столѣ. Непріятно подъ такимъ сѣдымъ дождемъ быть въ дорогѣ: я не могъ ни читать, ни говорить съ товарищемъ своимъ; закутавшись сколько могли въ своемъ экипажѣ, мы ежеминутно смотрѣли въ передъ, чтобъ обрадоваться первымъ признакамъ города Шуи. Въ непогодь и деревня покажется столицей. Но

поелику мысли никогда не стоятъ на одномъ мѣстѣ, то я зачалъ, для уменьшенія досады, слаживать строфы на неудобства путешествія въ нашемъ климатѣ, и эта работа сократила такъ разстояніе, что я еще не сдѣлалъ мысленно своихъ куплетовъ, какъ уже увидѣлъ Шуйскія колокольни и обрадовался, что скоро уйдемъ отъ снѣгу подъ надежную крышку. Поблагодаримъ Аполлона! Я всѣхъ тѣхъ къ тому приглашаю, кои любятъ храмъ его и служить ему не лѣнятся. Какое прекрасное прибѣжище въ скукѣ! Въ комнатѣ ли не по себѣ, на дворѣ ли мятель бѣситъ, призови въ умѣ Аполлона, вѣнчай риѳмы, одѣвай идеи въ разныя стопы, ищи согласія въ вымыслахъ, созидай около себя все, противное тому, что видишь, и скоро настоящія тягости забываются. Музы—друзья наши во всякомъ обстояніи. Да и какіе же друзья! Постояннѣе ихъ не представляетъ весь міръ ни въ какой видимой твари. Сильный все отнять у насъ можетъ: отъ послѣдняго лоскута земли до самаго царства; отъ черепочка, въ которомъ нищій собираетъ милостыню, до золотыхъ сосудовъ и братинъ Персидскихъ сатраповъ. Мысли ни кто отнять не можетъ: онѣ дѣятельны и въ ссылкѣ; онѣ свѣжи и въ темницѣ. Воображеніе живое все около себя украшаетъ. Аполлонъ—величайшій чародѣй, когда покровительствуетъ таланту; когда девять сестръ его, тимпанницъ, лобызаютъ творцовъ Россіяды, Семиры, Фелицы, или Душеньки, какое зло тогда несносно? Какая участь нестерпима? Все, все, пріемлетъ цвѣтъ юности и велелѣпіе красоты.

Такъ разлились по душѣ моей, въ тѣлѣ, скорчившемся отъ снѣга, восторги воображенія. Такъ парилъ я, сидя въ коляскѣ между Шуей и Хотимомъ, и еще не совсѣмъ сшилъ новое мое сочиненіе, какъ вдругъ явился почти у заставы городской пасынокъ мой, Алексѣй. Онъ, возвращаясь изъ ополченія домой, узналъ о томъ, что мы

будемъ въ Шуѣ, пріѣхалъ туда же и встрѣтилъ насъ. Добрый вѣстникъ! Мы съ нимъ поцѣловались, пересадили его къ себѣ въ коляску и доѣхали вмѣстѣ до Шуи, гдѣ, у добрыхъ хозяевъ, Шульгиныхъ, ожидалъ насъ хорошій обѣдъ и гдѣ, лучше всего на свѣтѣ, съѣхались мы съ Княгиней Куракиной, которая, по перепискѣ съ нами, зная о нашемъ возвращеніи домой, пріѣхала съ нами здѣсь повидаться. Мы расположились въ Шуѣ на три дни, т.-е., до 24 Сентября, у Шульгина въ домѣ. Мы были какъ у себя: любить другъ друга взаимно сдѣлалось между семействами нашими привычкой. Все это время мы провели въ повѣстяхъ о нашемъ странствіи. Мѣста одни и тѣ же почти всегда. Кто былъ за сто лѣтъ тому назадъ въ Нижнемъ, и нынѣ мало нашелъ разницы въ этихъ городахъ, и вѣкъ—не время для успѣховъ. Но анекдоты всегда мѣняются, всякой изъ насъ разсказывалъ свои. Мы всѣ другъ у друга перебивали рѣчь, боясь растерять свои басни, и слушателямъ нашимъ можно было безъ грѣха сказать намъ въ глаза: „A beau mentir, qui vient de loin“. Споро лгать тому, кто издалече.

Погода все не исправлялась да и не къ тому дѣло шло. Слѣдовательно, выжидать перемѣнъ въ атмосферѣ было не возможно. Надлежало поспѣшать домой прежде чѣмъ рѣшительное ненастье наступило. Уже становилось холодно, мокро, вѣтрено. Лѣса стряхивали свои кудри, поля оставались наги, словомъ физику міра очень нажималъ законодатель планетъ. Княгиня Куракина первая показала намъ рѣшимость духа, отправясь 23-го съ утра, во время снѣжнаго нападенія съ небесъ, въ свою деревню. Мы съ ней простились, какъ прощаются друзья искренніе, по свободной волѣ сердецъ своихъ одинъ къ другому привлеченные. Проводя ее, погостили еще сутки у Шульгина въ домѣ и на завтра, 24-го, положили

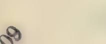
ѣхать прямо въ Никольское, и поспѣшить туда прежде, нежели морозы умертвятъ совсѣмъ едва дышущую природу.

ЛЕЖНЕВСКІЯ ЗАБАВЫ.

24-го числа мы принуждены были отобѣдать въ Шуѣ, чтобъ переждать снѣжную тучу. Послѣ полдень на дворѣ стало лучше, и надобно было поспѣшать до Лежнева. „Прощайте, прощайте!“ закричали мы Шуйскимъ нашимъ знакомымъ и пріятелямъ въ нѣсколько голосовъ, и, сѣвши по своимъ гнѣздамъ въ экипажахъ, поѣхали. Компанія наша прибавилась однимъ лицомъ. Племянникъ жены моей, Феттеръ, отпустилъ съ нами въ Москву дочь свою, Марью Ивановну, дѣвушку на возрастѣ. Повозка у нея была своя, тройка нанята до мѣста, и мы, безъ всякихъ стороннихъ хлопотъ, получили только лишняго товарища въ дорогѣ: что больше артель, то веселѣе. Богъ принесъ насъ ночевать въ Лежнево, но не на радость, какъ увидятъ ниже. Село огромное, принадлежащее Князю Голицыну и Тиф. по поламъ; оно, по женскому колѣну, дошло до нихъ по приданству отъ рода Долгорукова. Двѣ старинныя церкви, гора крутая, рѣка по имени Ухтохма, и множество сквернѣйшаго строенія. Вотъ картина этого мѣстечка. Обыватели составляютъ народъ самой озарной, какой только отыскать можно во всей Владимірской провинціи: воры, гуляки, дѣлатели фальшивыхъ денегъ; все тутъ ведется. Не рѣдко ловили жителей Лежневскихъ на разбояхъ, и они до того отважны, что одинъ разъ, во время моего объѣзда по Губерніи, я наѣхалъ на свѣжіе слѣды ихъ грабежа и двухъ человѣкъ тогда же, почти при мнѣ поймали среди бѣлаго дня. Въ такомъ селеніи непріятно ночевать да и безъ всякой власти; однако сумерки тутъ насъ пригвоздили до утра.

Походъ нашъ приближался къ концу. Всякому изъ насъ казалось, что труды его дня черезъ два увѣнчаются тишиной домашней. Но какъ узнать роковую минуту? Одна изъ нашихъ барышенъ, Н., ее испытала, и вотъ какимъ образомъ. Чтобъ укоротить вечеръ, жена разливала чай на всю бесѣду съ обыкновенными городскими формами. Это продолжалось съ часъ: за всѣмъ тѣмъ оставалось до ночи много лишняго времени. Мы вздумали играть въ курочку. Карты съ нами на случай были вездѣ готовы, а я за картами лютъ. При первомъ проигрышѣ закипитъ кровь, какъ смола на огнѣ, и меня унимать трудно. Н. какъ то здала себѣ два раза съ ряду девять, а мнѣ какъ на смѣхъ жернакъ. Я насупилъ брови, а она стала подсмѣивать. Долго я терпѣлъ, долго молчалъ, а Н. долго шутила и шевелила бородкою съ ужимками насмѣшливыми, какъ вдругъ я, остервенясь, на нее кинулся. Тщетно хотѣли вырвать добычу изъ рукъ моихъ: я, охватя ее черезъ столъ, такихъ ей надавалъ тузовъ, что игра кончилась слезами, а синія пятны свидѣтельствовали на плечахъ ея долго еще по возвращеніи въ Москву, что она выдержала страшное сраженіе; подлинно это было Лежневское побоище; во всю дорогу не встрѣтилось такой причины: надобно подойтить осени, увеличиться вечерамъ, нечего дѣлать безъ картъ: семъ въ курочку! Присѣли, заиграли, и курочка отродилась самымъ сердитымъ Индѣйскимъ пѣтухомъ. Послѣ такой штурмы, карты очутились на полу, всѣ приняли видъ важный: кто сердился, кто негодовалъ, кто струсилъ, чтобъ не сдѣлаться новой жертвой, и общая неловкость произвела глубокое молчаніе, а я, какъ Геркулесъ, переводилъ духъ, сидя на лавкѣ, и все еще свирѣпо посматривалъ на Н. Новая наша спутница тряслась, какъ листъ, и не зная моего обычая, думала, что въ моей семьѣ вседневно бываютъ такія пораженія.

Гнѣвливой нравъ ужасенъ: разгорается отъ искры какъ солома, и производитъ пожаръ тамъ, гдѣ и огня не чаешь. Ужинали мы тихо, скромно, ни кто не улыбался. Въ трепетѣ поѣли молочной каши и улеглись спать. Рады, радехоньки, въ первой еще разъ съ начала нашего путешествія, что разошлися по своимъ постелямъ, и что Ахилесъ дорожной, т.-е., я, угомонился. Таково-то играть въ карты, сдавать себѣ девять, да еще и трунить. Если иронія всегда колка и навлекаетъ за собой тяжкія возмездія, то за картами, при проигрышѣ, онъ—мечъ-кладенецъ, отъ котораго избави, Боже, всякаго нашего брата, яраго человѣка: все полетитъ въ дребезги! Ни какая челюсть не устоитъ! Бѣги, и не оглядывайся! Н. всѣ эти размышленія на другой день слагала въ умѣ своемъ, и обѣщалась, предъ Лежневскими мѣдными образами, впредь быть осторожнѣе, а мы всѣ, проснувшись, посмѣялись немножко въ тихомолку, и больше объ этомъ сухопутномъ абордажѣ уже не поминали. Другого рода готовилась намъ потѣха. Мы во всю дорогу брали, въ добавокъ къ своимъ лошадямъ, по 6 ямскихъ за прогоны. Въ Лежневѣ съ вечера ихъ нарядили, и ни какого сопротивленія не было. Одинъ изъ Волостныхъ Головъ, напоминая время моей службы съ большими комплиментами, вызывался даже самъ на себѣ везти меня, если бы лошадей не достало. „Это уже слишкомъ много", говорилъ я ему, „мой другъ". Къ чему такіе восторги? Я не владыка: ихъ только возятъ на себѣ люди, какъ верблюды, а я не рожденъ видѣть подъ собой себѣ подобныхъ въ конской упряжкѣ. Поди, другъ мой, проспись! А какъ хмѣль у тебя сойдетъ, то прикажи впречь 6 лошадей въ мою карету, и кончено дѣло. Я буду тебѣ очень благодаренъ". Съ этой поговоркою растались мы подъ вечеръ. На завтра—другая пѣсня. „Нѣтъ лошадей про васъ!" кричатъ всѣ, да и полно. Пьяной Староста, про-



спавшись, ужь и клячъ не даетъ, не только самъ шлей не надѣваетъ. Надобно шумѣть, кричать, браниться, или нанимать по волѣ: ломятъ цѣну азартную. Не сойдя съ ума, заплатить нельзя. Словомъ, пользуются всей тягостію необходимости, въ которую мы попали, и прижимаютъ нещадно. Мы имѣли, однако же, при себѣ письменное право на 6 лошадей. У насъ былъ приказъ Земскаго Суда: но что до того за дѣло! Сердитой мужикъ въ ярости посмотритъ ли на чей ни будь приказъ? Ему все трынъ трава, когда кровь задымилась. Я принужденъ былъ кулаками подкрѣпить мое право. Это иногда всего убѣдительнѣе. Они мнѣ грозили жалобами своему помѣщику, разбѣжались, однако лошадей не дали. Я, какъ Генералъ въ осадѣ, обратился къ хитрости и сдѣлалъ слѣдующій маневръ. Оставилъ тутъ карету и двухъ нашихъ барышенъ съ женщиной и слугой, съ тѣмъ, что я въ Суждалѣ разскажу о ихъ буянствѣ. Тамошняя Земская полиція пришлетъ Чиновника сюда унять ихъ, и товарищей нашихъ дорожныхъ изъ сего плѣна высвободить. Планъ нашъ удался. Старосты пошумѣли еще немного послѣ насъ, но лошадей впрягли въ карету, и барышни, сверхъ всякаго нашего чаянія, догнали насъ, какъ мы обѣдали недалеко отъ Суждаля, въ Удѣльномъ селеніи Торчинѣ. Ура! Викторія! Собравши тутъ всѣ наши расточенные корпуса, поѣхали всѣ вмѣстѣ, и подъ вечеръ явились въ Суждалѣ, гдѣ пожилой Маіоръ Ермолинъ принялъ насъ въ домъ свой, какъ доброй человѣкъ, со всѣмъ возможнымъ усердіемъ, обогрѣлъ насъ, напоилъ чаемъ. Стали приходить къ намъ знакомые, и мы, мало по малу, начали забывать Лежневскія приключенія, занялись пріятной бесѣдой о томъ, что на дорогѣ слышали и видали. А разсказывать было что!!!

СУЖДАЛЬ.

Здѣсь мы прогостили цѣлой день, 26-го числа, обѣдали у Ермолина, ужинали у Лялина, пили много и у того и другого, а у послѣдняго ѣли прекрасную бѣлужину со всѣми живорыбнаго ряда прихотями. Безпрестанно съ людьми мы пріятно провели сутки. Изъ Владиміра посѣтили насъ старый другъ Шумиловъ и Нѣмецъ Варчъ. Ихъ усердіе ко мнѣ искало только случая обнаружиться, и когда они могли имъ воспользоваться, то не пропускали изъ виду. Если что ни будь препятствовало мнѣ наслаждаться удовольствіемъ собирать около себя въ Суждалѣ людей, прямо мнѣ преданныхъ, по тому что ни кто отъ меня ни чего не ожидалъ, это безпрестанной и невольной разговоръ о Владимірѣ. Исповѣдую откровенно, что нѣтъ во вселенной для меня края ненавистнѣе Владиміра. Говоря о городѣ, я не разумѣю ни стѣнъ его, ни положеніе мѣста, ни горъ высокихъ, ни садовъ плодоносныхъ. Нѣтъ, не земля Владимірская для меня желѣзна, не небо его мѣдяно: люди, одни люди тамошніе, для меня несноснѣй плотояднаго ястреба, пожирающаго птенца вранаго на кустѣ, противнѣй ящерицы, въ глухой травѣ всасывающей свои яды. Охотнѣе жилъ бы въ Неграхъ и орошалъ слезами неволи сахарной тростникъ, чѣмъ согласился обитать между людьми, толико двоедушными, каковы населяютъ Владиміръ. Нѣтъ правила безъ исключенія. Но что одинъ, или два человѣка добросовѣстныхъ, посреди ста враговъ лукавыхъ? Что апля ароматнаго мvра, распущеннаго въ бочкѣ зловоннаго елея!

Левитъ Димитрій, чернецъ Мельхиседекъ, наполнили всѣ часы дня своею бесѣдою. Первой много читалъ, второй много жилъ. Оба въ разномъ родѣ занять способны. Съ однимъ безпрестанно разсуждаешь

съ послѣднимъ тянешь нитку разныхъ мірскихъ событій и прислушиваешься къ анекдотамъ, не всѣмъ равно извѣстнымъ. Приставали къ разговору и свѣтскіе люди. Словомъ, не умолкали во весь день языки человѣческіе, и можно было по выбору толковать то о дѣлахъ гражданскихъ, то о молотьбѣ хлѣба, или плести сплетни, или читать стихи, и отъ простыхъ существъ натуры переходить внезапу къ вышнимъ поученіямъ богословскимъ. Повершимъ тѣмъ, что я всегда люблю завернуть въ Суждаль: жители тамошніе, кажется, меня любятъ, я искренно къ нимъ расположенъ. Нарочно туда ѣздить нѣтъ для меня разсчета, а имѣя Суждаль на пути, никогда не сверну, ни объѣду.

27 выѣхавши, послѣ закуски у хозяина, это значитъ почти пообѣдавши, проскакали Гаврилову Слободу; перемѣнили лошадей, своихъ накормили, сами еще поѣли у добраго Ковыляева на квартирѣ, повидались съ дороднымъ Шумовымъ, которой никогда не пропускалъ насъ безъ гостепріимства, и думали, что поспѣемъ въ Юрьевъ. Но погода такъ испортилась, такъ было холодно, сыро и ненастно, что по сквернымъ дорогамъ тамошняго края первая деревня, которой мы достигли въ сумерки, показалась намъ сто разъ пріятнѣе темной ночи въ каретѣ. Деревня Парши, въ 14 верстахъ отъ Юрьева, не имѣетъ ни какихъ прелестей и въ лучшее время года, а осенью можно въ нее ссылать за преступленіе: избы негодныя, насѣкомыхъ пропасть; одна отрада та, что, сидя въ ней, не трясетъ на мосточкахъ и колесо не обрывается въ промойну. Здѣсь мы ночевали въ крайнемъ безпокойствѣ, и на завтра, день Воскресной, пріѣхали въ Юрьевъ еще до Обѣденъ, слѣдовательно, пробыли у шурина въ домѣ весь тотъ день. Въ городѣ вѣнчали двѣ свадьбы, но я ни одной не ходилъ смотрѣть, по тому что въ слякоть лучшее торжество — сидѣть въ

теплой комнатѣ. Барышни не утерпѣли, бѣгали въ церковь и во весь день разсказывали намъ, какъ невѣсты были одѣты, какъ водили ихъ кругъ налоя въ вѣнцахъ, чья свадьба богаче, которая пышнѣе. Разсказы ихъ замѣнили для насъ газеты. Городскихъ мы ни кого не видали. Провели время съ родней въ родственныхъ довѣренностяхъ. Жилкуръ разсказывалъ женѣ моей повѣсти, а я Полинѣ напѣвалъ старые куплетцы. Свободнѣе у нихъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, я могъ и писать и читать: время бѣжитъ въ занятіяхъ воображенія. Кто умѣетъ упражняться, тотъ не знаетъ скуки, тяжело время проводить безъ людей. Но у меня тутъ было трое крестниковъ, и они такъ потѣшили меня ребячествомъ своимъ, что я и вечера не видалъ. Сверхъ того мысль, что черезъ два дни мы будемъ дома, такое приносила удовольствіе, какого любопытство одно во все время путешествія нашего не могло намъ доставить. Итакъ, чтобъ быть дома, чтобъ цѣнить выгоды домашней жизни, надобно иногда удаляться отъ него и странствовать по чужимъ избамъ: поймите послѣ этого человѣка!!!

НАКОНЕЦЪ И ДОМА.

Оставалось еще два дни маяться. Изъ Юрьева, проѣхавъ вотчиной Апраксина, Клинъ именуемая, въ которой большой домъ и разныя заведенія настроены, пріѣхали кормить въ Ильинское, село старинное, большое, Сенатора Нелединскаго. Храмъ древней архитектуры, жилища крестьянскія протянуты по наклону горы и даютъ издали видъ красивой помѣстью. Здѣсь мы обѣдали, и поспѣли ночевать на Старый Дворъ, имѣніе Г. Ермолова, гдѣ еще болѣе безпокойства нашли, нежели подъѣзжая къ Юрьеву. Но близость къ Москвѣ приба-

вила въ насъ мужества, и мы не отреклись въ послѣднiй разъ лечь спать въ каретѣ, по тому что избы усѣяны тараканами и нечистота въ нихъ примѣрная.

Пробудки были часты, сонъ флеровой, но надежда быть скоро дома заставляла все сносить съ терпѣньемъ. Послѣ трудовъ покой бываетъ вдвое драгоцѣннѣе. Такъ послѣ жизни утѣшитъ насъ отъ всѣхъ ея суетъ минута смерти, и заключенiе въ нѣдра сырой земли отниметъ всякую болѣзнь.

30-го числа мы проѣхали Киржачъ, не останавливаясь, и упряжкою одной поспѣли обѣдать за 6 верстъ далѣе, въ деревню Храпки. Скоро примчали насъ лошади въ Московскую Губернiю. Мы перекрестились, обрадовались и, уже какъ дома, расположились ночевать въ Стромынѣ. Село большое, отъ столицы въ 60 верстахъ. Старой Дьячекъ заштатной еще живъ былъ: я его засталъ на той же печи въ одной рубашкѣ. Онъ узналъ меня по голосу и вспомня, что я съ нимъ вмѣстѣ распѣвалъ однажды стихири на пути изъ Шуи въ Подмосковную, затянулъ Богородичной тропарь. Мнѣ было не до пѣсенъ: я усталъ, хотѣлъ поѣсть и спать, но чтобъ взаимно его потѣшить, подтянулъ тутъ же, и онъ былъ мною очень доволенъ. Въ этой избѣ насъ безпокоили не насѣкомыя, а ребятишки: полна хорома дѣтей всякаго возраста; иной кричитъ на колѣняхъ у матери, иной пищитъ въ зыбкѣ. Дьячекъ всталъ съ пѣтухами и затянулъ Сѣдальны во все горло: худой покой для проѣзжаго, но завтра, завтра, думалъ я, мы дома, и эта одна мысль все вокругъ меня дѣлала прiятнымъ. Къ счастiю, погода во весь тотъ день была хорошая: небо прояснивало чело свое, солнышко, котораго мы давно не видали, показало намъ свою огненную скрижаль, и стало потеплѣе. Казалось, что на родинѣ и стихiи благотворнѣе къ намъ, чѣмъ въ чужихъ земляхъ.

1-го Октября, Покровъ, возвратились мы къ своимъ пенатамъ. Отъ Стромыни до Никольскаго верстъ 30 съ небольшимъ. На пути нашемъ, не далеко отъ деревнишки, въ одномъ сельцѣ, попали мы на храмовой праздникъ. Еще шла Обѣдня. Вокругъ церкви разставлены были шалаши со всякимъ мелочнымъ товаромъ. Гуляки Московскіе толпились во всемъ своемъ деревенскомъ нарядѣ. Ай да матушка каменна Москва! Чего ты побоишься? Отъ чего дрогнешь? Давно ли бѣда тебя постигла? Давно ли огнь попалилъ твои сокровища? Давно ли мечъ разогналъ твоихъ жителей по лѣсамъ и ущельямъ? Ушелъ врагъ міра къ прокаженнымъ своимъ народамъ, и мы снова ликуемъ въ торжествѣ! Благодать Божія уврачевала язвы твои, рука Всесильнаго отерла слезы наши. Снова поселянинъ надѣваетъ праздничную свою ношу, баба покрывается блестящею фатою, а дѣтище на рукахъ ея смѣется поминутно. Боже, покоривый Моисею Фараона, Давиду Авессалома, и потрясшій предъ Навиномъ гордыя стѣны Іерихона, Боже нашъ! Кто уподобится тебѣ, и чѣмъ воздадимъ тебѣ за вся благая, изліянная на насъ, рабовъ своихъ, изумленныхъ множествомъ чудесъ твоихъ? Сія была жертва устенъ моихъ, въ коей исповѣдалось сердце предъ домомъ Создателя міра, при услышаніи изъ коляски гимновъ Владычныхъ, въ честь перваго праздника осенняго во странѣ отцовъ нашихъ.

Шибко мы поскакали на село свое, и лошади почувствовали, что близко уже отъ насъ неподвижныя ихъ ясли. Все зарадовалось вокругъ насъ. Всякой смотрѣлъ впередъ, чтобъ прежде прочихъ закричать: „Никольское!“ Всѣ разомъ завидѣли сельскую колокольню, и естьли бъ дали мы себѣ волю, едва не скорѣе ли пѣшкомъ добѣжали, чѣмъ въ экипажахъ доѣхали. Слава Богу, кончилось наше путешествіе! Поклонились иконамъ, обняли мы сестру, дѣтей, домашнихъ, и со всѣми домо-

чадцами еще на крыльцѣ перецѣловались. Первыя минуты принадлежали чувствамъ сердца, и мы въ полной свободѣ ими насладились. Потомъ начались суеты: всякой развязывалъ свои узелки, вынималъ изъ коробочекъ гостинцы. Другъ друга дарили, привѣтствовали, всѣ говорили вдругъ: пріѣзжіе торопились разсказывать, что видѣли, а домашніе, что безъ насъ случилось. Шумъ, гамъ! Трапеза, исполненная деревенскаго довольства. Послѣ обѣда отдохнули, и опять къ вечеру сошлись на болтовню. Читатель помнитъ, что я писалъ стихи дорогой. Подали свѣчи, разложили огонь въ каминѣ. Ввалился я въ большія батюшкины кресла, всѣ около меня посѣли въ круговеньку, вытащилъ тетрадь изъ кармана и началъ читать слѣдующее мое новое произведеніе:

Летитъ Октябрь, и посылаетъ
Всю непогодь свою впередъ,
Борей деревья раздѣваетъ,
А снѣгъ подъ спудъ траву кладетъ.
Межъ тѣмъ я въ полѣ разъѣзжая,
Въ путь дальній лѣто провожая,
Верстъ за сто отъ Москвы, съ женой,
Ворчу, закутавшись въ коляскѣ,
При всякой на мосточкахъ тряскѣ:
„Пора, мой другъ, жена, домой!

* * *

Пора въ Никольской воротиться,
Дѣтей родныхъ своихъ обнять,
Отъ стужи къ печкѣ прислониться,
И милыхъ впредь не покидать:
Каминъ разложимъ хорошенько,
Къ огню присядемъ въ круговеньку,
Обычай вспомнимъ стариковъ:
Молоть другъ другу станемъ сказки,
И въ шумѣ дружеской побаски,
Не взвидимъ длинныхъ вечеровъ".

* * *

О духъ проклятый любопытства,
Совсѣмъ замыкалъ ты меня!
Едва отъ женъ и волокитства
Подъ старость излѣчился я,
Какъ вдругъ пристала страсть другая,
Неугомонная, лихая—
Иногородныхъ странъ смотрѣть:
Минуты дома не сидится,
Разсудокъ боленъ и крушится
Въ желаньяхъ міръ весь обозрѣть.

* * *

Пріятно странствовать, гдѣ можно,
(Коль книги правду говорятъ)
Достать, платя за все, какъ должно,
Чего пять чувствъ ни похотятъ,
Гдѣ солнца лучъ во весь день грѣетъ,
А въ ночь зефиръ прохладный вѣетъ,
И гладокъ путь, какъ штучный полъ;
Гдѣ всѣ природы прозябенья,
Трактирщики для наслажденья
На станціяхъ несутъ на столъ.

* * *

А здѣсь ѣзда—бѣда ужасна,
На почтовыхъ ли, на своихъ,
Земля, кормилица несчастна,
Плодовъ не носитъ ни какихъ!
Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть.
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться,
Не сыщешь булки мягкой съѣсть.

* * *

Уже ли кто не согласится
По смыслу здравому признать,
Что между тѣмъ, чтобъ прокатиться,
Или во весь опоръ скакать,
Должна быть разница большая?
Курьеръ, все Царство объѣзжая,
Дрожитъ, какъ Каинъ, на блуку:
Онъ кровью харкаетъ, онъ плачетъ,
Велятъ! и день и ночь все скачетъ,
Летитъ стремглавъ въ оврагъ, въ рѣку.

* * *

Но путешественникъ свободной,
Изъ прихоти собравшись въ путь,
Не любитъ на стезѣ негодной
Ломать бока себѣ и грудь;
Коней взбѣсясь, не погоняетъ,
Онъ ночью спитъ, а днемъ гуляетъ;
Любуясь міра красотой,
Людей разглядывая нравы,
И въ самой пустынѣ забавы
Найтить на вкусъ умѣетъ свой.

* * *

И такъ! въ послѣдній разъ, конечно,
Я путешествую теперь;
Готовъ сидѣть въ покояхъ вѣчно,
Какъ робкой подъ кустами звѣрь.
Увы! Чего искать иного,
Куда ни кинься, какъ худого.
Обида, бѣдность, голодъ, вой:
За это зрѣлище въ награду,
Терпѣть убытки и досаду,
Пускай же пробуетъ другой!

* * *

А я, уставши въ полномъ смыслѣ,
Въ Москвѣ присяду на гнѣздѣ,
И такъ свои построю мысли,
Чтобъ было любо имъ вездѣ.
Насущный хлѣбъ есть корень счастья,
Во время ведра и ненастья,
Математическій декретъ!
Я это очень твердо знаю,
И вѣрить самъ ужь начинаю,
Что тамъ прекрасно, гдѣ насъ нѣтъ.

Всѣ забили въ ладоши: „Браво! браво! Прекрасно, справедливо, точно такъ!" и я, съ важнымъ видомъ стихотворца, произнесъ рѣшительный сей приговоръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

BINDING LIST NOV 5 1952

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED